

М. Тейлор

**НЕНАДЕЖНАЯ
СТРАТЕГИЯ**

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СССР**

MAXWELL D. TAYLOR

General, U. S. Army (Retired)
Chief of Staff, 1955—1959

THE UNCERTAIN
TRUMPET

HARPER AND BROTHERS, PUBLISHERS
New York — 1960

МАКСУЭЛЛ ТЕЙЛОР

1

НЕНАДЕЖНАЯ СТРАТЕГИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

*Под редакцией
и с предисловием
генерал-майора
М. А. МИЛЬШТЕЙНА*

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1961

М. ТЕЙЛОР

НЕНАДЕЖНАЯ СТРАТЕГИЯ

(Перевод с англ.)

Автор книги — в прошлом начальник штаба американской армии, а в настоящее время личный военный советник президента — подвергает критике стратегическую доктрину США, основанную на известной концепции «массированного ответного удара», и предлагает пересмотреть ее в свете современной международной обстановки и развития новых видов оружия. Отстаивая свою точку зрения, автор приводит много любопытных сведений об американской военной машине.

Книга предназначена для генералов, адмиралов и офицеров Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Перевод с английского
П. Н. ВИДУЭЦКОГО и Г. А. ИОФИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемая читателю книга «Ненадежная стратегия» написана бывшим начальником штаба армии США генералом М. Тейлором. В ней автор подвергает критике так называемый «новый курс» в военной политике США, провозглашенный после прихода к власти правительства Эйзенхауэра, в основу которого была положена стратегия массированного ответного удара.

Прежде всего следует подчеркнуть, что термин «массированный ответный удар» американские милитаристы придумали для маскировки агрессивной сущности этой стратегии. Под ним скрывается подготовка к внезапному массированному применению ядерного оружия по важнейшим объектам Советского Союза и других социалистических стран. Следовательно, фактически речь идет не об «ответном ударе», а о внезапном нападении.

Не первый раз американская военная политика подвергается в США критике. С критикой выступают и журналисты и ученые, военные писатели и политические деятели, промышленники и дипломаты. Отзвуки этой критики можно найти и в книге Осгуда «Ограниченная война», и в книге Киссингера «Ядерное оружие и внешняя политика», и в книге Броди «Стратегия в век ракетного оружия», и, наконец, в известных докладах так называемого комитета Гэйтера, Рокфеллеровского фонда и т. п.

Однако на этот раз с критикой стратегии массированного ответного удара выступает бывший начальник штаба армии США, который хорошо знает, как разрабатывалась эта стратегия, ибо принимал непосредственное участие в ее формулировании.

Не случайно книга Тейлора вызвала в США весьма широкие отклики, отдельные главы и положения книги неоднократно перепечатывались газетами и журналами,

в том числе журналами «Лук» и «Лайф», и вопросы, поставленные в ней, все еще оживленно обсуждаются.

Особый интерес к «Ненадежной стратегии» во многом объясняется тем, что с критикой военной политики и стратегии США выступил человек, который в течение длительного времени руководил одним из важных видов вооруженных сил страны.

Чтобы читатель мог представить себе положение начальника штаба армии США и его место среди руководящих деятелей Пентагона, а также правильно оценить рассматриваемые в книге вопросы, следует хотя бы вкратце рассказать о том, какова структура высших органов военного управления США.

Как известно, вооруженные силы США состоят из трех видов: сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морских сил. Соответственно этому в США имеются три военных министерства: министерство армии, министерство военно-воздушных сил и министерство военно-морских сил. Министрами назначаются, как правило, гражданские лица — представители крупнейших монополий. Между военными ведомствами ведется острая и непрерывная борьба. Свое внешнее выражение она находит в спорах о ведущей роли того или иного вида вооруженных сил в будущей войне или того или иного вида оружия. В значительной степени борьба между военными ведомствами является отражением разногласий между стоящими за ними различными монополистическими группировками, заинтересованными в получении большей доли военных заказов и военных кредитов.

На министерства армии, ВВС и ВМС возложены главным образом функции административного руководства и материально-технического обеспечения. Командующим того или иного вида вооруженных сил фактически является начальник соответствующего штаба. Так, командующим сухопутными войсками — начальник штаба армии, командующим военно-воздушными силами — начальник штаба ВВС и командующим военно-морскими силами — начальник штаба ВМС.

В целях выработки единой линии в развитии вооруженных сил и единых взглядов на их использование в войне, а также для централизации руководства ими правительство США еще в 1947 году провело реорганизацию центральных органов военного управления. Был создан совет национальной безопасности — верховный консуль-

тативный орган при президенте, ответственный за разработку и проведение в жизнь военной политики. В него вошли президент, вице-президент, государственный секретарь, министры обороны и финансов, председатель комитета начальников штабов, начальник управления гражданской мобилизации для обороны и начальник бюджетного управления. Автор в своей книге неоднократно упоминает о работе этого Совета.

Одновременно при министерстве обороны создали комитет начальников штабов, куда вошли начальники штабов сухопутной армии, военно-воздушных и военно-морских сил. Комитет начальников штабов представляет собой верховный орган оперативно-стратегического планирования и руководства вооруженными силами США. Вместе с тем комитет начальников штабов считается основным консультативным органом президента США, верховного главнокомандующего вооруженными силами. В 1958 году правительство США вновь провело реорганизацию органов высшего военного управления, на этот раз направленную в основном на повышение роли министра обороны и комитета начальников штабов с целью лучшего приспособления своих вооруженных сил для ведения войны в условиях применения ядерного оружия. Командующие видами вооруженных сил продолжают нести ответственность за организацию и боевую подготовку частей и соединений, а также за накопление в мирное время обученных резервов в соответствии с планом, принятым комитетом начальников штабов.

Следовательно, начальник штаба армии США является одним из трех руководителей видов вооруженных сил, призванных осуществлять на деле принятые комитетом начальников штабов решения. На равных правах с другими членами комитета начальников штабов он участвует в формулировании основных военно-стратегических концепций США и хорошо осведомлен о том, как происходит их разработка.

Все это повышает ценность разоблачений и тех откровенных критических замечаний в адрес американской стратегии, которые так широко представлены на страницах данной книги.

Однако не следует думать, что автор ставит под сомнение правильность агрессивной направленности политики империалистических кругов США или что его критика американской стратегии имеет целью прекращение

гонки вооружений и ликвидацию напряжения в отношениях между государствами. Он выступает лишь против стратегии, которая, по его мнению, устарела, требует решительного пересмотра, ибо, как он считает, теперь с ее помощью невозможно осуществить поставленные империалистами США планы завоевания мирового господства. Этим объясняется тот факт, что, критикуя современную стратегию США, автор на все лады ратует за усиление гонки вооружений, за увеличение бюджетных ассигнований на военные нужды, за осуществление еще более агрессивных мероприятий, за принятие такой стратегии, которая должна принести успех империалистам США в их борьбе против прогрессивных и свободолюбивых сил мира.

В книге Тейлора девять глав, первые пять почти целиком посвящены истории возникновения стратегии «массированного ответного удара», критическому анализу этой стратегии, недостаткам в строительстве вооруженных сил и в структуре высших органов военного управления.

В остальных четырех главах показывается сущность разногласий между видами вооруженных сил по основным вопросам строительства вооруженных сил и военной стратегии, а также формулируются предложения по созданию «новой и надежной стратегии» и дается ее краткое содержание.

Когда же возникла доктрина «массированного ответного удара», или, как ее еще называют, стратегия «ядерного сдерживания», и в чем ее содержание?

Возникновение этой теории относится к тому мрачному июльскому дню 1945 года, когда в пустынной местности штата Нью-Мексико в Аламогордо был произведен первый опытный взрыв американской атомной бомбы, а немного позднее без всякой военной необходимости были сброшены первые американские атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Атомные взрывы в двух японских городах, сопровождавшиеся массовыми человеческими жертвами и небывалыми разрушениями, возвестили о начале атомной эры.

В период, когда в арсенале США появилась атомная бомба, возникло много военных теорий. Они росли быстро, как ядовитые грибы после дождя, и порой поражали своей нелепостью и фантастичностью.

Главной из них была теория «массированного ответного удара», составная часть атомной дипломатии.

«Американский народ, — пишет в своей книге Тейлор, — легко поверил, что атомная бомба — это абсолютное оружие, которое позволит Соединенным Штатам, единственному его обладателю, поддерживать порядок во всем мире при помощи угрозы его применения». «Таким образом, — продолжает автор, — в 1945 году возникло новое стратегическое кредо, ставшее известным как доктрина массированного ответного удара» (стр. 36), смысл которой, как заявляет автор, заключался в том, чтобы поддерживать угодный США «порядок во всем мире» при помощи угрозы применения ядерного оружия.

При этом в основу предположений американских идеологов был положен не всесторонний научный и объективный анализ происходивших в то время явлений и возможный характер их развития, а главным образом узкоклассовые интересы монополистического капитала.

В своих прогнозах о характере будущей войны они исходили из несостоятельных расчетов на мнимую монополию США в ядерном оружии и их превосходство в стратегической авиации. Эти идеологи считали, что основным средством доставки ядерного оружия до цели явится стратегический бомбардировщик. Далее они полагали, тоже малоосновательно, что территория США будет неуязвимой для средств ядерного нападения предполагаемого противника в силу ее отдаленности от вероятных театров военных действий и относительной недосыгаемости американского континента для современных средств поражения. Все эти расчеты были положены в основу стратегии массированного ответного удара, и с ее помощью реакционные круги США пытались осуществлять политику «атомного шантажа», давления на другие страны и запугивания их народов. Цель все та же — осуществление своих агрессивных планов.

Одним из источников этой доктрины автор не случайно называет теорию воздушной войны итальянского генерала Дуэ. Перед второй мировой войной взгляды Дуэ оказали большое влияние на военных деятелей многих буржуазных стран, в том числе и США. Дуэ проповедовал идею самостоятельной роли военно-воздушных сил в

войне и возможность достижения победы с помощью одной авиации.

После второй мировой войны буржуазные военные историки всячески старались умалить решающую роль Советских Вооруженных Сил в разгроме гитлеровской Германии. Вместе с тем преувеличивались действия стратегической авиации, широко распространялась версия о том, что крах гитлеровской военной машины произошел главным образом в результате воздушных бомбардировок Германии англо-американской стратегической авиации.

В изданной в США в 1958 году книге «Стратегическое авиационное командование» стратегическая авиация определяется как основное средство нанесения поражения нацистской Германии. «Стратегические бомбардировки, — говорится в этой книге, — явились главным фактором окончательного разгрома Германии»¹.

Тейлор справедливо опровергает эти утверждения. Он пишет, что «...стратегические бомбардировки не оказали решающего воздействия на уничтожение военной промышленности нацистской Германии. Они содействовали достижению окончательной победы, но не были ее решающим фактором» (стр. 44). Однако, говоря о поражении Японии, автор, вопреки действительным фактам, утверждает, что «двух бомб... оказалось достаточно», чтобы японцы капитулировали. В то же время Тейлор умалчивает о роли, которую сыграли в победе над империалистической Японией Советские Вооруженные Силы, разгромившие в короткий срок Квантунскую армию — основное ядро сухопутных сил Японии.

Что же касается двух атомных бомб, которые американцы сбросили на Нагасаки и Хиросиму, то их применение вовсе не вызывалось военной необходимостью, а привело к неоправданной гибели десятков тысяч мирных японских жителей.

Видный американский публицист Бернард Броди в книге «Стратегия в век ракетного оружия» пишет: «Послевоенные исследования обязывают нас признать, что две атомные бомбы, сброшенные на Японию, оказали гораздо меньшее влияние на окончание второй мировой войны, чем им приписывалось»¹.

¹ Richard G. Hubler. SAC. The Strategic Air Command, N. Y., p. 62.

Первый серьезный удар по стратегии массированного ответного удара был нанесен 25 сентября 1949 года, когда из сообщения ТАСС стало известно о том, что Советский Союз овладел секретом производства ядерного оружия и имел это оружие еще в 1947 году.

Автор умалчивает об этом сообщении. Дело в том, что тогда, как уже указывалось, американские милитаристы без всяких на то оснований считали, будто США далеко ушли вперед в производстве ядерного оружия и средств доставки ядерного оружия до цели, и особенно в развитии стратегической авиации.

В 1950 году началась интервенция вооруженных сил США в Корею. Автор уделяет много внимания тому, как военные действия в Корею повлияли на дальнейшее развитие стратегии «ядерного сдерживания».

Реакционные круги США надеялись варварской бомбардировкой мирных городов и сел Корейской Народно-Демократической Республики подорвать моральный дух корейского народа, военно-экономическую мощь страны и в короткий срок победоносно закончить войну.

Но эти расчеты империалистов США потерпели позорный провал. Никакие бомбардировки не смогли и не смогут сломить волю народа, борющегося за свободу и независимость своей родины.

Сторонники теории «воздушной мощи» цинично объясняют теперь провал корейской авантюры тем, что им не разрешили применить ядерное оружие.

Этот факт признает в своей книге и Тейлор. «Если бы, — сокрушается он, — можно было освободить наши военно-воздушные силы от надетых на них оков, они путем неограниченных бомбардировок источников военной мощи противника смогли бы довести войну до победного конца» (стр. 47).

Таковы были коварные планы американских милитаристов, которые уже в те годы настаивали на применении смертоносного ядерного оружия против корейского народа.

Тейлор в то время командовал в Корею 8-й американской армией. На страницах своей книги он с ледяным

¹ Б. Броди. Стратегия в век ракетного оружия. Воениздат. М., 1961, стр. 177.

спокойствием подтверждает наличие этих планов, не высказывая против них ни малейшего возражения.

Вместе с тем Тейлор считает, что война в Корее должна была опровергнуть эффективность стратегии массированного ответного удара. «И все же, как ни странно, — с сожалением отмечает автор, — в Соединенных Штатах опыт войны в Корее привел не к ослаблению веры в атомную воздушную мощь, а, скорее, к ее укреплению» (стр. 48).

Между прочим, игнорирование опыта войны весьма характерно для буржуазных идеологов, которые часто не хотят считаться с историческими фактами и действуют вопреки им. Но жизнь не прощает этого, и потом таким деятелям приходится расплачиваться за пренебрежительное отношение к историческим урокам. Так получилось и с реакционными кругами США.

Несмотря на то, что военные действия в Корее, как отмечает автор, нанесли тяжелый удар приверженцам стратегии «массированного ответного удара», она устояла. Более того, она получила полное признание как ортодоксальная стратегия в так называемом «новом курсе», принятом правительством США в 1953 году. Об этом автор говорит на стр. 36.

Что же это за «новый курс», против которого в основном и направлена предлагаемая читателю книга?

До 1953 года среди военного руководства США господствовала так называемая теория «сбалансированных вооруженных сил», предусматривавшая в известной степени равномерное развитие всех видов вооруженных сил. В соответствии с этим ассигнования распределялись в основном равномерно между армией, военно-воздушными и военно-морскими силами. Так, согласно военному бюджету на 1952/53 финансовый год на армию отпускалось свыше 16 млрд., на военно-воздушные силы — 15 млрд. и на военно-морские силы — около 12 млрд. долларов.

Однако бурное развитие ядерного оружия и средств доставки его до цели возродили авантюристические расчеты империалистов США на «атомно-воздушную мощь» страны, главными составными элементами которой считались стратегическая авиация и ядерное оружие.

Что касается сухопутных войск, то им отводилась второстепенная роль.

Исходя из всего этого, в 1953 году, после прихода к власти правительства Эйзенхауэра, комитет начальников штабов приступил к разработке «нового курса» в стратегии.

Надо сразу оговориться, что он ничего не менял в принципах американской политики, в ее сути. Она оставалась политикой агрессии, сколачивания агрессивных блоков, подготовки и развязывания войны против стран социалистического лагеря и против других свободлюбивых сил мира.

Следовательно, «новый курс», о котором так много пишет автор, касался в основном новых направлений в строительстве вооруженных сил.

Наиболее яркое воплощение «новый курс», нашел в трехлетнем плане строительства вооруженных сил США на период с июля 1954 года по июль 1957 года¹.

Этот план предусматривал некоторое сокращение численности сухопутных войск при значительном усилении военно-воздушных сил, что в первую очередь отразилось на распределении бюджетных ассигнований.

Если в 1950/51 финансовом году на военно-воздушные силы расходовалось 24,4% военного бюджета, то в 1953/54 году — уже 32,3%. «С 1955 по 1959 финансовый год, — пишет Тейлор, — средства распределялись следующим образом: около 46% — военно-воздушным силам, около 28% — военно-морским силам и морской пехоте и примерно 23% — армии». И далее: «Что касается важнейшей части ассигнований, предназначенной для закупки нового вооружения... то военно-воздушные силы за этот период систематически получали около 60 процентов отпускаемых средств, военно-морские силы и морская пехота — около 30 процентов и армия — около 10 процентов» (стр. 91).

Конечно, такое направление в развитии вооруженных сил не могло не вызвать серьезного недовольства со стороны представителей сухопутных войск и тех монополистических группировок, которые обеспечивают сухопутные войска вооружением и военной техникой. Их представители выступили с протестами, но почти ничего не добились, и генерал Риджуэй вынужден был уйти с

¹ Новый бюджетный год в США начинается с июля месяца.

поста начальника штаба армии, пробыв на нем всего два года — с 1953 по 1955 год.

Итак, основной упор в «новом курсе» делался на развитие военно-воздушных сил, и особенно стратегической авиации.

В официальном наставлении ВВС следующим образом определялась роль военно-воздушных сил среди других видов вооруженных сил: «Военно-воздушные силы являются основным военным средством, обеспечивающим захват инициативы и достижение решительных результатов во всех формах международных отношений, включая полный мир, холодную войну, войну ограниченных масштабов и тотальную войну»¹.

Победа «нового курса» была победой не только представителей военно-воздушных сил, но и монополистических группировок, заинтересованных в производстве самолетов и авиационного вооружения.

Тейлор вынужден признать, «что все военные программы, как бы они ни различались по своему характеру, на деле конкурируют между собой ради получения определенного количества долларов... Определение заранее суммы военного бюджета обостряет борьбу между видами вооруженных сил за ассигнования и является главной причиной их соперничества, которое подрывает доверие наций к нашим военным программам» (стр. 123). Это примечательное признание автора лишней раз подтверждает, что в основе всех разногласий в Пентагоне лежат не национальные интересы страны, а главным образом желание получить побольше прибылей от военных заказов, то есть корыстные интересы отдельных монополистических группировок.

«Новый курс», в основу которого легла стратегия массированного ответного удара, кроме упора на развитие военно-воздушных сил, имел еще одну особенность. Он исходил в основном из ведения так называемой «тотальной войны», или всеобщей ядерной войны.

Тейлор обвиняет авторов «нового курса» в игнорировании необходимости подготовки американских вооруженных сил к «ограниченным войнам». Он пишет, что «стратегия массированного ответного удара могла предоставить нашим руководителям лишь два варианта на

¹ Air Force, January 1956.

выбор: либо развязывание всеобщей ядерной войны, либо компромисс и отступление» (стр. 37).

И Тейлор приходит к следующему выводу: «Война в Корее — ограниченная война... послужила явным опровержением универсальной эффективности этой стратегии. Многие другие ограниченные войны, происходившие после 1945 года, ясно свидетельствуют о том, что, хотя наша стратегия массированного ответного удара, может быть, и предотвратила «большую войну», ей не удалось сохранить «малый мир», т. е. мир, исключаящий беспорядки, которые можно назвать «малыми» лишь в сравнении с бедствиями всеобщей войны» (стр. 37).

Этот вывод не оригинален. К нему пришли Киссинджер в книге «Ядерное оружие и внешняя политика», Осгуд в «Ограниченной войне», Гейвин в «Войне и мире в космический век» и многие другие американские военные деятели и военные теоретики.

Действительно, стратегия массированного ответного удара оказалась не в состоянии предотвратить поражения империалистов в Корее, Индокитае, Египте; она была также бессильна приостановить бурное развитие национально-освободительного движения колониальных и зависимых народов.

Тейлор и его коллеги не в силах понять, что поражения империалистов во многих районах мира, где велись так называемые «ограниченные войны», вызваны глубочайшими социально-политическими сдвигами в современном мире, и неудачи США они объясняют исключительно тем, что Соединенные Штаты недостаточно подготовились к военному вмешательству в соответствующих районах, то есть к ведению «ограниченных войн».

Но не только события в Корее, Индокитае, Египте и в других странах нанесли удар по пресловутой американской стратегии массированного ответного удара. Сокрушительный удар по ней нанесен успешным испытанием в Советском Союзе межконтинентальной баллистической ракеты и запуском искусственных спутников Земли.

Великие научные достижения СССР, явившиеся для американских стратегов полной неожиданностью, опрокинули расчеты, положенные в основу военных планов США вообще и стратегии массированного ответного удара в частности.

Автор, хотя и называет запуск первого советского спутника «потрясением», тем не менее о влиянии этого события на развитие указанной стратегии говорит весьма мало и недостаточно вразумительно. Он, в частности, подчеркивает, что «успех советского спутника оказался для нас (то есть для Пентагона) ценным союзником в борьбе за сохранение уровня численности вооруженных сил и за получение дополнительных ассигнований» (стр. 80). Ничего нет удивительного в том, что это событие в США было использовано для гонки вооружений. Но, конечно, не это главное в тех изменениях, которые произошли в американской стратегии в результате достижений советской науки и техники. Как уже указывалось, американская стратегия основывалась на внезапном ударе стратегической авиации, предполагавшем преимущество США перед СССР в ядерном оружии, средствах доставки его до цели и в географическом положении. Но эти расчеты оказались неосновательными и авантюристичными. Запуск баллистической ракеты в СССР показал, что неуязвимость территории США отошла в безвозвратное прошлое, что стратегическая авиация, на которой американские стратеги строили все свои расчеты, потеряла былое значение. Управляемый межконтинентальный баллистический снаряд обладает несравнимо большей скоростью, дальностью, высотой полета и может нести ядерный заряд колоссальной разрушительной силы. Главное — запуск баллистической ракеты показал всему миру, что Соединенные Штаты значительно отстали от СССР в наиболее важных областях науки и техники, в частности в ракетостроении, которое в современных условиях определяет военную мощь государства.

Все это внесло в ряды американских милитаристов известное замешательство.

В тот период в США в изобилии появились всякого рода «исследования», доклады, планы и доктрины, преследовавшие одну и ту же цель: усиление гонки вооружений и развертывание подготовки к войне в еще больших масштабах и более ускоренными темпами.

Вместе с тем тогда же развернулась усиленная критика стратегии массированного ответного удара, предусматривавшей ведение войны только глобального харак-

тера, и стала восхваляться теория ведения так называемых «ограниченных», или «локальных», войн.

Активным сторонником этой теории выступает и генерал Тейлор в «Ненадежной стратегии». В «ограниченных» войнах автор видит один из главных элементов стратегии «гибкого реагирования», которую он выдвигает взамен стратегии массированного ответного удара, способной, по его мнению, привести к всеобщей войне, а значит, и к взаимному уничтожению.

«Ограниченная» война, как говорят ее проповедники, — это война, которая может ограничиваться определенным сравнительно небольшим географическим районом; в ней используется лишь некоторая часть вооруженных сил и отдельные виды оружия. «Ограниченные» войны, уверяют эти пропагандисты, не угрожают возникновением всеобщей войны. Они считают также, что поскольку никто не желает «тотальной» войны, которая приведет к взаимному уничтожению, постольку воюющие стороны неизбежно ограничат свои действия определенными рамками и будут придерживаться таких правил ведения войны, которые не приведут к мировой войне.

Что касается ядерного оружия, то сторонники теории «ограниченной» войны предлагают применять его «ограниченно» — с точки зрения выбора целей и калибра оружия. Предполагается, что в «ограниченной» войне может быть применено главным образом тактическое ядерное оружие против объектов на поле боя.

Таковы кратко основные положения этой теории, нашедшие в известной степени отражение в книге Тейлора.

Надо ли говорить, что утверждение, будто «локальные» войны вовсе не ведут к всеобщей войне, неправильно. В наши дни условия ведения войн и расстановка сил на международной арене настолько изменились, что опасность превращения любой «локальной» войны в войну всеобщую вполне реальна. В эпоху бурного развития военной техники, ядерного и ракетного оружия агрессия против одной страны создает непосредственную угрозу безопасности других государств. «Малая агрессия» легко может оказаться искрой, которая зажжет истребительный пожар мировой войны.

Следовательно, эта теория с военной точки зрения явно несостоятельна, а с политической — крайне опасна,

ибо с ее помощью империалистические круги США стремятся усыпить бдительность народов, борющихся против ядерной войны, обосновать и оправдать агрессивную политику США и подготавливаемые ими захватнические войны в Африке, в странах Востока и Латинской Америки.

Точка зрения Тейлора по вопросу об «ограниченных» войнах наиболее полно изложена в его выступлении на заседании совета национальной безопасности при очередном обсуждении так называемой директивы «Основная политика в области национальной безопасности» на 1958 г. (см. гл. IV).

В присутствии руководящих деятелей правительства и Пентагона Тейлор открыто признал, что «в условиях ядерного паритета, когда обе стороны обладают способностью уничтожить друг друга, не может быть места стратегии массированного ядерного ответного удара...», что эта стратегия «утратила свою действенность» (стр. 87—88). Взамен он потребовал «усилить внимание военным приготовлениям, обеспечивающим успешные действия во всех иных ситуациях, кроме всеобщей войны» (там же). То есть Тейлор говорил об усилении подготовки вооруженных сил США к ведению «ограниченных» войн.

В этом же выступлении он дал новое определение термину «ограниченная» война. Он сказал: «В условиях взаимного сдерживания необходимо дать новое определение ограниченной войны как вооруженного конфликта, в котором существование Соединенных Штатов как нации не находится под непосредственной угрозой». И далее: «Это новое определение признавало бы возможность вооруженных конфликтов в таких местах, как зона НАТО, что исключалось прежним определением» (стр. 88).

В данном определении Тейлор весьма откровенно раскрыл то, что многие американские политики тщательно скрывали. Еще недавно эти политики утверждали, что «ограниченные» войны — это войны, которые ведутся в «ограниченных», главным образом в так называемых «периферийных» районах, то есть в районах Африки, Ближнего и Среднего Востока. Оказывается, нет. Это войны, в которых Соединенные Штаты не будут находиться под угрозой.

Следовательно, Тейлор и его коллеги стремятся огра-

ничить войну лишь так, чтобы она не затрагивала американский континент. Они хотели бы вести войну на территории других государств, где рекомендуют применять все современные средства массового поражения. Иначе говоря, такая война — «ограниченная» лишь с точки зрения самих Соединенных Штатов, а для других стран она явится разрушительной «тотальной» войной.

Утверждение Тейлора, что и в зоне НАТО возможны ограниченные конфликты, лишний раз подчеркивает, какую чудовищную опасность для человечества таит в себе пропаганда «ограниченной» войны, войны, которая на деле является одним из средств подготовки неограниченной агрессии против социалистических стран и всех свободолюбивых сил мира.

Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский по поводу подобных утверждений заявлял: «В ответ на беспочвенную и неумную болтовню империалистов о возможности ведения «ограниченных» войн Советский Союз ясно заявил, что в современных условиях любая война может повлечь за собой мировой конфликт, что она может быть только прелюдией к неограниченной, уничтожающей войне»¹.

Не случайно поэтому перед Советскими Вооруженными Силами стоит актуальная задача — повышать постоянную боевую готовность, поддерживать высокую бдительность, чтобы быть готовыми сорвать коварные замыслы агрессоров.

По мнению Тейлора и тех кругов, которые он представляет, теория «ограниченной» войны является существенным элементом новой стратегии «гибкого реагирования», призванной исправить недостатки прежней, теперь ненадежной, стратегии массированного ответного удара. Читатель без труда придет к выводу, что империалистическая, агрессивная сущность «новой» стратегии ничем не отличается от старой. И в ней выпирают наружу все те же авантюристические расчеты империалистических кругов США на ведение войны «чужими руками», на то, чтобы основную тяжесть и наибольшие потери несли «союзники» США по агрессивным блокам, чтобы и в новых условиях основная тяжесть войны легла на народы Европы, Азии. Но это напрасные надежды.

¹ «Правда», 9 мая 1958 г.

Ныне, в век межконтинентальных баллистических ракет, когда развитие военной техники сделало возможным почти мгновенную доставку ядерного оружия в любой уголок земного шара, Соединенным Штатам не удастся избежать ответственности, если они развяжут войну. Нет такого места на земном шаре, где бы агрессор смог укрыться от ответного удара мощным современным оружием.

В последних главах своей книги Тейлор в деталях раскрывает предлагаемую им стратегию «гибкого реагирования» и методы ее осуществления. При этом автор называет стратегию «гибкого реагирования» новой национальной военной программой. Вот как он формулирует ее: «Стратегическая доктрина, которую я мог бы предложить взамен массированного ответного удара, называется стратегией «гибкого реагирования». Это название указывает на то, что мы должны быть способны реагировать на любой возможный вызов и успешно действовать в любой ситуации» (стр. 38). Другими словами, предлагаемая Тейлором стратегия, по его мнению, годится на все случаи жизни и дает выход из любого положения.

Что же потребуется для осуществления новоявленной стратегии? Прежде всего, он ратует за новые жертвы со стороны американцев. «Простейшей формой этих жертв будет уплата более высоких налогов для обеспечения более высокого военного бюджета... Я предложил бы, — беззастенчиво пишет Тейлор, — исходить из ежегодного бюджета порядка 50—55 млрд. долларов в течение следующих пяти лет» (стр. 178).

Как известно, в 1960/61 бюджетном году на военные расходы отпущено около 40 млрд. долларов. Расходы министерства обороны в 1961/62 бюджетном году должны составить 43,8 млрд. Но Тейлору и этого мало. Он предлагает увеличить налоговый пресс на население и довести бюджет до 50—55 млрд. долларов. Предлог — обеспечение мира и безопасности США.

Можно не удивляться тому, что он предлагает значительно увеличить численность вооруженных сил, особенно сухопутных войск. «Численность армии, — заявляет автор, — должна быть увеличена до миллиона, как в 1955 г.» (стр. 178), хотя и сейчас армия насчитывает 870 тысяч человек. При этом Тейлор наивно предупреж-

дает, что «перестройку нашей стратегии не следует понимать как новое усиление гонки вооружений» (стр. 179). Но как же иначе назвать их, как не мерами, направленными на усиленную подготовку войны, на разжигание в стране военного психоза, чтобы оправдать в глазах налогоплательщиков небывалые военные расходы.

Из конкретных мероприятий в интересах осуществления своей стратегии «гибкого реагирования» Тейлор предлагает усилить гонку ракетного оружия, уделить больше внимания противоракетной обороне, повысить удельный вес сухопутных войск в системе видов вооруженных сил, обеспечить их ракетами среднего радиуса действия, увеличить их подвижность и маневренность, предоставив им свою боевую и вспомогательную авиацию. Одновременно он пытается определить роль и место в будущих войнах других видов вооруженных сил. Характерно также, что автор предлагает изменить систему органов высшего военного управления и создать штаб вооруженных сил, что можно рассматривать как стремление Пентагона добиться создания в Соединенных Штатах генерального штаба и превращения комитета начальников штабов только в консультативный орган, лишенный функций оперативно-стратегического руководства.

Ряд предложений автора направлен на увеличение и укрепление сил для ведения «ограниченных» войн.

В целом «новая» программа Тейлора является неприкрытой программой агрессии и войны. Она примечательна в том отношении, что показывает, как милитаристские круги Вашингтона в условиях очевидных просчетов и ошибок, в условиях явного и общепризнанного отставания от Советского Союза в области ракетостроения ищут выхода из тупика, куда их завела политика «с позиции силы» и стратегия массированного ответного удара, как военная основа этой политики. Тейлор видит выход главным образом в гибкой стратегии, то есть в стратегии, рассчитанной на возможность безнаказанного осуществления агрессий, в основном путем «ограниченных» войн. А это тот же самый тупик, только под другим названием.

В предлагаемой книге читатель, особенно военный, найдет немало поучительных сведений о порядке работы комитета начальников штабов, о структуре органов высшего военного управления, о методах выработки амери-

канской военной политики и стратегии, о непрерывной закулисной борьбе между видами вооруженных сил и т. п. Все эти сведения при критической их оценке помогут разобраться в сущности американской военной политики и ее агрессивной направленности.

Автор весьма нелестно отзывается о внутренней обстановке в Пентагоне, где царит затхлый дух, который, как он говорит, «неизбежно входит в кровь каждого, кто провел там долгие годы» (стр. 30). Не менее критически он отзывается о порядке работы комитета начальников штабов и некоторых его деятелей и подробно рассматривает взгляды представителей отдельных видов вооруженных сил на характер будущей войны и их роли в ней.

Определенный интерес представляют замечания Тейлора, как одного из опытных американских генералов и бывшего руководителя сухопутных войск США, о путях развития вооруженных сил вообще, и особенно сухопутных войск, о реорганизации структуры вооруженных сил, о характере и требованиях к новому вооружению и т. п.

Книга Тейлора, изданная в США в январе 1960 г., не потеряла своей актуальности и сегодня. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что по вопросам, поднятым в ней, в настоящее время продолжают бурные дискуссии, особенно в связи с намечающейся реорганизацией высших органов военного управления и требованиями широких кругов пересмотреть американскую стратегию массированного ответного удара.

Так, издающаяся в Сент-Луисе газета «Пост Диспетч» 15 января 1961 г. опубликовала статью своего военного обозревателя, который заявил, что стратегия массированного ответного удара «представляет собой прямой путь к поражению, опустошению и уничтожению нашей страны».

Многие предложения, выдвинутые Тейлором, встречают поддержку прежде всего у тех кругов Вашингтона, которые ратуют за увеличение военных ассигнований, значительное усиление ракетно-ядерного вооружения и сухопутных войск, за укрепление агрессивных блоков. Вслед за Тейлором они призывают к созданию генерального штаба и к такой реорганизации вооруженных сил, которая обеспечила бы высокую боеготовность армии для ведения как всеобщей, так и ограниченных войн.

Не случайно заместитель начальника штаба главно-

командующего объединенными вооруженными силами Северо-атлантического союза в Европе генерал Боффер в лекции, прочитанной им в военном колледже НАТО, заявил, что «стратегия гибкого реагирования Максуэлла Тейлора становится гарантией безопасности»¹.

Следовательно, книга Тейлора может представить интерес для читателя во многих отношениях. Важно только не забывать, что все рассуждения автора, направленные на усиление гонки вооружений, на доказательства необходимости еще больших бюджетных ассигнований на военные нужды, прикрываются лживой фразеологией об обеспечении безопасности США, об обороне, о мнимой агрессивности Советского Союза и т. п.

Со времени выхода в свет книги Тейлора в мире произошло много изменений. В США, как известно, к власти пришло новое правительство, возглавляемое Кеннеди. Многое из того, что высказано Тейлором в книге «Ненадежная стратегия», в настоящее время серьезно изучается, а некоторые предложения реализуются практически. В частности, теперь значительно большее внимание уделяется развитию сухопутных войск, несколько увеличивается их численность, выделяются дополнительные ассигнования на производство вооружения для ведения так называемых «ограниченных» войн.

В июне 1961 года Кеннеди назначил генерала Тейлора своим личным военным советником. Комментируя новое назначение генерала Тейлора, американская газета «Дейли ньюс» подчеркивает, что Тейлор вступил на влиятельный пост и будет фактически являться заместителем главнокомандующего всеми вооруженными силами страны (то есть президента). Газета писала, что в Белом доме Тейлор будет также руководить сбором разведывательных материалов, поступающих от секретных органов вооруженных сил, государственного департамента, а также центрального разведывательного управления, и будет давать президенту советы по вопросам разведки. Новое назначение генерала Тейлора не может не свидетельствовать о том, что его предложения получили официальную поддержку со стороны новых правительственных кругов США.

¹ Revue Militaire General, Juin, 1960.

Все это повышает интерес к тем критическим замечаниям в адрес американской стратегии, которые сделаны в книге Тейлора, и к его предложениям по разработке новой стратегии США.

Не первый раз в Соединенных Штатах составляют рецепты «победы» и ищут выхода из тупика, куда их завела безрассудная политика «с позиции силы». Тейлор, как и многие другие деятели США, вместо поддержки советских предложений о всеобщем и полном разоружении и запрещении ядерного оружия предлагает усилить гонку вооружений. А это опасный путь и прежде всего для тех, кто его предлагает.

Книга Тейлора свидетельствует также о том, что агрессивные круги в США, продолжающие препятствовать оздоровлению международной обстановки, ратующие за продолжение гонки вооружений и расширение военных приготовлений, все еще влиятельны. Эти круги забывают о том, что силы социализма и мира неизмеримо возросли и способны сорвать любые империалистические планы.

М. Мильштейн

**«Ибо, если трубный глас прозвучит неуверенно,
кто же станет готовиться к битве?»**

*Первое послание апостола Павла
к коринфянам, 14:8.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В течение нескольких недель накануне высадки в Нормандии 6 июня 1944 года те из нас, кто командовали американскими воздушно-десантными частями, были озабочены новым проявлением активности немцев в районах, которые намечалось использовать для высадки парашютных и планерно-посадочных частей в Нормандии. Изо дня в день аэрофотосъемка этой зоны обнаруживала новые оборонительные работы, явно проводившиеся с целью воспрепятствовать высадке воздушного десанта. Фотодешифровщики говорили нам, что оборонительные сооружения состоят преимущественно из столбов около 20 см в диаметре и 2,5 м высотой, плотно установленных в шахматном порядке на многих полях Нормандии. Нам сразу же пришло в голову, что если изучить систему расстановки этих столбов, то можно будет расшифровать немецкий план обороны или, по крайней мере, узнать, где немцы ожидают нашу высадку.

Каждую ночь в штабе моей дивизии, расположенной в Ньюбери (графство Беркшир, Англия), мы внимательно изучали новые фотоснимки.

Но сколько мы ни старались, установить какую-нибудь закономерную систему в этих оборонительных мероприятиях немцев не могли. Столбы возникали повсюду, и ни малейшего признака планомерности выбора мест или очередности завершения работ в том или ином районе не было. Итак, 5 июня в сумерки мы вылетели в Нормандию, но намерения немцев и система их обороны по-прежнему оставались для нас загадкой.

Приземлившись со своими парашютистами перед рассветом первого дня вторжения, я с горсткой солдат зашел в первый попавшийся нам на глаза крестьянский двор. Получив сведения о наличии немцев в этом районе, я спросил у хозяина о столбах, расположенных на его поле: «Я видел столбы на маленьком участке к западу от вашего дома, а на большом поле к востоку никаких столбов нет. Что это значит?» — «О, — отвечал крестьянин, — немцы приказали нам установить столбы на всех наших полях к пятнадцатому июня. Моя корова никогда не любила западный участок, поэтому я и поставил столбы сначала на нем».

Так оно и было. По крайней мере, в данном случае немецкий план обороны не имел более разумных оснований, чем прихоть коровы этого француза. Я подозреваю, что такая же бесплановость господствовала во всех сельских местностях Нормандии. Хотя эта история имеет свою курьезную сторону, она напоминает о том, что может случиться, если военные планы и военные действия будут определяться не военными, а иными факторами. Столбы, установленные по капризу французских коров, не оказали какого-либо влияния на высадку нашего десанта.

Меня заставило взяться за перо убеждение, что оборона Соединенных Штатов в настоящее время в значительной степени определяется невоенными факторами или же такими военными факторами, которые не отвечают требованиям сегодняшнего дня. Конечно, у меня есть достаточно веские основания для того, чтобы после ухода с поста начальника штаба армии дать остынуть чувствам, прежде чем излагать свои взгляды в печати, но я глубоко убежден, что больше ждать нельзя. Мы стоим перед лицом ослабления нашей военной мощи в момент усиливающегося политического напряжения. Для того чтобы остановить этот процесс, пока он не зашел слишком далеко, необходимо немедленно принять определенные меры для быстрого «наведения порядка», которые и изложены в настоящей книге. Эти меры требуют полной переоценки нашей стратегии ответственными государственными учреждениями. Если нам удастся предложить один из возможных путей разрешения данной проблемы и тем самым положить начало насущно необходимой переоценке, то можно считать, что настоящая книга сослужила свою службу.

Выдвигая настоящую проблему, я счел нужным уделить известное место вопросу о военном бюджете. Читатель, возможно, сочтет этот вопрос довольно скучным, но если бюджет будет надлежащим образом выполнять свои функции, то он уже не покажется простым собранием сухих цифр, представляющих интерес лишь для специалистов. Он должен перевести на язык «долларов» нашу военную стратегию, от которой зависит наша безопасность в будущем. Поскольку выделяемые по бюджету ассигнования окажут влияние на военные программы трех — четырех последующих лет, то бюджет, можно сказать, ограничит свободу решений и действий наших ру-

ководителей на столь же длительный период времени. Отсюда следует, что если нам предстоит изменить методы нашей деятельности в области обороны, то это надо сделать сейчас, до того как новый годовой бюджет перенесет наши прошлые ошибки в еще более далекое будущее. Если наша труба должна зазвучать по-новому, то настало время настроить ее заново.

Мои прежние коллеги по Пентагону найдут в этой книге мало нового. В течение четырех лет моего пребывания на посту начальника штаба армии я неоднократно высказывал большую часть своих критических суждений в стенах министерства обороны. Во избежание неточного цитирования я обычно не пытался подробно записывать возражения тех сведущих и патриотически настроенных людей из числа моих коллег, которые не были со мной согласны. Излишне говорить о том, что их взгляды следует глубоко изучить, прежде чем принять любую из предлагаемых мною мер. Окончательное решение, касающееся требований нашей стратегии, должно явиться плодом совместных усилий лучших умов всех видов вооруженных сил.

В тексте могут встретиться места, которые вызовут у читателя потребность в более полных сведениях относительно описываемых событий. Но когда я писал, я был вынужден тщательно следить за соблюдением требований секретности и уместности опубликования тех или иных сведений. По этим соображениям некоторые вопросы пришлось опустить, но я не думаю, что это имеет значение для рассмотрения данной проблемы.

Хотя вся ответственность за книгу ложится на меня, я, разумеется, пользовался, прямо или косвенно, помощью многих компетентных лиц. Мне принесло большую пользу сотрудничество с министром армии Уилбером Бракером. Для всех, кто носит военный мундир, он является примером гражданского руководителя, готового взять на себя ответственность и стойко бороться за всякое дело, в которое верил. Многие офицеры штаба армии оказали влияние на мои взгляды по целому ряду важных вопросов, рассматриваемых в настоящей книге. Они были ревностными и проникательными критиками логики, с которой я отстаивал свои взгляды перед комитетом начальников штабов и в других местах. В той мере, в какой я им позволял, они выполняли роль безупречного штаб-

ного офицера, который следит за тем, чтобы «старик» не допускал ни слишком больших, ни слишком многочисленных ошибок. Сотрудничество с этими талантливыми людьми вдохновляло и вознаграждало меня в моей работе на посту начальника штаба армии.

Я не имею возможности выразить признательность многочисленным лицам, которые в той или иной форме помогли мне написать эту книгу. Однако я не могу не упомянуть своих главных помощников из непосредственно подчиненного мне штаба: Бернарда Роджерса, Джона Проктора и Джонни Скотта. На долю Ивена Томаса из издательства Харпера выпала особенно трудная задача: он помог мне если не устранить, то во всяком случае сократить количество технических терминов и избавиться от затхлого духа Пентагона, который неизбежно входит в кровь каждого, кто провел там долгие годы.

Недавно меня спросили, что из моего прошлого опыта принесло мне, как начальнику штаба, наибольшую пользу. Занятия в командно-штабном и в военном колледжах армии? Совместная служба с генералом Маршаллом¹ во времена Перл-Харбора? Командование 101-й воздушно-десантной дивизией в Европе во время второй мировой войны или командование 8-й армией в Корее? Я, колеблясь, отвечал: «Самым ценным элементом в моей подготовке было членство в северо-восточном школьном дискуссионном клубе в Канзас-Сити до поступления в Уэст-Пойнт. Последующие главы объяснят читателю, что именно дало основание этому убеждению.

Максуэлл Д. Тейлор

¹ Маршалл, Джордж Кэтлетт (1880—1959) — реакционный военный и политический деятель США, генерал. В 1939—1945 годах — начальник генерального штаба американской армии. В 1947—1949 годах — государственный секретарь США. Осуществлял так называемую «доктрину Трумэна». По имени Маршалла получил свое название «план Маршалла», являющийся экономическим и политическим закабалением финансовым капиталом США государств Европы под видом оказания им экономической помощи.

С сентября 1950 до сентября 1951 года — министр обороны, проводил усиленную подготовку к войне. — *Прим. ред.*

ГЛАВА I

ВЕЛИКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

В военном дневнике, который я вел во время второй мировой войны, содержится следующая запись: «28 июля 1945 года (суббота). Ездил в Берхтесгаден завтракать с генералом Маршаллом и генералом Паттоном¹. Присутствовал на легкоатлетических соревнованиях 2-го корпуса и вместе с Маршаллом вернулся в Берхтесгаденский дворец. Впервые услышал об атомной бомбе».

Вот как появилась эта запись. День победы в Европе 101-я воздушнодесантная дивизия встретила на марше. Она стремительно двигалась по южной Баварии, имея задачу овладеть Берхтесгаденом. Знаменитая резиденция Гитлера оставалась наряду с Берлином последним символом нацизма, не попавшим еще в руки союзников. Хотя здесь, в этом суровом горном районе, была организована прочная оборона, позволяющая войскам сражаться до конца, в действительности же она легко поддалась объединенным усилиям 3-й американской пехотной дивизии, 2-й французской танковой дивизии и 101-й воздушнодесантной дивизии. Последние вражеские выстрелы, которые мне довелось услышать во время второй мировой войны, исходили от немецкого пулемета, установленного в горном проходе к западу от Берхтесгадена.

Дивизия расположилась в живописной местности у подножия Альп, и вскоре ее стали навещать многие знатные гости. Некоторые прибывали в большой

¹ Паттон, Джордж (1885—1945) — американский генерал. В годы второй мировой войны командовал 3-й армией США в Европе. — *Прим. ред.*

спешке — это были немецкие генералы и высшие государственные чиновники, спасавшиеся бегством, чтобы не попасть в плен к русским войскам, наступавшим с востока. Фельдмаршал Кессельринг, командующий немецкими войсками в Италии, генерал Гудериан, прославленный командир танковых войск, и многие светила меньшей величины сдались нашим воздушнодесантным войскам. Другие визитеры прибывали не столь торопливо — это были американские или союзные руководящие лица.

В этой обстановке меня очень обрадовало полученное в конце июля 1945 года известие о том, что генерал Маршалл, которого я хорошо знал по совместной службе в генеральном штабе в начале войны, с Потсдамской конференции заедет к нам. Он сообщал, что хочет спокойно отдохнуть в Берхтесгадене и позавтракать с генералом Паттоном, командующим 3-й армией, штаб которой находился в Бад-Тельце, примерно в 110 км к западу.

Я передал генералу Паттону пожелание генерала Маршалла и в назначенное время отправился на Зальцбургский аэродром встречать начальника штаба. Когда он прибыл, я отвез его в Берхтесгаденский дворец и поместил в апартаменты, где в прошлом часто останавливались нацистские главари. Перед самым полуднем прибыл генерал Паттон, и мы скромно позавтракали втроем в покоях генерала Маршалла. После завтрака, во время которого мы беседовали главным образом о событиях, связанных с Потсдамской конференцией, я отвез своих почетных гостей на местный стадион, где проводились легкоатлетические соревнования между спортсменами 2-го корпуса и моей дивизии. Мы сидели втроем под теплыми лучами баварского солнца несколько в стороне от других зрителей. Во время перерыва генерал Маршалл повернулся к Паттону и ко мне и тихо сказал: «Господа, я хочу сообщить вам нечто чрезвычайно важное. Когда вы услышите то, что я вам скажу, излишне будет предупреждать вас о необходимости сохранить это в тайне».

Затем генерал Маршалл перешел к событию, о котором мы до тех пор ничего не знали. Он рассказал нам о взрыве первой атомной бомбы в Аламогордо (штат Нью-Мексико), произведенном 16 июля, лишь за 12 дней до нашей встречи, кратко описал деятельность «Манхеттен

Дистрикт»¹, руководимого генерал-майором Лесли Гроувзом-младшим, поведал об огромных трудностях, которые пришлось преодолеть Гроувзу и его коллегам, и о конечном триумфе — успешном осуществлении взрыва. Он шутливо пояснил — я думаю, лишь для того, чтобы усилить нашу явную растерянность, — что это был не обычный, а «внутриядерный» взрыв.

Описав ужасающую мощь атомной бомбы и некоторые очевидные возможности ее военного применения, генерал Маршалл закончил разговор словами, которые я никогда не забуду: «Господа, в первую лунную ночь августа мы сбросим одну из таких бомб на японцев. Не думаю, что нам потребуется более двух бомб».

Мы с Паттоном молча взглянули друг на друга, размышляя над страшным смыслом слов Маршалла. Я старался представить, какое влияние может оказать это оружие на ход войны с Японией, а отсюда мои мысли легко перекинулись дальше, и я стал строить догадки о возможном значении этого оружия в будущей войне. Что, если бы мы имели такое оружие раньше? Скольким отважным солдатам удалось бы спасти жизнь! Ну, а теперь, думал я, это оружие позволит сохранить мир, и никакие гитлеры или муссолини никогда больше не посмеют прибегнуть к войне, чтобы навязать свою волю свободному миру.

Таковы были мои мысли; что думал генерал Паттон, я никогда не узнаю, ибо в последний раз видел его живым. Но могу с уверенностью сказать, что мы оба были введены в величайшее заблуждение, будто отныне применение или угроза применения оружия массового уничтожения явится достаточной гарантией безопасности Соединенных Штатов и их друзей. Главная цель настоящей книги — показать, что эта идея действительно является заблуждением.

История вскоре подтвердила правильность оценки генералом Маршаллом воздействия нового атомного оружия на ход войны с Японией. Двух бомб в самом деле оказалось достаточно². Японцы капитулировали, война

¹ «Манхеттен Дистрикт» — условное наименование предприятия по производству ядерного оружия, принадлежащего совместно государству и монополиям. Было создано в августе 1942 года и подчинялось инженерному корпусу армии. — *Прим. ред.*

² Как известно, Советские Вооруженные Силы совместно с Китайской народно-освободительной армией и Монгольской народно-

была выиграна и наступила заря ядерного века. Ужасающая мощь нового оружия, оказавшегося в руках Соединенных Штатов, произвела на весь мир впечатление еще более глубокое, чем на трех генералов, присутствовавших на спортивных состязаниях в Берхтесгадене. Американский народ легко поверил, что атомная бомба — это абсолютное оружие, которое позволит Соединенным Штатам, единственному его обладателю, поддерживать порядок во всем мире при помощи угрозы его применения. Таким образом, в 1945 году возникло новое стратегическое кредо, ставшее известным как доктрина массированного ответного удара, и впоследствии получившее полное признание в качестве ортодоксальной военной стратегии в так называемом «новом курсе», принятом нашим правительством в 1953 году¹. Дальнейшее развитие

революционной армией прорвали мощную полосу японских укреплений и разгромили Квантунскую армию — главную ударную силу Японии. Именно это привело к быстрому завершению войны на Дальнем Востоке.

Применение же американцами атомных бомб не было вызвано военной необходимостью. Варварская атомная бомбардировка японских городов Нагасаки и Хиросимы, уничтожившая и искалечившая многие тысячи ни в чем не повинных людей, явилась тяжким преступлением против человечества и легла несмываемым позором на американских империалистов. — *Прим. ред.*

¹ Так называемый «новый курс» в военной политике был провозглашен в США после прихода к власти правительства Эйзенхауэра. В сущности, в этом курсе ничего нового не было. Это была та же политика «с позиции силы», которую проводило и правительство Трумэна. Милитаристские круги США, исходя из своего многого превосходства в ядерном оружии и средствах доставки его к цели, а также из якобы относительной неуязвимости США от современных средств поражения, в основу планов строительства вооруженных сил положили преимущественное развитие ядерного оружия и стратегической авиации, которую считали главным средством доставки ядерного оружия до цели. Что касается сухопутных войск, то их численность несколько сокращалась.

Считалось, что наличие превосходства в ядерном оружии и стратегической авиации позволит реакционным кругам США безнаказанно проводить политику «с позиции силы», отсюда — «стратегия ядерного сдерживания», «ядерного возмездия» и т. д. Дальнейшие события опровергли беспочвенные расчеты деятелей Вашингтона. Запуск в Советском Союзе первой межконтинентальной баллистической ракеты и первого искусственного спутника Земли показали всему миру, на чьей стороне действительное техническое превосходство, и подтвердили еще раз, что территория США также уязвима для современных средств поражения, как и территория любой другой страны. — *Прим. ред.*

этой стратегии было задержано событиями войны в Корее, и, хотя они противоречили многим ее основным положениям, она устояла и продолжала расцветать пышным цветом, вопреки всем превратностям, перечисленным в настоящей книге. Несмотря на временные отступления от этой доктрины, массированный ответный удар остается основной стратегической концепцией, определяющей сегодня наши военные приготовления. Правда, отдельные заявления государственных деятелей, касающиеся национальной обороны, иногда как будто подрывают неограниченную веру в стратегию массированного ответного удара, но реальная сила этой стратегии находит выражение в цифрах ежегодных ассигнований по военному бюджету. С тех пор как окончилась война в Корее, и вопреки ее урокам, доллары неизменно направляются в первую очередь на удовлетворение потребностей стратегии массированного ответного удара и всеобщей атомной войны.

Я считаю, что массированный ответный удар, как ведущая стратегическая концепция, зашел в тупик и что назрела необходимость переоценки наших стратегических требований. В пору своего расцвета стратегия массированного ответного удара могла предоставить нашим руководителям лишь два варианта на выбор: либо развязывание всеобщей ядерной войны, либо компромисс и отступление. С тех пор как вступила в действие эта стратегия, в мире произошло много событий, которые поставили под сомнение ее целесообразность и обнаружили ее иллюзорный характер. Война в Корее — ограниченная война, которую Соединенные Штаты, обладавшие атомной монополией, вели обычными средствами, — послужила явным опровержением универсальной эффективности этой стратегии. Многие другие ограниченные войны, происходившие после 1945 года, ясно свидетельствуют о том, что, хотя наша стратегия массированного ответного удара, может быть, и предотвратила «большую войну», ей не удалось сохранить «малый мир», т. е. мир, исключаящий беспорядки, которые можно назвать «малыми» лишь в сравнении с бедствием всеобщей войны.

Необходимость переоценки нашей военной стратегии диктуется и другими событиями. Мы утратили свою прежнюю атомную монополию. Мы, по-видимому, уступаем СССР в количестве баллистических снарядов. У нас

нет такого средства обороны, как противоракетные управляемые снаряды, которые могли бы компенсировать превосходящую наступательную мощь Советского Союза. Мы не приложили никаких реальных усилий для того, чтобы обеспечить превосходство над коммунистами на суше. Многие из наших военных союзов слабы, или, говоря языком медиков, страдают малокровием. Мы ведем безнадежную игру и должны от нее отказаться, но этому мешают недостатки нашего аппарата и системы выработки принципов нашей стратегии. Особенно неэффективной оказалась система комитета начальников штабов. Коренной пересмотр ее является необходимой предпосылкой общей переоценки нашей стратегии.

Стратегическая доктрина, которую я мог бы предложить взамен массированного ответного удара, называется стратегией «гибкого реагирования». Это название указывает на то, что мы должны быть способны реагировать на любой возможный вызов и успешно действовать в любой ситуации, начиная с всеобщей ядерной войны и кончая проникновением противника и агрессией такого рода, какая угрожала Лаосу и Берлину в 1959 году¹.

Новая стратегия признавала бы, что предотвратить или быстро выиграть ограниченную войну так же необходимо, как и предотвратить всеобщую войну, так как если мы не сумеем быстро выиграть ограниченную войну, она может либо привести к постепенному истощению на-

¹ Автор пытается делать некоторые предположения относительно событий 1959 года. Он намеренно извращает истину, намекая на то, что Лаосу и Берлину якобы угрожает агрессия со стороны стран социалистического лагеря. На самом деле Лаосу угрожает в настоящее время агрессия со стороны США. Пентагону не по душе те изменения, которые произошли в Лаосе в результате переворота, произведенного патриотически настроенным офицерством. Этот переворот привел к власти нейтралистское правительство Суванны Фумы. Реваншистские круги США, видя стремление нового правительства жить в мире и дружбе с другими государствами, делают все, чтобы вернуть Лаос в сферу своего влияния. Для достижения этой цели они не гнушаются никакими средствами: угрожают правительству Суванны Фумы, помогают мятежникам оружием, подтягивают свои войска к границам страны. Что касается Западного Берлина, то всему миру хорошо известно разумное предложение Советского правительства сделать этот город свободным и независимым. Так что и в этом отношении заявление Тейлора сделано с целью обмана читателя и извращения позиции Советского Союза. — *Прим. ред.*

ших ресурсов, либо втянуть нас во все более расширяющийся конфликт, способный перерасти во всеобщую войну, которой мы все хотим избежать.

Перемена стратегии потребует большой работы. Прежде всего совет национальной безопасности должен будет дать четкую директиву министерству обороны. Комитету начальников штабов придется работать ночами, чтобы на основе этой директивы установить приоритет тех или иных военных требований. Потребуется создать новый тип военного бюджета, который обеспечивал бы распределение средств соответственно утвержденному порядку очередности военных требований. Совокупность всех этих мероприятий составит военную программу гибкого реагирования, насущно необходимую для преодоления нашего серьезного отставания в военном отношении по сравнению с Советами, которое может сказаться уже в период 1961—1964 годов.

Всякое серьезное обсуждение проблем национальной безопасности требует, чтобы с самого начала было достигнуто соглашение о толковании некоторых основных стратегических терминов, и в первую очередь таких, как «всеобщая» и «ограниченная» война. В начале книги я буду употреблять их в том значении, какое в настоящее время принято в правительственных кругах, занятых разработкой стратегических проблем, хотя, как покажут мои последующие комментарии, я не согласен с этими определениями. Термин «всеобщая война», согласно официальной точке зрения, означает конфликт, в котором принимают непосредственное участие вооруженные силы Соединенных Штатов и СССР и который с самого начала предполагает применение атомного оружия; термин «ограниченная война» — конфликт, исключаящий всеобщую войну, в котором вооруженные силы Соединенных Штатов будут использовать атомное оружие в той мере, в какой это потребуется для достижения наших национальных целей. Сторонники этих определений считают, что возникновение таких местных конфликтов наиболее вероятно в менее развитых районах земного шара, за пределами Европы, и что для их ликвидации потребуется лишь ограниченное количество американских войск.

Такое толкование основных стратегических терминов получило хождение в официальных кругах лишь после очень резких дебатов, причем попытки изменить его не

прекращаются до сих пор. Надо сказать, что это отнюдь не академический спор. Правильное определение основных стратегических понятий может иметь глубоко практическое значение. Так, например, приведенное выше определение понятия «всеобщая война» требует всеобщей атомной бомбардировки, как наиболее разумного образа действий при любом столкновении между американскими и советскими войсками, независимо от масштаба и политического значения инцидента. Настаивая на принятом ныне определении всеобщей войны, можно свести на нет разумное планирование, скажем, на случай, если СССР или его союзники преградят нам доступ в Берлин; это определение является серьезным аргументом против применения американских сухопутных войск для того, чтобы прозондировать намерения Советского Союза и тем самым не дать себя запугать угрозой прекращения доступа в Берлин. В самом деле, поскольку такие действия могут привести к вооруженному столкновению между американскими и советскими войсками, то, если серьезно придерживаться приведенного выше определения всеобщей войны, они могут привести и к всеобщей войне. Здравый смысл подсказывает, что такое определение нельзя принимать всерьез, но поскольку оно все еще входит в официальный лексикон тех, кто разрабатывает стратегические планы, я буду в основном придерживаться его, за исключением тех случаев, которые будут оговорены особо.

Определение «ограниченной войны» также несовершенно, потому что оно, как я уже говорил, исключает возможность всякой ограниченной войны в зоне НАТО в Западной Европе. Об этом до сих пор спорят в Пентагоне, хотя в зоне НАТО уже была одна ограниченная война, а именно гражданская война в Греции в 1947 году¹. Во время этой войны США направили в Грецию военных советников и военное снаряжение и внесли тем самым

¹ Имеется в виду инспирированное американскими империалистами «гегемальное наступление» правительства Максимоса на греческих партизан. Осуществляя программу империалистической экспансии и подготовки войны за мировое господство, тогдашнее правительство США 12 марта 1947 года провозгласило экспансионистскую «доктрину Трумэна». Американское вмешательство позволило греческому монархо-фашизму переживавшему острейший кризис, остаться у власти и продолжать свою террористическую политику. — *Прим. ред.*

значительный вклад в успешное разрешение внутреннего конфликта. Несмотря на то что США в то время обладали атомной монополией, никто не предлагал применить атомное оружие или расширить ограниченные военные действия до масштабов всеобщей войны. Заложенное в определении ограниченных войн понимание их как войн малого масштаба вызывает возражения, ибо оно может побудить наши вооруженные силы воздерживаться от планирования действий на случай ограниченных конфликтов значительно большего масштаба, чем высадка войск в Ливане в 1958 году¹. Наиболее решительные сторонники этой точки зрения дошли даже до того, что отказываются квалифицировать корейский конфликт как ограниченную войну, несмотря на очевидную ограниченность его с точки зрения географических границ, применяемого оружия и политических целей.

Оба определения побуждают вооруженные силы рассчитывать на применение атомного оружия, но характер его применения остается неопределенным. Во всеобщей войне атомное оружие должно быть применено сразу; в ограниченной — в соответствии с национальными интересами. Проверить обоснованность этого положения во всеобщей войне пока что не представилось случая, что же касается ограниченной войны, то во время высадки войск в Ливане в 1958 году американская армия держала ракеты «Онест Джон»² на борту кораблей, находившихся недалеко от Бейрута. Командование не разрешило выгрузить их на берег только потому, что эти ракеты могут нести как обычную, так и атомную боевую головку. В данном случае наши политические руководители считали, что даже намек на возможность применения нами атомного оружия в Ливане, который заключался бы в на-

¹ Речь идет о высадке американских войск в Ливане в июле 1958 года. Империалистические круги США пытались силой оружия вмешаться в дела Ближнего и Среднего Востока и воспрепятствовать национальному освобождению зависимых стран в этом районе. Но в результате решительного выступления других государств, и прежде всего Советского Союза, против американской интервенции войска США вскоре вынуждены были эвакуироваться из Ливана. — *Прим. ред.*

² Неуправляемые ракеты с дальностью стрельбы 25—30 км, которые приняты на вооружение сухопутных войск США. — *Прим. ред.*

личии этих ракет в войсках, противоречил национальным интересам.

Внезапный и разрушительный характер всеобщей войны и относительно малое значение ограниченных войн, вытекающие из принятых в официальных военных кругах определений, используются как доводы против содержания резервов военного снаряжения и обученного личного состава для ведения длительных военных действий.

Итак, рассмотренные нами определения всеобщей и ограниченной войн устанавливают характер нашей военной стратегии. Они используются для оправдания стратегии массированного ответного удара, для игнорирования потребностей неядерной войны, хотя сами эти определения еще далеко не обоснованны. Для того чтобы объяснить, почему они все же существуют, необходимо дать обзор развития стратегии массированного ответного удара и кроющихся за ней взглядов.

ГЛАВА II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОКТРИНЫ МАССИРОВАННОГО ОТВЕТНОГО УДАРА

Источником доктрины массированного ответного удара, которая постепенно стала центральным пунктом военной стратегии Соединенных Штатов, является выдвинутая перед второй мировой войной теория итальянского генерала Джулио Дуэ¹, значительно повлиявшая на мышление руководителей американских военно-воздушных сил. Генерал Дуэ считал, и целые поколения офицеров авиации учили этому верить, что стратегическая бомбардировка индустриальных центров и городов противника может обеспечить победу в войне. Во время второй мировой войны ВВС Соединенных Штатов и Великобритании решили провести эту доктрину в жизнь. Пример проводившихся до того налетов Luftwaffe² на города Англии и других стран воодушевил союзников на массированные бомбардировки городских объектов. Когда в ходе войны господство в воздухе перешло на сторону союзников, они получили возможность проводить массированные воздушные налеты на немецкие города. Сопротивление противника было незначительным. Хотя эти бомбардировки опустошали большинство городских рай-

¹ Дуэ, Джулио (1869—1930) — итальянский генерал, основоположник теории так называемой «воздушной войны». Во всех своих трудах Дуэ проводит основную идею, что военно-воздушные силы должны явиться главным и решающим средством будущей вооруженной борьбы и что победы можно добиться главным образом с их помощью. — *Прим. ред.*

² Luftwaffe — военно-воздушные силы фашистской Германии (*нем.*).

оно Германии, но, как ни странно, они очень мало повлияли на сокращение продукции немецкой военной промышленности. Вскоре после окончания второй мировой войны эффективность этих бомбардировок подверглась анализу, результаты которого были опубликованы в «Обзоре стратегических бомбардировок военно-воздушных сил США». В этой книге убедительно показано, что во время второй мировой войны стратегические бомбардировки не оказали решающего воздействия на уничтожение военной промышленности нацистской Германии. Они содействовали достижению окончательной победы, но не были ее решающим фактором. Таким образом, результаты войны в Европе лишь в ограниченной степени подтвердили притязания приверженцев генерала Дуэ.

Война в Японии доказала обратное. Атомные взрывы над Хиросимой и Нагасаки послужили ярким доказательством решающего значения стратегических бомбардировок. Атомная бомба усилила воздушную мощь новым оружием огромной разрушительной силы и вновь укрепила веру в то, что наши военно-воздушные силы обладают абсолютным оружием, которое позволит Соединенным Штатам навязать миру своего рода «Pax Americana»¹. Отсюда вытекал логический вывод, что в новой эре значение обычных вооруженных сил будет ничтожным или вовсе сойдет на нет.

Ядерное оружие начало оказывать большое влияние на военную политику сразу же после окончания второй мировой войны, хотя в то время было лишь смутное представление о его возможностях, недостатках и о его политическом значении. Считалось очевидным, что оно обеспечивает высокую разрушительную способность дешевой ценой и сможет возместить сокращение вооруженных сил, которые по окончании второй мировой войны подверглись весьма расточительной демобилизации, проходившей под лозунгом «вернуть парней домой». Восстановление в последующие годы аналогичных вооруженных сил обошлось бы слишком дорого как в финансовом, так и в политическом отношении, и ни правительство Трумэна, ни американский народ не были к этому готовы. К тому же подобная программа означала

¹ Американский мир (лат.).

бы молчаливое признание недалёковидности правительства. При таких условиях не приходится удивляться, что идея опоры национальной обороны на ядерное оружие и стратегические бомбардировки казалась очень привлекательной: она на первый взгляд позволила избежать изнурительных и дорогостоящих войн на суше против огромных коммунистических армий. Это был путь противопоставления живой силе силы механической. Очевидная дешёвизна этой программы породила лозунг: «больше огневой мощи на каждый доллар». Но сторонники опоры на массивированный ответный удар не учли, что «атомную огневую мощь» со временем можно будет купить не только на доллары, но и на рубли.

В обстановке, сложившейся после войны, казалось вполне естественным, что большая часть военных расходов Соединённых Штатов шла на развитие военно-воздушных сил и атомного оружия. Правда, события тех дней и, в частности, возглавляемая коммунистами гражданская война в Греции и блокада русскими Берлина¹ должны были бы послужить напоминанием, что существуют и такие формы вызова, на которые нельзя отвечать атомными бомбами. Однако если этот урок и дошел до сознания, то во всяком случае никакого практического значения он не имел и обычные вооружённые силы были принесены в жертву требованиям атомного вооружения.

В течение 1948, 1949 и 1950 финансовых годов расходы на армию неуклонно сокращались, тогда как расходы на военно-воздушные силы резко росли. Численность армии упала с 89 дивизий в 1945 году до 10 дивизий в 1950 финансовом году. За этот период военно-морские и военно-воздушные силы также претерпели сокращение своей неядерной мощи, но не в такой степени. Несмотря на ожесточённую открытую полемику с командованием военно-морских сил, военно-воздушные силы получили разрешение продолжать свою сомнительную программу строительства бомбардировщиков

¹ Автор пытается представить эти события в искажённом свете. Как уже указывалось, Советский Союз занимает в вопросе о Западном Берлине единственно правильную позицию, неоднократно предлагая США, Англии и Франции заключить мирный договор с Германией и превратить Западный Берлин в вольный город. В отношении Греции см. примечание на стр. 40. — *Прим. ред.*

В-36, составлявшую часть общей программы расширения ядерных ударных сил дальнего действия.

В июле 1950 года северокорейцы пересекли 38-ю параллель, американские войска были брошены в бой, и началась война¹. Прямое вовлечение вооруженных сил Соединенных Штатов в войну в этой отдаленной и сравнительно незнакомой стране, а также характер последующих военных действий нанесли тяжелый удар приверженцам стратегии массированного ответного удара. Ведь если их принципы были справедливы, то достаточно было бы одной лишь угрозы или фактического применения в Корее и Северном Китае ядерного оружия, сбрасываемого с самолетов, чтобы одержать быструю победу². Но по соображениям, казавшимся нашим ответственным руководителям того времени достаточно вескими, Соединенные Штаты предпочли вести ограниченную войну с ограниченными целями без применения ядерного оружия, хотя наша страна обладала в то время абсолютной монополией на это оружие³. Многим

¹ Автору хорошо известно, что война в Корее началась совсем не так, как он пытается это представить для оправдания интервенции американских войск в Корее. 25 июня лисынмановские войска численностью до 10 дивизий, заранее сосредоточенные у 38-й параллели, по приказу командующего американскими войсками на Дальнем Востоке генерала Макартура вероломно напали на Северную Корею. С 27 июня американская авиация и военно-морской флот начали варварские бомбардировки мирных городов и сел КНДР.

Американские империалисты, несмотря на военную помощь Англии, Франции, Канады, Турции, Греции, Японии и некоторых других стран, потерпели в Корее крупное морально-политическое поражение. Воины корейской Народной армии с помощью китайских народных добровольцев и южнокорейских партизан разгромили отборные американские дивизии и войска сателлитов США. — *Прим. ред.*

² Автор, сам того не подозревая, разоблачает челоуеконенавиственные устремления некоторых деятелей Пентагона, которые во время корейских событий настаивали на применении ядерного оружия против корейского народа. Не сумев добиться победы в обычных сражениях, несмотря на подавляющее превосходство в военной технике, они надеялись сломить сопротивление корейского народа с помощью ядерного оружия. Но и эти надежды американских империалистов были обречены на провал. — *Прим. ред.*

³ Как известно из сообщения ТАСС от 25 сентября 1949 г., Советский Союз овладел секретом производства ядерного оружия и имел это оружие еще в 1947 году. Поэтому заявление автора об «абсолютной монополии США» на ядерное оружие в тот период не соответствует действительности. — *Прим. ред.*

военным трудно было тогда, да и поныне трудно, осознать этот факт. Им остается лишь сокрушаться о том, что безрассудно было вступать в конфликт при условии таких ограничений. Нам пришлось, говорят они, вести войну с одной рукой, завязанной за спиной. Если бы можно было освободить наши военно-воздушные силы от надетых на них оков, они путем неограниченных бомбардировок источников военной мощи противника смогли бы довести войну до победного конца. Как бы там ни было, но ответственные военные и гражданские руководители правительства, правильно или неправильно, отвергли все эти доводы. В результате решающую роль в корейской войне сыграли сухопутные войска, действовавшие почти так же, как и во время второй мировой войны. Несмотря на подавляющее превосходство сил Объединенных Наций в воздухе и на море, именно пехота, развернутая на вершинах крутых корейских сопок, решала вопрос о победе или поражении. Мерой военного успеха служили изменения линии сухопутного фронта.

На меня, как на командующего 8-й армией в Корее, эти факты произвели глубокое впечатление, и вскоре после заключения перемирия в своем письме генералу Риджуэю¹ я высказал следующие замечания:

«При анализе боевых действий в Корее особенно резко бросается в глаза неэффективность или неприменимость многих видов нашего современного оружия в условиях ограниченной войны корейского типа. Я говорю об авиационном, морском и танковом вооружении, но то

¹ Риджуэй, Мэтью (1895) — американский генерал. Во время второй мировой войны командовал дивизией и корпусом. После войны занимал различные руководящие посты в армии США. В декабре 1950 года Риджуэй был назначен на должность командующего 8-й американской армией на Дальнем Востоке, которая тогда осуществляла вооруженную интервенцию в Корее. В 1951 году он вместо Макартура был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами США и ООН на Дальнем Востоке, то есть всеми интервенционистскими войсками в Корее. В июне 1952 года он сменил Эйзенхауэра на посту верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе, а затем был назначен начальником штаба армии США. В июле 1955 года вследствие разногласий с министром обороны Вильсоном по вопросу о дальнейших путях развития вооруженных сил США вышел в отставку.

Подробнее см. книгу М. Риджуэй «Солдат». Воениздат. М., 1958. — *Прим. ред.*

же самое можно сказать и о некоторых других видах вооружения и снаряжения армии. Противник, местность и погода, взятые вместе, в значительной мере свели на нет роль многих видов дорогостоящего снаряжения, накопленного в течение второй мировой войны и после нее в порядке подготовки к третьей мировой войне, которая должна была бы вестись главным образом в Западной Европе. К этим факторам мы добавили и субъективный фактор, заключающийся в нежелании применить атомное и другое специальное оружие, хотя в него была вложена большая часть военного бюджета.

Отсутствие у противника авиации и флота не позволило нам целесообразно использовать значительную часть нашей воздушной и морской мощи. За исключением «мигов» в северо-западном углу полуострова, в воздухе не с кем было сражаться. Точно так же и на море самые мощные в мире военные корабли были вынуждены заниматься обстрелом сравнительно маловажных береговых объектов или проводить блокаду против ничтожных военно-морских сил противника.

Наконец, мы отказались от применения специального (т. е. ядерного) оружия по различным обстоятельствам как военного, так и политического характера. Неполный перечень причин, заставивших нас воздержаться от применения этого оружия, включает: нежелание растративать эффект внезапности этого оружия на второстепенного противника; сомнение в эффективности ядерного оружия в условиях корейской местности; боязнь репрессалий со стороны противника, направленных против объектов Кореи и Японии; сопротивление наших союзников всяким действиям, которые могли бы расширить границы и масштаб войны. Словом, так или иначе мы преднамеренно воздержались от применения ядерного оружия, и нет гарантии, что то же самое не повторится и в будущих конфликтах, особенно если возрастет ядерная мощь Советского Союза. В конечном счете, в результате молчаливого согласия о взаимном отказе от применения специального оружия, мы можем оказаться вынужденными вновь возложить свои надежды на обычные средства ведения войны».

И все же, как ни странно, в Соединенных Штатах опыт войны в Корее привел не к ослаблению веры в атомную воздушную мощь, а, скорее, к ее укреплению.

К моменту заключения перемирия в 1953 году всему американскому народу глубоко опостылел корейский конфликт, народ был раздражен и разочарован исходом этого конфликта. Недовольство народа нерешительным характером боевых действий стало важным политическим фактором в кампании по выборам президента в 1952 году. Генерал Эйзенхауэр был избран потому, что его платформа обещала найти выход из того нетерпимого тупика, в который, по общему мнению, завели страну ошибки правительства Трумэна.

Не успел Эйзенхауэр прийти к власти, как его правительство провозгласило «новый курс» основой своей военной политики. По существу, «новый курс» не многим отличался от старого принципа воздушной мощи, торжественно провозглашенного на Мэдисон-авеню и ставшего теперь официальной опорой доктрины массивного ответного удара как центральной стратегической концепции. Поспешное принятие этой доктрины имеет свои сложные и разнообразные причины, о некоторых из которых мы уже упоминали. В число их входят такие факторы, как реакция внутри страны на корейский конфликт, неугасающая вера в эффективность воздушной мощи, стремление к бюджетной экономии и склонность американцев к простым решениям. Стратегия массивного ответного удара и соответствующая ей концепция короткой и ожесточенной войны вполне отвечала общему настроению. Практическое применение этой стратегии предполагало использование в первую очередь воздушной мощи и обещало избежать кровопролитных и изнурительных боев на суше. Принимая как должное, что конфликт будет кратковременным, эта стратегия вселяла надежду на экономию средств за счет мобилизации обычных вооруженных сил, а эффективная стремительность массивного ответного удара импонировала решимости американцев уничтожить всякого, кто осмелится напасть на наши границы.

После того как «новый курс» был тщательно разработан как в теории, так и на практике, он превратился в совокупность взаимосвязанных идей, частью военных, частью политических. Его отправным пунктом была необходимость содержать вооруженные силы для длительной борьбы без назначения какой-либо определенной даты для полной военной готовности. Он уделял

особое внимание новому оружию массового поражения, как основе мощи ответного удара, которая считалась средством сдерживания любой агрессии, большой или малой. Он предусматривал создание централизованного стратегического резерва на территории США за счет сокращения американских войск, размещенных за границей. Численность армии должна была держаться на невысоком уровне, дабы мы не впали в искушение использовать ее для ведения новой корейской войны обычными средствами.

Провозглашение «нового курса» было одним из наиболее важных начинаний правительства Эйзенхауэра. Правительство установило направление, которому военная политика Соединенных Штатов следовала с 1953 года и до сегодняшнего дня. Его непосредственным результатом было сокращение численности личного состава вооруженных сил на 1955/56 финансовый год и резкий рост численности и уровня модернизации ядерных военно-воздушных сил за счет обычных вооружений.

Первым шагом в проведении «нового курса» в жизнь было изменение состава комитета начальников штабов. Адмирал Артур Рэдфорд сменил генерала Омара Брэдли на посту председателя комитета начальников штабов, адмирал Роберт Кэрни — адмирала Фечтелера, бывшего начальника штаба ВМС, генерал Мэтью Риджуэй занял пост начальника штаба армии вместо генерала Дж. Коллинза, а генерал Натан Туайнинг был назначен начальником штаба военно-воздушных сил вместо генерала Хойта Ванденберга. Президент Эйзенхауэр на своей пресс-конференции 14 мая 1953 года заявил, что он решил произвести эти перемены, чтобы продемонстрировать новый курс правительства и показать, что оно рвет связи с прошлым.

Для одновременной замены всех членов комитета имелись основательные причины. Прежде всего, новое правительство расценивало комитет начальников штабов несколько иначе, чем правительство Трумэна. Новые начальники штабов рассматривались как члены правительственной «команды», обязанные работать в его интересах под руководством своих гражданских начальников. Ожидалось, что, формулируя свои предложения по военным вопросам, новые начальники штабов будут принимать во внимание взгляды и мнения гражданских

начальников и избегать представления спорных или создающих осложнения рекомендаций. Ожидалось также, что они примут на себя ответственность перед народом за действия правительства в области военной политики, независимо от своих личных взглядов и убеждений. Они не должны были допускать, чтобы у народа или у конгресса могло создаться малейшее впечатление об отсутствии единства в правительстве. Ясно давалось понять, что расхождение во взглядах может повлечь за собой принятие особых мер. Именно поэтому новые начальники штабов были назначены на неопределенный срок, причем было объявлено, что через два года правительство намерено пересмотреть все назначения. Впоследствии генерал Риджуэй обвинил правительство в том, что, когда он проявил инакомыслие, на него многократно оказывали давление, побуждая его согласиться с заранее определенной военно-политической линией, строго советуя не допускать, чтобы его несогласие с этой линией стало известно народу.

Были также и внутривнутриполитические причины для смещения прежних членов комитета начальников штабов. Многим республиканцам казалось нелогичным по-прежнему полагаться на советы людей, изъявлявших свою солидарность с военными программами, которые в соответствии с «новым курсом» предполагалось урезать или отменить. Существовало также затаенное подозрение, что члены комитета начальников штабов не были нейтральными военными экспертами, как их принято было считать. Особое недоверие внушал генерал Брэдли. Сенатор Тафт считал, что генерал Брэдли допустил политическое вмешательство, поддержав правительство Трумэна в вопросе об отправке войск в Европу в 1950—1951 годах. В апреле 1953 года сенатор Тафт внес предложение сформировать запасный состав комитета начальников штабов, который, не ожидая формального назначения, приступил бы к пересмотру военной политики. Сенатор Тафт доказывал, что генерал Брэдли и его коллеги явно связали себя с политикой правительства Трумэна, куда они вложили свой духовный капитал. Сенатор в течение долгого времени был противником предпочтительного отношения к военным нуждам Европы, а потому с радостью воспринял замену Брэдли адмиралом Рэдфордом, который придерживался ориентации на зо-

ну Тихого океана и на Азию, где ранее протекала его служба.

Каковы бы ни были оправдания для массового изгнания начальников штабов, это событие вызвало глубокую тревогу у большинства профессиональных военных. Оно указывало на принадлежность комитета начальников штабов к находящемуся у власти правительству. Ясно было, что от начальников штабов ожидают поддержки военной политики правительства. Такое понимание роли комитета коренным образом отличалось от принятого ранее взгляда. Прежде комитет начальников штабов рассматривался как неполитический орган, в обязанности которого входило давать профессиональные рекомендации министру обороны, совету национальной безопасности и президенту. Считалось, что если его рекомендации и должны касаться политических или экономических факторов, то лишь в ограниченной степени, поскольку эти элементы национальной стратегии входили в компетенцию специалистов, работающих в других правительственных органах. Положение комитета начальников штабов стало двусмысленным и остается таким до настоящего времени. Это оказывает пагубное влияние на выработку нашей военной стратегии.

Первой задачей нового комитета начальников штабов явилось определение требований, необходимых для проведения в жизнь «нового курса». В декабре 1953 года новый комитет начальников штабов представил свои расчеты бюджетных ассигнований и численного состава вооруженных сил, требующихся для установления стабильной военной организации вплоть до 1957 года. Потребность вооруженных сил в личном составе была определена примерно в 2,8 миллиона человек, причем на долю армии приходился один миллион. Как полагали, ежегодные ассигнования по военному бюджету на содержание этих сил должны были составить около 34 миллиардов долларов. Такая численность вооруженных сил и размеры бюджетных ассигнований могли бы быть достаточными лишь при условии, что подтвердятся некоторые предположения, и, главное, отпадет потребность в содержании значительных американских сил в Корее.

Последующая эволюция нашей военной организации с 1953 по 1959 год — это история претворения в жизнь

«нового курса» на основе первоначальных расчетов, представленных комитетом начальников штабов в 1953 году. Можно проследить ее развитие на трех главных этапах. Первым из них является совет национальной безопасности, выпускающий документ «Основная политика в области национальной безопасности», который формулирует политику правительства в этой области и служит общим руководством для всех правительственных учреждений, занимающихся вопросами национальной безопасности. Вторым этапом является комитет начальников штабов. На основе общих указаний совета национальной безопасности он разрабатывает конкретные планы и программы организации вооруженных сил, необходимых для обеспечения принятой национальной политики. Основным документом комитета начальников штабов по этому вопросу — «Объединенный план стратегических целей». Последний этап составляет деятельность, связанная с составлением годового военного бюджета. Здесь происходит распределение финансовых средств для обеспечения планов и программ комитета начальников штабов и отдельных видов вооруженных сил. На всех этих трех этапах «новому курсу» суждено было встретить затруднения, изложение которых составит содержание следующих двух глав.

ГЛАВА III

«НОВЫЙ КУРС» В ДЕЙСТВИИ (1953—1956)

Представители армии отнеслись к «новому курсу» с большим недоверием и приняли его лишь со многими оговорками, а со временем и вовсе отвергли. Генерал Риджуэй вскоре после вступления в должность начальника штаба армии при решении вопросов, связанных с осуществлением программы «нового курса», оставался в меньшинстве — один против остальных членов комитета. Мужественное сопротивление, которое он считал своим долгом оказывать взглядам большинства, в конце концов, привело к тому, что он впал в немилость и два года спустя, в 1955 году, был вынужден выйти в отставку.

Опасения армии, связанные с «новым курсом», возникли отнюдь не вследствие особого внимания и предпочтения, оказываемого военно-воздушным силам. Опыт событий в Корее был еще очень свеж в сознании руководителей армии, которая в бесплодных сражениях этой войны понесла самые большие потери в людях и материальных средствах. Руководители армии воспринимали ограничения, наложенные на наши вооруженные силы в Корее, как резкое напоминание о значении политических факторов, которые определяют решения гражданского руководства во время кризиса. Можно ли было поверить в неограниченное применение атомного оружия в будущей войне, предвещавшееся «новым курсом»? Опыт Кореи подсказывал, что нельзя. Последующие события вскоре подтвердили необоснованность надежд, возлагаемых на оружие огромной разрушительной силы, как на главное средство ответных действий

наших вооруженных сил. В самом деле, не успели высохнуть чернила на тексте «нового курса», как падение Диен-Биен-Фу¹ позволило практически испытать действенность новой стратегии и обнаружить ее слабые стороны. Все ухудшающееся положение французов, оборонявшихся в этом районе в начале 1954 года, заставило Пентагон и Белый дом в апреле и мае провести обсуждение вопроса о характере и степени возможного вмешательства Соединенных Штатов в войну в Индокитае. Некоторые представители военно-воздушных сил настаивали на проведении бомбардировок с воздуха, но генерал Риджуэй сумел убедить всех, что всякое вмешательство к тому времени было бы либо запоздалым, либо слишком незначительным, либо не того рода, что нужно. В частности, было высказано сомнение в возможности проведения воздушного налета, достаточно мощного, чтобы рассчитывать на успех, не подвергая в то же время опасности обороняющихся французов. Из всех этих рассуждений и колебаний со всей очевидностью вытекала необходимость иметь в готовности войска, вооруженные обычным оружием, которые могли бы успешно действовать в обстановке подобного рода ограниченных войн. К сожалению, в то время не существовало таких войск, которые обладали бы достаточной численностью и надлежащими возможностями, позволяющими рассчитывать на успех в ограниченной войне. В мае Диен-Биен-Фу пал, а в июле на Женевском совещании Индокитай был разделен между коммунистическим и свободным миром по 17-й параллели. Это событие было первой, но не последней неудачей сторонников «нового курса» в их стремлении сохранить мир на выгодных нам условиях.

Несмотря на то что к урокам Кореи прибавился урок Диен-Биен-Фу, в 1953 году и в течение всего 1954 года вооруженные силы США при помощи механизма военных бюджетов все более приспособлялись к требова-

¹ Войска народного Вьетнама 13 марта 1954 года начали наступление на крепость Диен-Биен-Фу — важный стратегический пункт — и, несмотря на превосходство противника в вооружении и в военной технике, менее чем за два месяца разгромили войска французских колонизаторов, оборонявшие эту крепость. Падение Диен-Биен-Фу явилось сокрушительным ударом по империализму во Вьетнаме. — *Прим. ред.*

ниям «нового курса». Тем временем и в Соединенных Штатах, и в Советском Союзе отмечались значительные успехи в развитии ядерного оружия. В 1952 году Соединенные Штаты взрывом на Эниветоке объявили о создании мегатонного оружия. Вслед за опубликованием этого сообщения, в августе 1953 года, последовало известие о взрыве советской водородной бомбы. Правда, еще в 1949 году было известно, что русские в 1949 году взорвали атомное устройство, но до сих пор мы преуменьшали достижения России в этой области, полагая, что это был только взрыв, а не готовое к действию оружие. Теперь стало ясно, что Советы успешно развивают ядерное оружие. Впервые на обсуждение был поставлен вопрос о значении возможной утраты Соединенными Штатами ядерной монополии и о наступлении эры взаимного сдерживания, т. е. о возможности равновесия в атомной разрушительной мощи Востока и Запада, которое будет удерживать обе стороны от преднамеренного развязывания всеобщей атомной войны при любом столкновении их интересов.

Странно, что возможности и значение взаимного сдерживания не оказали влияния на наше представление об обороне раньше, поскольку первый советский ядерный взрыв предшествовал войне в Корее почти на целый год. Но наши руководители, увлеченные идеей «абсолютного оружия», игнорировали или делали вид, что игнорируют политические затруднения, связанные с применением ядерного оружия большой мощности, и его очевидную неприменимость в конфликтах малого масштаба. Примечательно, что первые сигналы о недостатках стратегии, опирающейся на ядерное оружие, народ получил от неофициальных критиков национальной обороны. Среди трудов, написанных по этому вопросу, была изданная в 1954 году книга Джорджа Кеннана¹ «Сущность американской внешней политики», в которой он указывал, что «время тотальной войны миновало, и... отныне, по-видимому, только ограниченные

¹ Кеннан, Джордж (1904) — американский дипломат, в 1933, 1935 гг. работал в аппарате американского посольства в Москве; в 1945 г. был поверенным в делах США в СССР; в 1952 г. — посол США в СССР. В 1961 г. правительством Кеннеди назначен американским послом в Югославию. Один из пропагандистов «стратегии сдерживания». — *Прим. ред.*

военные действия могут служить всякой разумной цели». Появились и другие статьи, написанные в том же духе, за подписями Лиддел Гарта, Коффмана, Вэнневара Буша и Бернарда Броди. Эти статьи отражали впервые зародившееся в обществе сомнение в целесообразности провозглашенной «новым курсом» политики массированного ответного удара, и я горячо их приветствовал. Острый характер этих статей был тем более примечателен, что авторы их не имели доступа к полным данным о действии атомного оружия.

За закрытой дверью исполнительных органов правительства представители скептического направления начинали подвергать сомнению стратегию «нового курса». Явные успехи Советского Союза в области ядерного оружия не позволяли больше игнорировать важные изменения, которые происходили в соотношении сил на мировой арене. В январе 1955 года совет национальной безопасности предпринял первый широкий пересмотр провозглашенного в 1953 году «нового курса». Была признана возможность взаимного сдерживания и необходимость иметь на этот случай гибкие, находящиеся в постоянной готовности войска, способные дать отпор ограниченной агрессии. В противном случае наступит момент, когда страна будет поставлена перед выбором между капитуляцией и неограниченным применением разрушительной мощи ядерного оружия. Обращаясь к прошлому, мы можем с уверенностью сказать, что выводы, сделанные в 1955 году в результате пересмотра «нового курса», отражали весьма отрадную тенденцию к отходу от ориентации на массированный ответный удар и давали, как казалось, твердую директиву в пользу более гибкой стратегии.

Директива 1955 года весьма обнадежила руководителей армии. Я получил ее в своем штабе в Токио незадолго до возвращения в Соединенные Штаты, где мне предстояло сменить генерала Риджуэя на посту начальника штаба армии.

Новое назначение застигло меня врасплох. Когда 18 февраля 1955 года я, в то время командующий сухопутными войсками на Дальнем Востоке, инспектировал одно из подразделений 1-й кавалерийской дивизии, прибыл посыльный из моего штаба и вручил мне телеграмму от министра армии Роберта Стивенса с прось-

бой немедленно прибыть в Вашингтон для переговоров. Поскольку генерал Джон Хэлл собирался оставить пост главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке, я подозревал, что вызов связан с моим назначением на эту должность. В то же время я знал, что вследствие затруднений, которые испытывал генерал Риджуэй как начальник штаба армии, стали распространяться слухи о возможности его выхода в отставку. Эти обстоятельства вызвали множество толков в семействе Тейлоров накануне моего отъезда. Как всякая жена военного, которую ожидает возможность переезда, миссис Тейлор потребовала, чтобы я немедленно дал ей знать, как обернется дело в Вашингтоне. И вот, как настоящие заговорщики, мы разработали домашний код для тайных сношений. Если мне предстояло принять должность от генерала Хэлла, я бы телеграфировал: «Привет от Люсиль» (миссис Хэлл). Если же меня назначали на должность начальника штаба, то телеграмма должна была гласить: «Привет от Пенни» (миссис Риджуэй).

В Вашингтоне меня встретил заместитель начальника штаба генерал-лейтенант Уолтер Уэйбл, который заверил меня, что ни ему, ни генералу Риджуэю неизвестна цель моего вызова, и сообщить мне об этом может только министр армии Стивенс. На следующий день состоялась моя первая встреча с министром, но исчерпывающего ответа на свой вопрос я опять-таки не получил. Стивенс сказал только, что я был вызван скорей всего для обсуждения вопроса о назначении меня на должность генерала Хэлла, но, может быть, и по другим соображениям. Я был несколько озадачен, но все же послал миссис Тейлор телеграмму: «Привет от Люсиль».

На следующий день Стивенс проводил меня к министру обороны Вильсону. По своему обыкновению, Вильсон перешел к сути дела не сразу. Он предпочел обходный путь и долго обсуждал со мной положение на Востоке, перескакивая с одного вопроса на другой. Затем Вильсон подверг меня перекрестному допросу, стремясь установить, готов ли я выполнять приказы гражданских начальников, даже если бы они противоречили моим собственным взглядам. За тридцать семь лет службы у меня не было случаев неподчинения, и поэтому я мог, не преша против совести, дать ему

необходимые заверения, но должен сказать, что такая проверка лояльности меня удивила. Услышав утвердительный ответ, Вильсон стал откровеннее и сообщил, что президент рассматривает мою кандидатуру в качестве преемника генерала Риджуэя и что он, Вильсон, знакомился со мной, чтобы посмотреть, подойду ли я на эту должность.

Очевидно, я прошел это испытание, потому что позднее министр обороны приказал мне явиться 24 февраля в 14.30 к президенту, что я и сделал. Это была первая встреча с моим старым фронтовым начальником, с тех пор как он стал президентом. Эйзенхауэр приветствовал меня с обычной теплотой, но сразу же перешел к делу. Он хотел быть уверенным в позиции будущего начальника штаба. Так же, как и Вильсон, он пытался проверить мою лояльность в отношении гражданского руководства. Он выбирал другие выражения, но цель была та же самая. И на этот раз я мог отвечать со спокойной совестью. Видимо, я прошел испытание, хотя все еще смутно представлял себе, для чего оно понадобилось. В заключение беседы президент сказал, что намерен назначить меня преемником генерала Риджуэя, но до этого мне придется некоторое время исполнять обязанности главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке вместо генерала Хэлла.

Вернувшись в Пентагон, я отправил телеграмму: «Пенни тоже шлет привет», чем привел в полное смятение моих домашних.

По возвращении в Японию я впервые увидел текст директивы 1955 года «Основная политика в области национальной безопасности». Эта директива, провозглашавшая значительный отход от догмата массивованного удара, поразила меня широтой выраженных в ней взглядов, и я, прежде чем отправиться в Вашингтон, разработал первый черновой набросок документа, названного мною «Национальная военная программа». Документ содержал основные черты военной программы, направленной на претворение в жизнь директивы совета национальной безопасности, как я ее понимал. Вступив в должность начальника штаба, я отдал первоначальный вариант этого документа сотрудникам штаба, с тем чтобы они подвергли его критике и более тщательно отработали. Сотрудники штаба внесли лишь незначи-

тельные изменения, и документ был утвержден министром армии Уилбером Бракером (который 21 июля 1955 года сменил Стивенса). В этом документе излагалось, какого рода военная программа нужна стране на ближайшие годы. Впервые была четко сформулирована новая стратегия гибкого реагирования, которая противопоставлялась ортодоксальной стратегии массированного ответного удара. Поскольку этот документ имеет большое значение для обсуждаемых в книге вопросов, я воспроизвожу его полностью.

1 октября 1956 года

НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ПРОГРАММА

1. Цель программы обеспечения национальной безопасности¹

Основной целью программы является обеспечение безопасности Соединенных Штатов, их основных ценностей и общественных институтов. Преследуя эту основную цель, США стремятся всеми приемлемыми для американского народа средствами довести международное коммунистическое движение до такого состояния, чтобы оно больше не представляло угрозы для национальной безопасности США. Программа обеспечения национальной безопасности должна включать программы в политической, дипломатической, военной, экономической, психологической и культурной областях, которые способствуют укреплению положения и повышению престижа США и достижению ими своих национальных целей. Центральным пунктом этой программы является сдерживание коммунистической экспансии, в какой бы форме она ни проводилась. США должны обладать политической, военной,

¹ Читатель не должен удивляться тому, что программа подготовки и развязывания войны против СССР и других стран социалистического лагеря прикрывается высокопарными лживыми фразами о «национальной безопасности», «о борьбе с «коммунистической агрессией», «о предотвращении всеобщей войны» и т. д. Это обычный прием американских милитаристов, которые стремятся ввести в заблуждение американское общественное мнение и представить СССР в качестве мнимого агрессора, а себя — в роли «защитника демократии». Идея о «коммунистической агрессии» нужна идеологам американского империализма для оправдания своей агрессивной политики и неустанной гонки вооружений. — *Прим. ред.*

экономической и моральной мощью, достаточной для того, чтобы заставить коммунистический блок отказаться или воздержаться от всех форм агрессии. Свидетельства этой мощи должны быть настолько очевидными, чтобы в сознании противника возникло убеждение в невыгодности агрессии.

2. Цели национальной военной программы

Национальная военная программа должна составлять единое целое со всеми прочими национальными программами. Ее основной целью является поддержание военной мощи, обеспечивающей как ведение всеобщей войны, так и борьбу против всяких иных форм агрессии. Военная мощь США и их союзников должна строиться таким образом, чтобы предотвратить войну, если это будет возможно; ограничить ее, если она начнется, и успешно отразить всякую агрессию, которая может угрожать национальным интересам.

3. Элементы национальной военной программы

а) Элементы разумной национальной военной программы должны включать меры, обеспечивающие предотвращение всеобщей войны, предотвращение локальной агрессии, отражение локальной агрессии и победу во всеобщей войне, ведущую к установлению действенного мира.

б) Советы обладают способностью начать всеобщую войну путем ядерного нападения на США, возможно, без всякого или почти без всякого предупреждения. Такое нападение сопровождалось бы другими согласованными действиями, направленными на достижение целей Советского Союза на материке Евразии. Весьма важно поэтому, чтобы военная программа Соединенных Штатов предусматривала мероприятия для предотвращения войны такого рода.

в) Хотя преднамеренное развязывание всеобщей ядерной войны Советами представляет очень серьезную угрозу, но случаи агрессии меньшего масштаба представляются более вероятными. В наступающей эре ядерного изобилия, которой будет сопутствовать взаимное сдерживание, коммунисты, вероятно, будут склонны расширить свою тактику подрывной деятельности и ограниченной агрессии. Поэтому национальная военная программа должна предусматривать меры по предотвращению ограниченной

агрессии и по отражению ее, если предупредить такую агрессию не удастся. В противном случае может возникнуть любая из следующих ситуаций:

1) Конфликт ограниченного масштаба может перерасти во всеобщую войну.

2) Непрерывные успехи коммунистического блока могут оказать разрушительное влияние на духовную и материальную мощь свободного мира с вытекающей отсюда утратой способности предотвратить локальную и всеобщую войну.

3) Значительная часть свободного мира может либо стать жертвой локальной агрессии, либо встать на путь нейтралитета, оставив Соединенные Штаты в состоянии фактической изоляции.

4) Успехи скрытой агрессии могут породить у коммунистов ошибочное представление о нашей силе и вдохновить их на дальнейшие действия, что в свою очередь может привести к всеобщей войне.

5) Всегда нужно считаться с тем, что, несмотря на все наши усилия предотвратить всеобщую войну, она все же может вспыхнуть и продолжаться неопределенное время, причем ядерное оружие будет применено с самого начала войны. Поэтому США должны быть готовы к такой возможности, и национальная военная программа должна обеспечивать быстрое расширение вооруженных сил, необходимое для успешного ведения всеобщей войны.

4. Военные требования национальной военной программы

Требования военной программы в соответствии с обязательствами, указанными выше в параграфе 3, состоят в следующем:

а) Сохранение военно-технического превосходства над коммунистическим блоком.

б) Наличие средства устрашения в форме системы доставки ядерного оружия, обеспечивающей нанесение противнику эффективного ответного удара.

в) Система континентальной противовоздушной обороны, включающая как активные, так и пассивные меры, достаточно мощная для того, чтобы воспрепятствовать сокрушительному удару противника по Соединенным Штатам на континенте.

г) Размещение за границей достаточно мощных контингентов армий, флота и военно-воздушных сил для

выполнения наших международных обязательств при наличии системы их снабжения, обеспечивающей ведение длительных боевых действий.

д) Наличие находящихся в готовности сил армии, флота и авиации, способных осуществить быстрое вмешательство в тех районах, где может произойти локальная агрессия. Эти силы должны обладать средствами для применения ядерного оружия, причем время и масштаб его применения определяются соответствующими начальниками. Материально-техническое обеспечение этих сил в бою должно быть организовано немедленно.

е) Другие кадровые войска армии, флота и авиации должны быть способны в короткий срок обеспечить подкрепление силам, упомянутым в пункте «г», — в случае всеобщей войны и силам, указанным в пункте «д», — в случае иных военных конфликтов. Эти кадровые войска должны обладать возможностями для применения ядерного оружия, причем время и масштаб его применения определяют соответствующие начальники. Органы тыла должны быть способны обеспечить снабжение этих войск как в ядерной или неядерной локальной войне, так и во всеобщей ядерной войне.

ж) Программа военно-экономической помощи другим странам должна обеспечить развитие их национальных вооруженных сил и завоевание доверия наших союзников, а также предусмотреть оказание помощи для предупреждения или отражения коммунистической агрессии.

з) Наличие в Соединенных Штатах резервных сил, которые могут быть быстро мобилизованы с целью:

1) Заменить указанные в пункте «е» войска, занятые отражением локальной агрессии.

2) Отвечать требованиям ведения всеобщей ядерной войны.

и) Наличие запасов снаряжения для Соединенных Штатов и избранных союзников, необходимого для удовлетворения требований войны до тех пор, пока не получит достаточного развития военное производство.

к) Развитие военного производства, создание мобилизационной и учебной базы для ведения всеобщей ядерной войны.

5. Заключение

а) Разумная национальная военная программа заключается в выполнении вышеупомянутых военных тре-

бований. Эта программа должна как минимум обеспечивать предотвращение войны как всеобщей, так и локальной и быструю победу в локальной войне. Рассчитывая на устрашение противника, мы должны помнить, что вследствие успеха коммунистов в области техники и боевой готовности сегодняшние средства устрашения завтра могут оказаться недостаточными для сдерживания советского блока.

б) Национальная военная программа должна быть применима в любых непредвиденных ситуациях. Она не может быть привязана к какой-нибудь одной системе вооружения, одной стратегической концепции или к определенной комбинации союзников. Она должна быть способна обеспечить проведение нашей национальной политики во всех ситуациях; должна привлекать основных союзников и не отталкивать остальных. Короче говоря, военная программа Соединенных Штатов должна включать все разумные мероприятия для предотвращения всеобщей и локальной войны и в то же время обеспечивать возможность ведения любой войны, большой или малой, таким образом, чтобы достигнуть наших национальных целей и после успешного завершения военных действий построить лучший мир.

В Национальной военной программе заслуживает внимания категорическое утверждение о том, что главной задачей вооруженных сил является предотвращение войны¹. Программа признает, что преднамеренное развязывание всеобщей войны является серьезной угрозой, но, учитывая значение взаимного сдерживания, она считает, что преднамеренно развязанная всеобщая война менее вероятна, чем ограниченные формы агрессии. При таких условиях чрезвычайно важно обладать возможностями для быстрой ликвидации ограниченных агрессий, ибо, если не оказывать им отпор или проводить его недостаточными силами, они приведут в первом случае к ослаблению наших позиций на мировой арене, а во втором — к той самой всеобщей войне, которой мы так страстно стре-

¹ Здесь опять бросается в глаза явное лицемерие автора, который старается все перевернуть с ног на голову. О каком предотвращении войны может идти речь, когда американские империалисты отвергали и отвергают все предложения Советского Союза о всеобщем и полном разоружении, являющемся лучшей гарантией мира во всем мире? — *Прим. ред.*

мимся избежать. Если действовать в соответствии с принципом устрашения, необходимо, прежде чем удовлетворять все требования, нужные для победы во всеобщей войне, полностью обеспечить силы, способствующие предотвращению всеобщей войны и предотвращению и отражению локальной агрессии. Лично я сомневаюсь, что эти требования когда-либо удастся определить, а тем более удовлетворить.

Принятие такого порядка очередности оборонительных мероприятий заставило бы нас уделять больше внимания так называемым силам ограниченной войны и поставило бы их в практически равное положение с ядерными силами устрашения. Больше внимания стало бы уделяться обычным вооружениям, подготовке военных резервов и развитию мобилизационных возможностей. Это означало бы отрицание концепции кратковременной войны, провозглашенной «новым курсом». Вследствие того что национальная военная программа придавала большое значение гибкой организации наших вооруженных сил как необходимому условию для противодействия всему диапазону возможных военных конфликтов, заключенная в ней доктрина со временем стала именоваться «стратегией гибкого реагирования».

Руководители армии уже в 1955 году понимали, что одобрение программы, подобной изложенной выше, означало бы большой шаг навстречу изменившимся требованиям нашей национальной обороны. Одобрение программы обеспечило бы, как минимум, создание сил для предотвращения войны как всеобщей, так и локальной и для быстрой победы в локальной войне. Эти силы включали бы все рода войск. Армии, флоту, морской пехоте и военно-воздушным силам — всем была бы отведена почетная роль. Они были бы достаточно гибкими, для того чтобы быстро приспособиться к непредвиденным обстоятельствам. Они не зависели бы от какого-либо одного вида оружия или от одной стратегической концепции, а именно в этом заключается главный порок стратегии массированного ответного удара. Способность наших войск последовательно наращивать свои силы, привлекла бы к этой программе наших союзников, которым стратегия массированного ответного удара не внушает особой надежды. Все эти факторы дали бы нашим политическим руководителям значительные дипломатические преимуще-

ства за столом международных переговоров. Наконец, если бы, паче чаяния, разгорелась война, эта гибкая стратегия обеспечила бы стране вооруженные силы, способные осуществить военные задачи, не теряя из виду конечную цель разумного применения силы — создание после войны прочного мира. Стратегия же массированного ответного удара сулит лишь неограниченное разрушение и ничего больше.

Этот документ армии впервые был представлен на рассмотрение других видов вооруженных сил на заседании комитета начальников штабов, проходившем с 3 по 9 марта 1956 года на базе военно-воздушных сил в Пуэрто-Рико. Заседание было созвано по указанию министра обороны Вильсона, с тем чтобы дать возможность начальникам штабов пересмотреть в уединенной обстановке данную ими в 1953 году оценку требований «нового курса», рассчитанных на длительный период. Мои коллеги вежливо прочитали наш труд, но в дальнейшем просто игнорировали его. Слишком рано было требовать внимания к проекту, содержащему коренные изменения, в то время как другие виды вооруженных сил вполне устраивало сохранение статус-кво. И вопрос был отложен.

Заседание в Пуэрто-Рико не принесло ничего заслуживающего внимания. Коренные разногласия между начальниками штабов в значительной мере оставались в тени. Обзор положения носил весьма общий характер. Осуществляемые военные программы были признаны достаточно правильными при условии, что в течение последующих нескольких лет они будут проводиться на намеченном уровне. Этот вывод фактически означал, что, как было установлено комитетом начальников штабов в 1953 году, численность армии должна оставаться на уровне около одного миллиона человек, а общая численность вооруженных сил — около 2,8 миллиона человек. Впрочем, начальники штабов пересмотрели расчет потребности в бюджетных ассигнованиях, установленный в 1953 году, в сумме 34 миллиарда долларов. Было признано необходимым увеличить ежегодные ассигнования по военному бюджету на период до 1960 года до 38—40 миллиардов долларов. Они считали, что сверх этой суммы потребуется еще 4—6 миллиардов долларов в год на осуществление программы военной помощи.

Последующие события вскоре показали, что начальники штабов оказались слишком умеренными в своих расчетах растущей стоимости осуществления военных программ. Министр обороны Вильсон, принявший участие в заключительной стадии совещания, был ближе к действительности, когда предположил, что установленный комитетом верхний предел в 40 миллиардов долларов вскоре будет превзойден. Не очень приятно было говорить об этом в то время, когда правительство не верило, что страна может выдержать военный бюджет более 36 миллиардов долларов.

Не успели начальники штабов вернуться из Пуэрто-Рико, как все увеличивающаяся программа производства управляемых снарядов и бомбардировщиков дальнего действия обнаружила скромность их расчетов в отношении будущих финансовых требований. Беспокойство, вызванное растущими, как снежный ком, расходами на оборону, привело к крупному столкновению между начальниками штабов по вопросу о военной стратегии. Столкновение произошло весной 1956 года в связи с разработкой комитетом начальников штабов «Объединенного плана стратегических целей» на 1960 финансовый год. Этот документ является перспективным планом «средней дальности», цель которого определить потребности вооруженных сил на ближайшие четыре года. Вскоре после совещания в Рейми адмирал Рэдфорд пришел к убеждению, что продолжать выполнение военных программ так, как было намечено, будет невозможно в финансовом отношении и что необходимо провести экономию за счет обычных (неядерных) войск. В частности, он был полон решимости исключить из военных планов всякие соображения о возможности неядерной войны с Советским Союзом. Разногласия вылились в форму дискуссии об определении понятия «всеобщая война» и о применении вооруженными силами ядерного оружия в различных ситуациях. Я предложил формулировку, которая признавала бы возможность некоторых ограничений в применении ядерного оружия, в частности, в начальной стадии конфликта с СССР, и вытекающую отсюда необходимость в обычных вооруженных силах значительной численности. Адмирал Рэдфорд и другие начальники штабов возражали против этого изменения, которое, будь оно принято, оправдывало бы увеличение расходов на неядерные

вооруженные силы. В конце концов, моя точка зрения была отвергнута. Всеобщая война была определена как конфликт, в котором США и СССР принимают непосредственное участие и в котором ядерное оружие будет применено с самого начала. Тем же самым решением вооруженным силам было разрешено рассчитывать на применение ядерного оружия не только во всеобщей войне, но и в конфликтах меньшего масштаба, если этого потребуют военные соображения. По существу, это решение исключало возможность неядерного конфликта любого рода с Советским Союзом и ослабляло позицию сторонников применения в ограниченных войнах сил, вооруженных обычным оружием.

Воспользовавшись этой победой, укрепившей его позицию, адмирал Рэдфорд в июле 1956 года приложил немалые усилия для сокращения обычных вооруженных сил, и в частности армии. Он внес на рассмотрение комитета начальников штабов самое решительное за весь период действия «нового курса» предложение. Если бы оно было принято, последовал бы полный пересмотр структуры наших вооруженных сил на последующие четыре года. К счастью, этого не произошло. Но предложение Рэдфорда имеет историческое значение. Оно наглядно показывает нам, как далеко собирались зайти крайние сторонники стратегии массированного ответного удара, и иллюстрирует печальное положение одного из видов вооруженных сил, представители которого оказались в изоляции и в меньшинстве в комитете начальников штабов.

Согласно предложению Рэдфорда сухопутные войска, расположенные в Европе и в Азии, начиная с 1957 года должны были свестись к небольшим ядерным оперативным группам. Отражение нападения противника на суше возлагалось на эти символические американские силы и национальные войска наших союзников. Сухопутные силы, размещенные в Соединенных Штатах, также должны были подвергнуться большому сокращению, и роль их ограничивалась главным образом выполнением задач гражданской обороны. Ведение ограниченных войн поручалось военно-воздушным и военно-морским силам, с участием морской пехоты для боевых действий на суше.

Предложение Рэдфорда основывалось на безоговорочном признании теории кратковременной войны. В области

материально-технического обеспечения и подготовки личного состава вооруженные силы должны были ограничиваться потребностями наличных войск, не принимая никаких мер для обеспечения войск, которые могут быть сформированы в периоды обострения международной обстановки или после начала военных действий. Поэтому вооруженным силам разрешалось приобретать лишь столько вооружения, сколько необходимо для обеспечения боевых действий кадровых войск, организованных и обученных в мирное время.

9 июля 1956 года начальники штабов были созваны на закрытое заседание в штаб адмирала Рэдфорда для обсуждения этого предложения. Для меня было ясно, что принятие плана адмирала свело бы к нулю нашу глобальную стратегию, основанную на выдвинутых вперед базах, которой Соединенные Штаты следовали со времени второй мировой войны, подорвало бы наши союзы и ликвидировало бы армию как орудие сухопутной войны. Поэтому я прибыл на заседание тщательно подготовившись, имея на руках письменные возражения, составленные с помощью нескольких самых способных офицеров моего штаба. С самого начала заседания я перешел в наступление, подвергнув критике недостатки этого плана со всех точек зрения — военной, политической и финансовой. Я подытожил свои доводы следующими словами: «Предложение председателя представляет собой программу подготовки лишь к одному, причем наименее вероятному типу войны и оставляет Соединенные Штаты незащищенными на случай угрозы наиболее вероятного типа конфликта. Оно ограничивает возможности вооруженных сил, что влечет за собой утрату гибкости и приспособляемости к военно-политическому курсу Соединенных Штатов. Оно запугает и оттолкнет наших друзей. Оно сыграет на руку русским, которые стремятся к выводу наших войск из Европы и Азии. Оно подменяет нашу прежнюю стратегию, основанную на размещении сил устрашения на передовых базах и на взаимодействии с нашими союзниками в свободном мире, концепцией «американской крепости», и я еще раз повторяю: такая военная программа неприемлема для Соединенных Штатов».

Мои слова были встречены напряженным молчанием. Другие начальники штабов меня не поддержали, предсе-

датель не стал защищаться. Заседание закрылось, не приняв окончательного решения, но, покидая его, я был уверен, что вследствие обычного раскола голосов — четыре против одного — вопрос будет передан министру обороны, и мое дело будет проиграно.

Так бы и случилось, если бы ко мне не пришла помощь оттуда, откуда я ее ожидал меньше всего. 13 июля 1956 года в газете «Нью-Йорк таймс» была помещена статья ныне покойного Антони Левиеро, вашингтонского корреспондента этой газеты, под заголовком «Рэдфорд хочет сократить 800 тысяч солдат». Далее в статье довольно точно излагались отдельные части предложения, только что обсуждавшегося на закрытом заседании комитета начальников штаба. По-видимому, Левиеро либо воспользовался просочившимися каким-то образом сведениями, либо ему удалось собрать воедино отрывочные факты, подобранные в разговорах с лицами, которые в какой-то степени были в курсе дела. Во всяком случае, он проделал очень тонкую работу, разгадав характер некоторых событий, происходивших в высших военных кругах.

Эта так называемая «рэдфордская утечка» вызвала страшный шум в министерстве обороны и вообще в Вашингтоне, а также вызвала отклики за границей. Немедленно было начато расследование с целью установить источник этих сведений. Но расследование не обнаружило ничего такого, что позволило бы установить и наказать виновников, если они и были. За границей среди некоторых наших союзников статья Левиеро вызвала сильную тревогу. Канцлер Аденауэр, в частности, был очень обеспокоен сообщением о предложении сократить численность сухопутных войск в Европе. Он тут же направил генерала Адольфа Хойзингера, командующего немецкими вооруженными силами¹, в Вашингтон обсудить вопрос с руко-

¹ Характерно признание тесной связи американской военщины с милитаристскими и реваншистскими кругами Западной Германии и влияние этих кругов на деятельность Пентагона. Оказывается, боннский канцлер Аденауэр и гитлеровский генерал Хойзингер систематически вмешиваются в деятельность Пентагона и диктуют пути развития американских вооруженных сил. Нетрудно догадаться, для каких целей Хойзингер настаивал в Вашингтоне на необходимости «мощного сухопутного заслона в Европе». Как видно из заявления автора, интересы реваншистских кругов Бонна и американской военщины постоянно совпадают. В настоящее время Хой-

водящими должностными лицами министерства обороны США. На совещаниях, последовавших по прибытии генерала Хойзингера, командующий бундесвером красноречиво доказывал необходимость мощного сухопутного задела в Европе как одного из элементов всеобщего стратегического средства устрашения. Министр обороны Вильсон заверил его, что никакого значительного сокращения наших сил, размещенных в Европе, не намечается, и таким образом Хойзингер получил возможность вернуться в Германию с успокоительным докладом канцлеру.

В результате этой огласки предложение адмирала Рэдфорда было изъято из комитета начальников штабов, и все письменные копии его было предложено вернуть обратно. Главная опасность, угрожавшая нашим заокеанским группировкам и войскам, предназначенным для ведения ограниченных войн, на время миновала. Впрочем, через год ей в слегка смягченной форме суждено было появиться вновь в виде программы Вильсона — Рэдфорда для вооруженных сил на период с 1957 по 1961 год.

Характерной чертой того времени было стремление министерства обороны и государственного департамента сохранить в тайне борьбу, которая шла в комитете начальников штабов вокруг стратегии массированного ответного удара и связанных с ней вопросов. Хотя документ армии «Национальная военная программа» был рассекречен, я встретил серьезные затруднения, когда решил написать статью, содержащую основную характеристику изложенных в нем идей. Написать статью мне предложил Хэмилтон Армстронг, редактор журнала «Форин Эфферс»¹, которому были известны мои взгляды по дискуссиям, происходившим в Нью-Йорке в совете по вопросам внешних отношений.

В черновом варианте предложенная статья называлась «Безопасность посредством сдерживания». В ней

ингер назначен председателем постоянной группы военного комитета НАТО — верховного органа оперативно-стратегического руководства объединенными вооруженными силами Северо-атлантического блока. Кстати, эта группа постоянно размещается в Пентагоне. — *Прим. ред.*

¹ Американский журнал. Основан в 1922 году. Издается в Нью-Йорке близким к правительственным кругам США так называемым советом по вопросам внешних отношений. Выходит раз в три месяца. Освещает вопросы внешней политики. — *Прим. ред.*

В спокойном тоне приводились доводы в защиту точки зрения армии, изложенной в «Национальной военной программе». Признавая, что эту программу можно было бы назвать вместилищем всех стратегических концепций, требующим непомерно больших расходов, я подчеркивал необходимость вложить наши средства в первую очередь в войска, обеспечивающие сдерживание противника, а затем, лишь после того как будут удовлетворены эти требования, — в войска и военные программы, подлежащие вводу в действие лишь в том случае, если система сдерживания потерпит неудачу. Заключительные абзацы этой статьи гласили:

Можно надеяться, что лица, занимающиеся стратегическим планированием, предпочтут поддержать гибкую программу сдерживания, изложенную в общих чертах выше. Тогда они предложат сначала в достаточной степени обеспечить те силы, которые непосредственно участвуют в сдерживании противника, а затем уже из оставшихся средств произвести ассигнования на силы, предназначенные для ведения войны на случай, если сдержать противника не удастся. Таким образом, наша жизнь будет связана с известным риском, но такая жизнь будет, пожалуй, предпочтительнее, чем мрачное существование в пещерах и пустынях, ожидающее нас в том случае, если мы будем действовать исходя из предположения, что единственный вид войны, к которому стоит готовиться, — это война с внезапным ядерным нападением на Соединенные Штаты...

Рекомендуемая нами военная программа сдерживания обладает гибкостью, необходимой для успешного ведения самых различных видов войн. Она не привязана к какому-либо одному виду вооружения или к одной определенной концепции будущей войны. Мы не закрываем глаза на грозную опасность всеобщей ядерной войны: наша программа в первую очередь направлена именно на то, чтобы избежать этой катастрофы. В то же время она учитывает необходимость успешно справляться с любыми конфликтами меньшего масштаба. Она предусматривает сохранение заокеанских группировок, предназначенных для того, чтобы отодвинуть войну как можно дальше от наших берегов. Она должна успокоить, а не оттолкнуть наших союзников. И самое главное, она предоставит руководителям США возможность широкого выбора, когда в какой-либо критический момент в будущем им придется определять форму военного противодействия, наиболее соответствующую нашим национальным интересам.

Когда эта статья была представлена для проверки, ей пришлось испытать много превратностей как в министерстве обороны, так и в государственном департаменте. Из министерства обороны она была направлена в штаб адмирала Рэдфорда, в соответствии с установившейся практикой министра заручаться поддержкой председателя комитета, с тем чтобы публичные заявления началь-

ников штабов не противоречили политической линии министерства.

Ответ, который я получил, был подписан помощником министра обороны по юридическим и общественным вопросам. Он содержал отказ в разрешении на опубликование статьи на том основании, что мои взгляды противоречат одобренной правительством политике и подлежат обсуждению в комитете начальников штабов, а не в открытой печати. Высказывание таких взглядов, говорилось в отказе, может подвергнуть серьезной опасности наши международные отношения.

Государственный департамент тоже остался недоволен статьей, но по другим соображениям. Говоря о вероятности увеличения случаев ограниченной агрессии со стороны Советского Союза, я объяснял свои соображения тем, что успехи русских в области проникновения, подрывной деятельности и локальной агрессии побудят их продолжать такую тактику. Цензор государственного департамента, возражая против моего мнения, писал: «Соединенные Штаты придерживаются той точки зрения, что Советский Союз, по крайней мере временно, отказался от своих агрессивных методов вследствие их неуспеха».

Я не мог понять и не могу понять сейчас, какой, собственно, «неуспех» имел в виду государственный департамент. Голос Кремля, звучащий все более резко, показывает, что Советы, обладающие ядерным оружием, количество которого неустанно увеличивается, уверены в своих силах.

В прочих своих замечаниях мои критики из государственного департамента старались следовать общепринятой точке зрения, но стали жертвой ее непоследовательности. Мы не должны допускать, утверждали они, никакого ослабления нашей ориентации на ядерное оружие и веры в его устрашающее действие. У противника не должно быть никакого сомнения в нашей решимости применить мощное ядерное оружие в ответ на всеобщую агрессию, хотя первыми ядерную войну мы не начнем.

А что же нам делать, если противник тоже не начнет ядерную войну, но будет совершать агрессию, применяя обычные методы ведения войны? Этот вопрос так и остался без ответа.

Встретив такое отношение к моей статье и сознавая, что обращаться к министру обороны бесполезно, я махнул на нее рукой. Если читатель пожелает ознакомиться со всеми подробностями этого инцидента и с комментариями рецензента, он может обратиться к приложению. Сегодня этот инцидент представляет интерес главным образом как свидетельство тех усилий, которые прилагались в то время, чтобы скрыть глубокий раскол в комитете начальников штабов и растущие сомнения относительно стратегии массированного ответного удара. Такое отношение к моей статье могло бы иметь некоторое оправдание, если бы представители обеих сторон в равной мере проявляли сдержанность и вместе с тем прилагали бы серьезные усилия для решения спорного вопроса. К сожалению, никаких действий для урегулирования этого принципиального вопроса не предпринималось, тогда как год за годом под влиянием военных бюджетов наша стратегия превращалась в неизменный шаблон.

Хотя признаки серьезных противоречий в комитете начальников штабов капля за каплей просачивались наружу, основные разногласия стали в полной мере очевидными лишь после опубликования заявлений членов комитета по вопросу о бюджете на 1960 год перед комиссиями конгресса.

ГЛАВА IV

«НОВЫЙ КУРС» УСТАРЕВАЕТ (1956—1959)

Начиная с лета 1956 года главную заботу министерства обороны по-прежнему составляла растущая стоимость программ развития управляемых снарядов и тяжелого вооружения. Стало ясно, что если проводить в жизнь эти программы так, как планировалось вначале, то в последующие годы расходы значительно превысят уровень допустимых бюджетных ассигнований. Однако из-за событий, разыгравшихся поздней осенью 1956 года в Венгрии и в зоне Суэцкого канала¹, нельзя было и думать о сокращении вооруженных сил. Поэтому осенью 1956 года при подготовке бюджета на 1958 год армии было разрешено по-прежнему планировать численность ее личного состава в один миллион человек. Впрочем, вскоре после нового года озабоченность военными событиями в Европе и на Среднем Востоке ослабла, тогда как бюджетные проблемы продолжали расти. В феврале 1957 года командование вооруженными силами было предупреждено о том, что можно предвидеть утверждение военного бюджета на 1958 финансовый год в сумме 38 миллиардов долларов, что потребует сокращения численности личного состава на 10 процентов. Это означало,

¹ Осенью 1956 года в Египте имела место открытая интервенция англо-французских империалистов с целью сохранения там полуколониального режима. В Венгрии был открыт контрреволюционный мятеж, подготовленный при активном содействии американских империалистов против народного правительства Венгрии. Как видно из заявления автора, американские империалисты используют любое осложнение международной обстановки для увеличения своих вооруженных сил и получения новых бюджетных ассигнований на военные нужды. — *Прим. ред.*

что численность армии должна снизиться с одного миллиона до 900 тысяч человек.

Тем временем и в 1956, и в 1957 годах совет национальной безопасности производил ежегодный пересмотр основной военной политики. Трудно сказать, какое влияние на этот пересмотр имели бюджетные соображения, но новая директива совета значительно больше, чем в 1955 году, благоприятствовала стратегии массированного ответного удара. Я видел, что эта директива направлена на дальнейшее усиление упора на применение ядерного оружия и лишь туманно упоминает о войсках, обладающих гибкими возможностями. Она поддерживала концепцию кратковременной войны и ограничивала приготовления вооруженных сил в соответствии с потребностями лишь первых месяцев конфликта. Наконец, она изменила определение ограниченной войны, введя новое понятие о том, что ограниченная война — это форма военного конфликта, имеющего место только в слаборазвитых районах мира, с которым в состоянии справиться небольшие контингенты войск Соединенных Штатов. Такие формулировки успокоили сторонников стратегии массированного ответного удара и оказали им помощь, которой они поспешили воспользоваться при разработке бюджета на 1959 год.

Разногласия достигли своего апогея на драматическом заседании совета национальной безопасности 25 июля 1957 года. Хотя в течение весны Советский Союз направил угрожающие предупреждения¹ Норвегии, Дании, Греции и Исландии по поводу последствий размещения на их территории западных войск и баз, лето было сравнительно спокойным. Венгрия и Суэц отошли на задний план; потрясение в связи с запуском первого спутника в октябре 1957 года было еще впереди. Этот короткий безкризисный период был сочтен подходящим моментом для нового предложения о сокращении вооруженных сил, в некоторых отношениях сходного с мертворожденным

¹ Послания Советского Союза Норвегии, Дании, Греции и Исландии никому не угрожали. В интересах безопасности этих же стран правительство СССР справедливо предупредило их о серьезных последствиях, которые может повлечь размещение на их территории американских военных баз и использование их территории для агрессивных действий против СССР и других стран социалистического лагеря. — *Прим. ред.*

предложением Рэдфорда, внесенным прошлым летом. Признавая невозможность добиться согласия всех начальников штабов, министр Вильсон решил, по существу, единолично разработать программу на длительный период для представления совету национальной безопасности. В подготовке этого плана он, говорят, пользовался помощью адмирала Рэдфорда, заместителя министра Куорлза и своего личного военного советника бригадного генерала морской пехоты Кэри Рэндолла. Во всяком случае, комитет начальников штабов не приложил свою руку к этому плану.

Кто бы ни был настоящим автором программы, но в вооруженных силах она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Министры видов вооруженных сил и начальники штабов узнали о ее существовании только за три дня до представления ее на утверждение совета национальной безопасности. Программа охватывала период с 1959 по 1961 год и предусматривала сохранение годового военного бюджета в пределах примерно 38 миллиардов долларов. Сокращение личного состава вооруженных сил должно было компенсировать рост стоимости вооружения. Конкретно общую численность вооруженных сил предлагалось сократить с 2,5 миллиона человек в 1959 году до 2,2 миллиона в 1961 году. Особенно резко должна была уменьшиться численность армии — с 900 тысяч до 700 тысяч человек и с 15 до 11 дивизий.

Министр армии Бракер и я впервые услышали о существовании этой программы 22 июля на заседании совета по делам вооруженных сил. Рассматривая ее как попытку вильсонско-рэдфордовского руководства еще плотнее втиснуть национальную стратегию в конкретную форму массированного ответного удара, мы приготовились встретить ее во всеоружии. С моей точки зрения, международное положение ни в коей мере не оправдывало какого бы то ни было сокращения численности вооруженных сил — советская угроза не ослабевала, а возрастала¹. Если бы предлагаемое сокращение осуществилось, было бы невозможно содержать наши войска за границей и выполнять обязательства по отношению к на-

¹ Автор, стремясь выдать Советский Союз за мнимого агрессора и оправдать необходимость увеличения вооруженных сил США, вновь упоминает о якобы существующей советской угрозе, к которой, как известно, Советский Союз никогда не прибегал.—Прим. ред.

шим союзникам в Европе и на Дальнем Востоке. Я считал, что эти отрезвляющие доводы помогут мне добиться отклонения программы министерства обороны.

Заседание 25 июля, на котором присутствовал полный состав совета национальной безопасности, стало, таким образом, ареной широких дебатов. Председательствовал президент. Бригадный генерал Рэндолл от имени министра обороны доложил, используя таблицы и диаграммы, намечаемые пути развития наших вооруженных сил в течение рассматриваемого периода. Когда он кончил, было предложено высказать свою точку зрения министрам и начальникам штабов видов вооруженных сил, начиная с армии, как ведущего вида. Мое заявление, заранее согласованное с министром Бракером, выражало глубокую тревогу по поводу плана сокращения личного состава и боевых частей всех видов вооруженных сил, и в особенности армии. Согласно плану Вильсона бюджетная экономия, достигнутая в результате сокращения численности личного состава, должна была быть обращена на дальнейшие вложения в тяжелое, дорогостоящее вооружение, предназначенное исключительно для всеобщей ядерной войны. Не намечалось никакой серьезной модернизации тех сил, которые необходимы не только для всеобщей войны, но и для войн меньшего масштаба, где оружие массового уничтожения не может быть применено. Этот возрастающий упор на подготовку к всеобщей ядерной войне представлялся особенно неоправданным, поскольку она не являлась наиболее вероятной формой военного конфликта. По общему признанию, вероятности той или иной формы будущего военного вызова располагались в следующем порядке: сначала — холодная война, потом — военные конфликты (исключая всеобщую войну) и, наконец, — всеобщая война.

Игнорируя эту оценку вероятности, программа Вильсона сосредоточивала все внимание на потребностях большой ядерной войны и не обеспечивала средств для быстрого и решительного отпора агрессии иного рода. Между тем такая агрессия, если она не будет быстро подавлена, может привести к опустошительной ядерной войне, предотвращение которой является нашей главной целью. Совершенно ясно, закончил я, что непрерывная тенденция к сокращению сухопутных войск в конечном счете приведет к отказу от стратегии выдвинутых вперед баз

и к подрыву нашей системы коллективной безопасности. В то же время мы в еще большей мере утратим способность быстро и эффективно противодействовать наиболее вероятной форме военного конфликта — ограниченной войне — и рискуем погубить дело или допустить грубую ошибку, развязав всеобщую войну.

После того как высказались представители всех видов вооруженных сил, министр обороны Вильсон, явно огорченный проявлением открытого раскола в его ведомственной семье, признал, что его программа пагубно отразится на армии, но заявил, что она основывается на принятой политике «максимального увеличения воздушной мощи и сведения к минимуму численности пехоты». Если военная политика Соединенных Штатов не такова; то он готов признать необоснованность своей программы.

Я ждал, что кто-нибудь из сидящих за столом совета опровергнет это определение политики страны, но никто не брал слова. Казалось, все молчаливо соглашались, что это правильное, хотя и не совсем точно сформулированное выражение военной стратегии, принятой Соединенными Штатами. Адмирал Рэдфорд вставил замечание, что эта программа является лишь логическим развитием «нового курса» — да так оно в самом деле и было. Затем перешли к обсуждению вопроса о том, выдержит ли страна 38-миллиардный бюджет, в чем некоторые из членов совета были склонны сомневаться. Но самая целесообразность стратегии, стоящей за программой обороны, не подвергалась обсуждению.

Эта программа в целом не была ни утверждена, ни отвергнута. Тем не менее министерство обороны продолжало ее придерживаться, и она послужила отправным пунктом для бюджета на 1959 год. Армия получила указание строить свои планы исходя из численности в 900 тысяч человек к концу 1958 финансового года и 850 тысяч человек к концу 1959 финансового года. Для всех видов вооруженных сил был установлен денежный лимит, исходя из утверждения расходов, а не обязательств, как практиковалось прежде. Это изменение требовало новой системы бухгалтерского учета, к чему вооруженные силы не были подготовлены. В следующем году новая система привела к жесткому ограничению возможностей эффективного использования вооруженными силами своих фондов. С точки зрения бюджетного управления, установле-

ние предела расходования средств имело то преимущество, что оно предохраняло казначейство от непредусмотренных требований на наличные деньги. Несмотря на установленные лимиты и ограничительные директивы, министр армии Бракер и я в своих бюджетных требованиях, представленных министру обороны в ноябре, отстаивали необходимость иметь армию численностью в 925 тысяч человек и в составе пятнадцати дивизий, а не в 850 тысяч человек и тринадцати дивизий, как было предусмотрено директивой Вильсона. В то же время мы получили неожиданную, хотя и временную поддержку со стороны русских.

Точно так же, как события в Венгрии и на Суэцком перешейке осенью 1956 года способствовали сохранению численности наших вооруженных сил, теперь, в октябре 1957 года, успех советского спутника оказался для нас ценным союзником в борьбе за сохранение уровня численности вооруженных сил и за получение дополнительных ассигнований. Но поскольку спутник свидетельствовал прежде всего о достижениях русских в области тяжелых управляемых снарядов, поддержку через бюджет получили главным образом стратегические средства доставки ядерного оружия военно-воздушных и военно-морских сил. 11 ноября 1957 года комитету начальников штабов было предложено подготовить для министра обороны перечень наиболее необходимых предметов вооружения, которые не были предусмотрены основным бюджетом на 1959 год и требовали дополнительного ассигнования денежных средств. 17 ноября 1957 года комитет единогласно рекомендовал министру перечень необходимых предметов вооружения на общую сумму 1,5 миллиарда долларов. Большинство пунктов этого перечня отражало интересы программы развития управляемых снарядов дальнего действия, стратегической авиации и сил противолодочной обороны — короче говоря, сил, предназначенных для всеобщей ядерной войны. В виде исключения комитет начальников штабов рекомендовал отпустить 362 миллиона долларов для армии, с тем чтобы она могла сохранить численность в 900 тысяч человек и осуществить некоторую модернизацию вооружения. Это был первый и единственный случай, когда я получил поддержку от своих коллег в вопросе об увеличении мощи армии, и мое

ликование было вполне понятно. Но я позабыл про поговорку, сложенную о Пентагоне:

Ни победа, ни разгром
Не бывают полны в нем.

Так получилось и с этой кажущейся победой, когда удалось добиться дополнительных ассигнований для армии и для усиления нашей способности вести ограниченные войны. Министерство обороны впоследствии урезало единоголосно рекомендованную комитетом сумму в 362 миллиона долларов до 198 миллионов и численность личного состава — до 870 тысяч человек. Бюджетное управление сократило эту сумму до 146 миллионов, и эта цифра, в конце концов, была принята конгрессом, причем 88 миллионов долларов из общей суммы предназначались на модернизацию вооружения армии. Впрочем, завоевание в пользу модернизации оказалось иллюзорным, поскольку военное министерство сократило бюджет армии почти на ту же сумму по другой важной статье, чтобы возместить расходы на модернизацию. В общем, единственный реальный выигрыш в результате всей этой процедуры составили 58 миллионов долларов, из коих 30 миллионов предназначались для обеспечения численности армии в 870 тысяч человек и 28 миллионов — на дополнительную научно-исследовательскую работу. Требования модернизации вооружения, говоря языком бухгалтеров из Пентагона, «рассосались». В данном случае бухгалтеры оказались более могущественными, чем выступавший единым фронтом комитет начальников штабов.

В окончательном варианте новый бюджет явился дальнейшим развитием старых тенденций «нового курса». Процентное распределение бюджетных ассигнований по видам вооруженных сил и по функциональному назначению, по существу, не изменилось. В замечаниях по бюджету, высказанных на заседании совета национальной безопасности в ноябре 1957 года, я вновь подчеркнул свое беспокойство по поводу продолжающегося сокращения численности личного состава армии и невозможности модернизировать ее вооружение. Вместе с тем совокупные возможности других видов вооруженных сил не давали никаких преимуществ в обеспечении нашей безопасности, которые компенсировали бы ущемление интересов армии. Другие начальники штабов разделяли мое мнение о недо-

пустимости сокращения численности вооруженных сил США и темпа модернизации по сравнению с двумя предшествующими годами. Их тоже поражало, что тенденция к сокращению вооруженных сил развивалась в такое время, когда угроза безопасности Соединенных Штатов явно возрастала.

В 1956—1957 годах в ходе все более разгоравшихся дебатов вокруг вопросов национальной безопасности представители государственного департамента занимали весьма странную позицию невмешательства. Казалось, они смотрят на трения внутри Пентагона, как на «пожар по ту сторону реки», как говорят японцы. Впрочем, при обсуждении бюджета на 1959 год государственный секретарь Джон Фостер Даллес впервые выступил с открытым заявлением, свидетельствующим об утрате веры в политику массированного ответного удара, с которой было тесно связано его собственное имя. В журнале «Форин Эфферс» за октябрь 1957 года, в статье, озаглавленной «Вызов и ответ в политике Соединенных Штатов», Даллес сделал следующее многозначительное заявление:

В течение последующих лет военная стратегия союзных стран свободного мира в значительной степени основывалась на нашей высокой способности к нанесению ответного удара в случае, если Советский Союз начнет агрессивную войну. Общеизвестно, что эта «стратегия устрашения» внесла в то время решающий вклад в дело обеспечения безопасности свободного мира...

Однако Соединенные Штаты не может удовлетворить мир, который держится только на возможности уничтожения значительной части человечества. Такая концепция приемлема лишь как крайняя альтернатива. В последние годы другой альтернативы не было. Но благодаря изобретательности тех, кто служит нашей стране на поприще науки и военной техники, теперь появилась возможность изменить характер ядерного оружия. Теперь, по-видимому, применение этого оружия не обязательно должно повлечь за собой колоссальные разрушения и причинить вред огромному количеству людей. Последние испытания указывают на возможность создания ядерного оружия, разрушительное и радиоактивное действие которого может быть существенно ограничено заранее намеченными объектами.

Следовательно, в будущем можно будет в меньшей степени полагаться на устрашающее действие ответного удара огромной мощи. Появится возможность оборонять страны ядерным оружием настолько мобильным и таким образом размещенным, что вооруженное вторжение обычными силами станет рискованным мероприятием. Например, местность часто позволяет контролировать пути вторжения посредством ядерной артиллерии. Итак, в отличие от 50-х годов к началу 60-х годов страны, граничащие с Китаем и Советским Союзом, будут, возможно, обладать эффективными сред-

ствами обороны против нападения крупного масштаба с применением обычных видов вооружения и тем самым поставят любого агрессора перед выбором между поражением и развязыванием ядерной войны. Тогда роли могут измениться. Вместо неагрессивных стран, вынужденных полагаться для своей защиты на мощь всеобщего ядерного ответного удара, потенциальные агрессоры сами будут вынуждены считаться с последствиями развязывания ядерной войны, будучи не в состоянии рассчитывать на успех агрессии с применением обычного оружия.

Эти слова вселяли глубокую надежду, что со временем будет найдено решение, которое позволит ослабить зависимость от массированного ответного удара. Такая надежда, по мнению Даллеса, заключалась в развитии ядерного оружия малой мощности, которое армия стремилась создать в течение ряда лет. Весной 1958 года Даллес вновь поднял этот вопрос на совещании с министром обороны и начальниками штабов. Большинство руководящих должностных лиц министерства обороны пытались убедить его в том, что наши силы, предназначенные для ведения ограниченных войн, в общем достаточны, и наша военная программа не нуждается в решительном пересмотре. Многие находили неприемлемой идею локальной обороны территории стран, входящих в НАТО, поскольку она противоречила догмату о невозможности ограниченных войн в этой зоне. Я воспользовался заинтересованностью Даллеса в этом вопросе, чтобы вновь подчеркнуть необходимость форсирования программ развития ядерного оружия малой мощности, способного укрепить систему локальной обороны, которую он надеялся осуществить.

На основе этих совещаний с Даллесом началось очередное ежегодное обсуждение директивы «Основная политика в области национальной безопасности» на 1958 год. Поскольку обсуждение началось в такой момент, когда государственный секретарь выражал сомнения в целесообразности стратегии массированного ответного удара и когда стало появляться все больше статей и выступлений журналистов, содержащих критику этой стратегии, предстоящие дебаты обещали сыграть особенно важную роль в формировании стратегии США. Как и в предыдущие годы, дискуссия не привела к какому-то определенному решению, тем не менее она имела чрезвычайно важное значение для творцов военной политики.

В ходе пересмотра военной политики весной 1958 года становилось ясно, что в комитете начальников штабов произойдет серьезный раскол по этому вопросу. Армия, поддержанная на этот раз военно-морскими силами и морской пехотой, считала, что прежние формулировки основной военной политики не отвечали требованиям взаимного сдерживания и поощряли чрезмерный упор на ядерное оружие, особенно на оружие большой мощности, в ущерб способности всех видов вооруженных сил вести войну обычными средствами.

Командование военно-морских сил давно уже приближалось к позиции армии, но, будучи кровно заинтересовано в стратегии массированного ответного удара, не решалось поддержать концепцию ограниченной войны, хотя было склонно признать ее в принципе. С одной стороны, представители военно-морских сил понимали, какие возможности заключены в подводных лодках с атомным двигателем и с запускаемыми из подводного положения управляемыми снарядами, и предвидели новую роль флота в качестве главного элемента ядерных сил возмездия. Но, с другой стороны, они претендовали на известную роль и в выполнении задач ограниченной войны — роль, которую надеялись расширить. Каковы бы ни были причины, но к весне 1958 года военно-морские силы и морская пехота были готовы присоединиться к предлагаемым армией изменениям, которые принимали бы во внимание значение ядерного паритета, установили бы предельные размеры ядерных сил возмездия и вообще способствовали бы созданию гибкой стратегии для отражения ограниченной агрессии. Новая позиция признавала необходимость обладать способностью вести ограниченные войны как с применением, так и без применения ядерного оружия.

Командование военно-воздушных сил никак не разделяло эти взгляды. Оно отвергало мысль об относительном ядерном паритете и о взаимном сдерживании. Некоторые из представителей ВВС заходили так далеко, что обвиняли сторонников новой концепции в измене национальным интересам на том основании, что те признавали возможность взаимного сдерживания. Разговоры о взаимном сдерживании, говорили они, вселяют сомнения в готовности США применять ядерное оружие, находящееся

в арсенале страны, и внушают нашим союзникам опасения, что мы не будем готовы их поддержать. Рост советской ядерной мощи несколько не менял для этих людей положение вещей; он лишь подчеркивал необходимость иметь больше ядерного оружия и больше средств его доставки, чтобы прочно удерживать свое превосходство над русскими.

Таковы были противоречия во взглядах членов комитета начальников штабов, когда в 1958 году начался пересмотр политики в области обеспечения безопасности. В прениях по этому вопросу представители армии, флота и морской пехоты излагали указанную выше точку зрения, подчеркивая, что Соединенные Штаты должны признать значение взаимного сдерживания, подготовиться к ведению ограниченной войны с применением или без применения ядерного оружия и обеспечить себя ядерным оружием самой различной мощности. Они предлагали установить разумные критерии для определения необходимых размеров ядерных сил возмездия, а также сил континентальной противовоздушной обороны. Они рекомендовали изъять из определения ограниченной войны указание на то, что такие войны возможны лишь в «малоразвитых районах» (т. е. вне Европы). Наконец, они требовали признать, что Соединенные Штаты должны быть готовы ставить ограниченные цели военных действий всякий раз, когда это служит их интересам. Массированное возмездие может являться ответом на все случаи жизни, а возможно, что оно не может служить ответом ни в одном из случаев.

Расколом в комитете начальников штабов занялся сначала министр обороны, а потом и совет национальной безопасности. Выступая перед советом в качестве представителя армии, военно-морских сил и морской пехоты, я выразил наше общее мнение, указав, что мы придаем большое значение ежегодному пересмотру «Основной политики в области национальной безопасности». В течение прошлого года было достаточно свидетельств ухудшения нашей позиции силы на международной арене по отношению к позиции советского блока, чтобы убедить нас в необходимости полной переоценки нашей военной стратегии.

Едва ли требовалось приводить подробные данные об изменении международного положения, которое настойчиво требовало новой формулировки национальной политики. Происходившие в мире события подтверждали упрямые факты роста советской мощи, продолжающегося расширения советской сферы влияния и ослабления наших западных союзов. Эта тенденция нашла выражение в успехах коммунистов на Среднем Востоке, где они одним прыжком преодолели оплот нашей взаимной безопасности — Багдадский пакт¹; в Индонезии, где, по-видимому, происходит почти то же самое позади нашего заслона — СЕАТО²; в Северной Африке, где им удалось развить аналогичный успех в обход южного фланга НАТО. Эти события сопровождались утратой нашего неоспоримого превосходства в области ядерного оружия.

Я напомнил совету недавние высказывания государственного секретаря, который указывал, что односторонняя ориентация на военную политику, основанную главным образом на массивном ответном ударе, не оправдывает себя. Он отметил необходимость пересмотра нашей военной стратегии с целью придания ей большей гибкости. Чтобы осуществить такой пересмотр, комитету начальников штабов нужна ясная политическая директива. Получив ее, комитет сможет затем внести соответствующие изменения в стратегическую концепцию, на основе которой строятся наши вооруженные силы. Такой директивой должен послужить рассматриваемый в настоящее время

¹ В феврале 1955 года в Багдаде между Турцией и тогдашним правительством Ирака был заключен так называемый Багдадский пакт. Впоследствии к этому пакту присоединились Англия, Пакистан и Иран. США, хотя формально не присоединились к этому договору, фактически вместе с Англией являлись его организаторами и вдохновителями. Основной целью этой агрессивной группировки было создание в этом районе военно-стратегического плацдарма для подготовки войны против Советского Союза и объединение реакционных сил для борьбы с национально-освободительным движением народов стран Ближнего и Среднего Востока. Автор говорит о событиях в Ираке в 1958 году, которые нанесли сокрушительный удар по этому блоку. Новое иракское правительство порвало все связи с этим агрессивным блоком, центр его переместился теперь в Анкару. — *Прим. ред.*

² СЕАТО — агрессивный военный блок в Юго-Восточной Азии в составе восьми стран: США, Англии, Франции, Филиппин, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда и Пакистана. Основное острие этого блока направлено против СССР и КНР. — *Прим. ред.*

документ «Основная политика в области национальной безопасности».

Главная проблема, с моей точки зрения, заключалась в приспособлении нашей стратегии к требованиям обеспечения существования США в период взаимного сдерживания. Можно предположить, что Соединенные Штаты и СССР будут все больше воздерживаться от преднамеренного развязывания всеобщей ядерной войны, если только не будет прямо поставлено на карту существование нации. В условиях ядерного паритета, когда обе стороны обладают способностью к взаимному уничтожению, стратегия массированного ядерного ответного удара может служить лишь средством устрашения для предотвращения тотальной ядерной войны или репрессалии в случае, если такая война начнется. Этот факт стал совершенно очевидным, и трудно себе представить чтобы Советы или наши союзники верили в возможность использования нами своих сил возмездия для каких-либо иных целей, кроме сохранения нации.

Я особо подчеркнул необходимость помнить об отношении наших союзников к стратегии массированного ответного удара. Я считал, что и в странах НАТО, и в малых странах растет убеждение в том, что военная мощь США становится все менее гибкой. Наша все возрастающая зависимость от ядерного оружия и ядерного ответного удара как основы нашей военной мощи наталкивает наших союзников на мысль, что мы в скором времени сможем противодействовать коммунистической политике силы только двумя различными способами — либо всеобщим применением ядерной мощи, либо уклонением от вызова. В период взаимного сдерживания недостаточная гибкость военной мощи не обеспечивает необходимой поддержки нашей политической стратегии. Наши союзники законно сомневаются в том, что мы пойдем на самоубийственный риск неограниченного ядерного ответного удара ради противодействия ограниченным военным угрозам.

Я напомнил присутствующим, что мои доводы нельзя рассматривать как призыв ослабить наше внимание к содержанию мощных ядерных сил возмездия. Наоборот, они предполагают необходимость постоянной модернизации и защиты этих сил как сдерживающего противника заслона, под прикрытием которого нам приходится постоянно жить. Но усовершенствованные средства до-

Ставки и более мощные ядерные головки позволяют сократить размеры этих сил, не уменьшая их способности служить средством устрашения противника.

Поскольку стратегия массированного ответного удара утратила свою действенность и сохранила значение только как средство предотвращения всеобщей войны, возникла необходимость усилить внимание военным приготовлениям, обеспечивающим успешные действия во всех иных ситуациях, кроме всеобщей войны. В условиях взаимного сдерживания необходимо дать новое определение ограниченной войны, как вооруженного конфликта, в котором существование Соединенных Штатов как нации не находится под непосредственной угрозой. Это новое определение признавало бы возможность вооруженных конфликтов в таких местах, как зона НАТО, что исключалось прежним определением. Необходимо также произвести переоценку требований ограниченной войны. Эти требования должны предусматривать не значительное увеличение вооруженных сил, предназначенных для ведения ограниченных войн, а модернизацию этих сил, улучшение планирования на случай таких ситуаций, обеспечение стратегической мобильности и сосредоточение всеобщего внимания на ограниченной войне, подобно тому как мы уделяем его сейчас всеобщей войне. Важно, утверждал я, наглядно показать нашим союзникам, что мы готовы немедленно и решительно ответить на любой вызов, не означающий всеобщей войны, и рассеять создавшееся у них впечатление, что если мы и намерены нанести противнику ответный удар, то лишь посредством тяжелого ядерного оружия.

Я указал на большие возможности, которые открывает ядерное оружие очень малой мощности в подготовке наших вооруженных сил к ведению ограниченных войн. До тех пор пока это оружие не станет доступным в больших количествах, мы должны будем рассчитывать на существующее тактическое ядерное оружие, постоянно памятуя о том, что во многих случаях мы вовсе не пожелаем применять его в ограниченной войне.

В обстановке взаимного сдерживания было бы логично ожидать расширения активных действий со стороны советского блока. Мы уже видели проявления растущей агрессивности со времени запуска спутника и связанных с ним успехов в развитии управляемых снаря-

дов¹. По всей вероятности, нам пришлось бы встретиться с решением все более трудных вопросов, а поэтому тем более важно иметь в своем распоряжении широкий выбор средств для ответных действий при определении нашей линии поведения в будущем.

Я закончил свое выступление, заявив, что основным вопросом является требование изменения ориентации нашей военной стратегии в соответствии с изменившимися условиями, вытекающими из взаимного сдерживания. В сложившейся обстановке наши ядерные средства устрашения должны играть роль щита, под прикрытием которого мы должны жить день за днем в условиях советской угрозы. Этот щит обеспечит нам прикрытия, однако его нельзя рассматривать как средство маневра. Отныне мы должны ориентироваться главным образом на так называемые силы ограниченной войны, как на активный элемент нашей военной стратегии. Такое изменение стратегии не предусматривает большого расширения вооруженных сил или увеличения расходуемых средств. Оно, скорее, означает перемещение центра тяжести, которое должно привести к созданию правильно сбалансированной системы сил устрашения.

Большинство мыслей, содержащихся в моем выступлении, не были новыми; исключение составляло лишь положение о том, что в будущих военных действиях активная роль предназначалась силам ограниченной войны, а пассивная — ядерным силам возмездия. Существовала концепция, согласно которой сухопутные силы в Европе и на Дальнем Востоке образуют щит, под прикрытием которого США могли бы наносить опустошительные удары своим атомным мечом. Я предлагал изменить ее. Ядерные силы возмездия становятся щитом, отвращающим угрозу вражеского ядерного нападения, а силы ограниченной войны превращаются в подвижный меч, которым мы парируем удары, делаем ответные выпады и

¹ Несмотря на явное превосходство ракетной техники, Советский Союз неоднократно демонстрировал искреннее стремление к миру, настаивая на всеобщем и полном разоружении, на уничтожении всех запасов ядерного оружия и средств доставки его до цели. Милитаристские круги США, наоборот, всеми мерами стремятся помешать укреплению мира во всем мире, выступая против советских предложений о мире и активизируя подготовку к новой мировой войне. — *Прим. ред.*

поражаем противника. А потому качествам этого меча придается новое, более важное значение.

Когда я закончил свое заявление, генералы Туайнинг и Уайт¹ изложили точку зрения военно-воздушных сил, заключающуюся в сохранении без изменений прошлогодней директивы «Основная политика в области национальной безопасности», а следовательно, и сохранения статус-кво в части, касающейся нашей военной стратегии. За столом совещания возникла оживленная дискуссия, но, к моему разочарованию, государственный секретарь Даллес и его советники не оказали той твердой поддержки новой стратегии, на какую я рассчитывал. Совещание закончилось, и хотя не было объявлено никакого решения, наше дело фактически было пока что проиграно. Вскоре после этого совещания министр обороны Макэлрой направил всем видам вооруженных сил меморандум, где заявил, что в международной обстановке не произошло таких изменений, которые оправдывали бы необходимость существенного пересмотра текста «Основной политики в области национальной безопасности». Отсюда вытекало решение сохранить старую формулировку директивы для разработки бюджета на 1960 год, продолжая пересмотр тех пунктов ее, по которым существовали противоречивые точки зрения. Практическим результатом этого решения была полученная министерством обороны санкция на разработку нового бюджета теми же методами и тем же порядком, что и прежде. В результате борьба за приведение основной политики правительства в области обеспечения безопасности в соответствие с явно изменившимися условиями международного положения была отложена до 1959 года. В момент, когда пишутся эти строки, эта задача все еще ждет своего разрешения².

При таких мало обнадеживающих для сторонников изменения национальной стратегии перспективах в середине лета 1958 года началась разработка бюджета на

¹ Туайнинг, Натан (1897) — бывший начальник штаба военно-воздушных сил США; с 1957 по 1960 г. — председатель комитета начальников штабов. С 1 октября 1960 года вышел в отставку. Уайт, Томас (1901) — начальник штаба ВВС США. — *Прим. ред.*

² Книга вышла в США в начале 1960 г. — *Прим. ред.*

1960 год, которая продолжалась до поздней осени. Общая директива, данная министерством обороны, ограничивала вооруженные силы больше чем когда бы то ни было за весь период «нового курса». Фактически эта директива предусматривала сохранение общих расходов по военному бюджету примерно на том же уровне, что и в 1959 году, и такое же процентное распределение средств между отдельными видами вооруженных сил. С 1955 по 1959 финансовый год средства распределялись следующим образом: около 46 процентов — военно-воздушным силам, около 28 процентов — военно-морским силам и морской пехоте и примерно 23 процента — армии; остальная часть бюджета поступала в непосредственное распоряжение министерства обороны. Что касается важнейшей части ассигнований, предназначенной для закупки нового вооружения и определяющей уровень модернизации, то военно-воздушные силы за этот период систематически получали около 60 процентов отпускаемых средств, военно-морские силы и морская пехота — около 30 процентов и армия — около 10 процентов.

Прения по бюджету продолжались в течение лета и осени под аккомпанемент китайских орудий, обстреливавших прибрежные острова в Тайваньском проливе. Новое свидетельство готовности коммунистов обратиться к методам ограниченной войны не оказало влияния на решение вопроса. Наконец, в декабре проект бюджета был передан в совет национальной безопасности без существенных изменений в застывшей форме предыдущих лет. Единственным оправданием такой длительной неизменности бюджета могла бы служить лишь относительная стабильность международной обстановки начиная с 1954 года. Но так ли было на самом деле?

Численность вооруженных сил также сохранялась на уровне конца 1959 года. Таким образом, армии были отпущены средства для содержания 870 тысяч человек, военно-морским силам — 630 тысяч, морской пехоте — 175 тысяч и военно-воздушным силам — 845 тысяч человек. Несмотря на то что конгресс в 1959 году утвердил численность резервных контингентов армии в 700 тысяч человек, министерство обороны дало указания при подготовке бюджета исходить из цифры в 630 тысяч человек, то есть на 10 процентов меньше.

При таких условиях подготовка военного бюджета вскоре натолкнулась на серьезные трудности. Все виды вооруженных сил, особенно военно-воздушные и военно-морские силы, связали себя долгосрочными дорогостоящими программами производства тяжелого вооружения, такого, как межконтинентальные баллистические снаряды «Атлас» и «Титан»¹, баллистические снаряды средней дальности «Тор» и «Юпитер», управляемый снаряд «Полярис»², предназначенный для подводных лодок, и управляемый снаряд класса «земля — воздух» «Бомарк»³. Осуществление программы дальнего обнаружения требовало значительно больших расходов, чем ожидалось ранее. У армии тоже была новая программа, требующая увеличение ассигнований, — противоракетная система «Найк-Зевс»⁴. Таким образом, чтобы не выходить за пределы ассигнований предыдущих бюджетов, требовалось отменить или урезать многие из этих широких программ. В конце концов, наиболее значительному сокращению подверглись программы баллистических снарядов средней дальности и программа «Найк-Зевс».

Решение приостановить реализацию программы противоракетных систем «Найк-Зевс» в то время было особенно достойно сожаления. Армия уже давно, со времен окончания второй мировой войны, предвидела необходимость оборонительного оружия против управляемых сна-

¹ Межконтинентальный снаряд «Атлас» с дальностью стрельбы 8—10 тыс. км в настоящее время находится на вооружении ВВС США. Межконтинентальный баллистический снаряд «Титан» продолжает проходить испытания. Предполагается, что в ближайшее время испытания будут завершены и он также поступит на вооружение ВВС США. — *Прим. ред.*

² Снаряды «Тор» и «Юпитер» находятся на вооружении ВВС США, их дальность действия 2500 км. Снаряд «Полярис» находится на вооружении ВМС и предназначен для использования с атомных подводных лодок — ракетносцев. Дальность стрельбы снаряда «Полярис» также составляет около 2500 км, но в отличие от снарядов «Тор» и «Юпитер» его двигатели работают на твердом топливе. — *Прим. ред.*

³ Беспилотный перехватчик, обладающий скоростью 2400 км в час и потолком 20 тыс. м, предназначен для перехвата на больших дальностях бомбардировщиков и самолетов-снарядов, летящих на средних и больших высотах. Дальность действий 320—400 км. — *Прим. ред.*

⁴ Снаряд, предназначенный для перехвата и уничтожения баллистических ракет на значительном удалении от цели. Проектная дальность 320 км. — *Прим. ред.*

рядов и в 1955 году предприняла серьезные работы в этой области. К тому времени наша ракетная промышленность уже имела опыт разработки и производства зенитных управляемых снарядов «Найк-Аякс» и «Найк-Геркулес»¹ и была готова приступить к новой, более трудной задаче уничтожения баллистических снарядов на траектории. При наличии богатого опыта эта задача казалась не более трудной, чем перехват пилотируемых бомбардировщиков в первые дни развития управляемых снарядов. Конструкторов подгоняло сознание настоятельной необходимости вовремя обеспечить оборону против нового грозного наступательного оружия. Необходимость такой обороны была особенно очевидна в свете политики США, отрицавшей превентивную ядерную войну, что требовало от нас способности принять на себя первый удар противника и все же выжить.

В то же время было ясно, что главные усилия СССР направлены на развитие управляемых снарядов дальнего действия, а не на создание мощной дальней бомбардировочной авиации, как полагали в свое время представители военно-воздушных сил. Имелись данные о том, что эти усилия увенчались значительными успехами и что СССР в области управляемых снарядов дальнего действия достиг, вероятно, больших результатов, чем Соединенные Штаты. Таким образом, трудно было оспаривать довод о необходимости ускоренной программы развития противоракетных систем в Соединенных Штатах, и руководители армии с полным основанием настаивали на осуществлении такой программы.

Однако ни министерство обороны, ни представители других видов вооруженных сил не проявляли особого энтузиазма к программе «Найк-Зевс». Министерство предвидело серьезные бюджетные затруднения, связанные с выделением необходимых средств для развертывания производства еще одной дорогостоящей системы вооружения. Другие виды вооруженных сил смотрели на

¹ «Найк-Аякс» — первый снаряд класса «земля — воздух», принятый на вооружение армии, а также частей ПВО США. Горизонтальная дальность его 27 км, досягаемость по высоте — 18—20 км. В настоящее время производство этих снарядов прекращено.

Зенитный снаряд «Найк-Геркулес» является модификацией снаряда «Найк-Аякс». Его максимальная наклонная дальность 160 км и досягаемость по высоте 30 км. — *Прим. ред.*

«Найк-Зевс» как на конкурента в борьбе за распределение ассигнований на оборону, которых и так будет недостаточно в 1960 и в последующие годы. В результате представители всех видов вооруженных сил в комитете начальников штабов, кроме армии, рекомендовали ограничить ассигнования на программу «Найк-Зевс» потребностями одной лишь научно-исследовательской работы. Я настаивал на необходимости включить в бюджет 1960 года ассигнования на производство этих систем, с тем чтобы можно было заблаговременно приобрести компоненты, играющие важную роль для последующего развития программы.

Одно обстоятельство мешало министру обороны Макэлрою принять рекомендацию большинства комитета начальников штабов, хотя в основном он относился к ней благосклонно. Дело в том, что еще раньше он назначил научную комиссию из представителей своего же ведомства во главе с доктором Гектором Скифтером, которой поручил представить рекомендации относительно масштабов развития программы «Найк-Зевс» в 1960 году. Эта комиссия поддержала точку зрения армии и рекомендовала ассигновать 708 миллионов долларов на производство ограниченного количества оборудования для систем «Зевс». Тем не менее министр, в конце концов, принял решение воздержаться от производственных ассигнований на систему «Зевс» по бюджету 1960 года и ограничил ее развитие лишь продолжением научно-исследовательской работы. Это решение означало задержку, по крайней мере, еще на один год поступления на вооружение этого единственного в своем роде оружия, столь необходимого для предотвращения ядерного нападения и для спасения страны в случае, если избежать нападения не удастся.

Комитет начальников штабов не принимал участия в разработке бюджета на 1960 год, как, впрочем, и на предшествующие годы. Это обстоятельство часто вызывало недоумение конгресса, который всегда рассчитывает на компетентный совет начальников штабов по вопросу о бюджете. Но министр обороны никогда не предоставлял комитету в целом четко определенной роли в разработке бюджета. Это объясняется отчасти честными сомнениями относительно того, до какой степени следует вовлекать начальников штабов в финансовые дела, а

отчасти сознанием того, что они будут требовать невозможного. Мы проявили эту последнюю тенденцию еще в июне 1958 года, когда представили Макэлрою расчет численности вооруженных сил на 1962 год, который требовал расхода около 48 миллиардов долларов. Эта цифра была настолько далека от финансовых возможностей, как их представлял себе министр, что он не принял во внимание расчеты начальников штабов при подготовке директивы по составлению бюджета.

Поскольку среди начальников штабов не было единства, общий военный бюджет был составлен обычным порядком: каждый вид вооруженных сил разработал свой бюджет вне всякой связи с другими видами. Хотя министр обороны провел немало серьезных совещаний с министрами отдельных видов вооруженных сил и их начальниками штабов по вопросу о потребностях того или иного вида вооруженных сил, но, насколько мне известно, ни разу бюджеты трех видов вооруженных сил не были сопоставлены, ни разу не была сделана оценка боевых возможностей совокупных вооруженных сил, обеспечиваемых бюджетом. Так называемый «вертикальный» (в отличие от «горизонтального») подход к составлению бюджета страдает многими недостатками и в значительной мере является причиной нашей неспособности составить такой бюджет, в котором главные финансовые ассигнования отвечали бы первоочередным военным требованиям. Не будет преувеличением сказать, что никому не известно, что мы фактически приобретаем по данному конкретному бюджету. Бюджетная проблема будет подробно рассмотрена ниже.

Разработка бюджета подходила к концу, и министр обороны Макэлрой явно ощущал необходимость получить известное одобрение со стороны комитета начальников штабов прежде, чем представить бюджет конгрессу. 3 декабря 1958 года начальники штабов и министры отдельных видов вооруженных сил были приглашены на холостяцкий обед в Белый дом. Среди гостей президента были вице-президент Никсон, министр финансов Роберт Андерсон, начальник бюджетного управления Морис Стэнз, Гордон Грей и министр обороны Нейл Макэлрой. Нам, начальникам штабов, дали понять, что цель этого собрания состояла в том, чтобы дать нам возможность обсудить вопросы нового бюджета с прези-

дентом. Однако совещание приняло совсем другой оборот.

После отличного обеда в главной столовой президент проводил своих гостей в библиотеку поговорить за чашкой кофе. Мы не поднимали конкретных вопросов бюджета. Беседа, скорее, свелась к обсуждению общего экономического положения, проблем, стоящих перед казначейством, и необходимости большей слаженности начальников штабов в вопросах, связанных с бюджетом. Министр финансов Андерсон весьма разумно отметил важность сбалансированного бюджета и устойчивого доллара. Несколько высших чиновников увещевали начальников штабов придавать больше веса экономическим факторам и принять на себя совокупную ответственность за военный бюджет в том виде, в каком он должен был быть в самое ближайшее время представлен конгрессу. После такой своеобразной «накачки» начальникам штабов была дана возможность отвечать.

Когда пришла моя очередь, я не стал оспаривать общую предельную сумму военного бюджета, но выразил мнение, что намеченное в пределах этой суммы распределение ассигнований не обеспечивает наиболее эффективной обороны. Все упиралось в старый вопрос о фиксированном процентном распределении ассигнований между видами вооруженных сил, остающийся неизменным из года в год. Я вновь отстаивал свою точку зрения о том, что быстрое развитие техники, появление новых систем вооружения и меняющийся характер коммунистической угрозы требуют совершенно новой оценки наших военных требований и соответствующих им расходов. Никто из присутствующих открыто не возражал против этих взглядов, но последующие события показали, что мои доводы не возымели действия. В конце концов, бюджет 1960 года был составлен по тому же образцу, что и предыдущие бюджеты.

Вслед за встречей в Белом доме министр обороны Макэлрой впервые направил проект военного бюджета комитету начальников штабов с просьбой дать свои замечания, особенно по вопросу о возможности дальнейшего сокращения ассигнований. Поскольку начальники штабов не сумели вовремя дать согласованный ответ, 6 декабря бюджет был представлен на заседание совета национальной безопасности. Его одобрил лишь генерал

Туайнинг, председатель комитета начальников штабов, который заявил, что бюджет обеспечивает выполнение разумной программы обороны страны на рассматриваемый период.

Немедленно вслед за этим Макэлрой возобновил нажим на комитет начальников штабов, требуя от него одобрения бюджета. После длительных споров мы, наконец, приняли согласованный текст следующего заявления:

МЕМОРАНДУМ МИНИСТРУ ОБОРОНЫ

СОДЕРЖАНИЕ: Позиция комитета начальников штабов по вопросу о бюджете на 1960 финансовый год.

Комитет начальников штабов считает, что предлагаемые бюджетом на 1960 финансовый год расходы в сумме 40 945 миллионов долларов достаточны для осуществления важнейших программ, необходимых для обороны страны на рассматриваемый период. Он не находит серьезных пробелов в основных элементах бюджета в его настоящем виде, но все начальники штабов имеют оговорки, связанные с ассигнованием средств по некоторым пунктам программ ответственных видов вооруженных сил.

Н. Ф. ТУАЙНИНГ,

председатель комитета начальников штабов

МАКСУЭЛЛ Д. ТЕЙЛОР,

начальник штаба армии

ТОМАС У. УАЙТ,

начальник штаба военно-воздушных сил

АРЛИ БЭРК,

начальник штаба военно-морских сил

Р. М. ПЕЙТ,

командующий морской пехотой

Хотя этот документ, в сущности, означал довольно холодную поддержку бюджета, министр обороны предпочел его рассекретить (комитет присвоил ему гриф «секретно») и представить конгрессу, где меморандум вскоре встал открытым документом. Но это решение оказалось бумерангом, ибо при внимательном чтении документа становилось ясно, что начальники штабов вовсе не поддерживают бюджет 1960 года в его конкретной форме, а лишь заявляют, что общая сумма расходов будет достаточной при условии использования ассигнований примерно так, как каждый из них считает целесооб-

разным. Признавая, что в бюджете получили какое-то отражение все важные вопросы, они указывали на имеющиеся у них оговорки относительно недостаточных ассигнований по некоторым программам. Поскольку в меморандуме эти оговорки не были уточнены, в конгрессе вскоре посыпались вопросы относительно их объема и характера.

Подкомиссия по исследованию вопросов оборонной готовности, возглавляемая сенатором Джонсоном, обрушилась на меморандум начальников штабов и вызвала нас пред свои очи с тем, чтобы мы под присягой открыто изложили наши взгляды на бюджет, а затем сделали письменные заявления, подробно разъясняющие оговорки к нему. Несмотря на вполне понятное желание избежать открытой критики со стороны наших гражданских контролеров, нам вскоре пришлось раскрыть все свои соображения о бюджете. Обратив внимание на наше заявление о том, что общая сумма бюджета достаточна, но бюджеты отдельных видов вооруженных сил значительно ниже наших требований, один сенатор сухо заметил, что не может понять, каким образом три недостаточные величины в сумме составляют достаточную величину. Замечание сенатора было вполне логичным, и тем не менее имелась возможность за счет излишних затрат на отдельные виды вооруженных сил увеличить расходы на другие силы, не меняя, таким образом, общей суммы бюджета.

Члены подкомиссии знали, что я убежден в необходимости модернизации армии и других мер по укреплению сил ограниченной войны и что меня тревожит постоянное пренебрежение интересами армии. Они не стали тратить лишнее время на вопросы и попросили меня изложить свои взгляды на бюджет в письменной форме. В результате я представил следующую памятную записку.

**ЗАЯВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА АРМИИ США
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЕНАТСКОЙ ПОДКОМИССИИ
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ВОПРОСОВ ОБОРОННОЙ ГОТОВНОСТИ**

В январе 1959 года комитет начальников штабов представил министру обороны меморандум «Позиция комитета начальников штабов по вопросу о бюджете на 1960 финансовый год». Нижеследующее заявление разъясняет мою позицию, как того требовал председатель сенатской подкомиссии по исследованию вопросов обо-

ронной готовности, в связи с упомянутыми в меморандуме от 19 января оговорками, касающимися некоторых программ армии.

Оговорки, которые я имел в виду, относятся прежде всего к четырем армейским программам, а именно: 1) модернизация армии, 2) программа противоракетных систем («Найк-Зевс»), 3) численность личного состава регулярной армии и резерва и 4) программа армейских управляемых снарядов класса «земля — воздух».

Модернизация.

Программа модернизации армии имеет целью как модернизацию наличного военного имущества, так и постепенное увеличение его количества для удовлетворения боевых и учебных потребностей, рассчитанных на первые месяцы мобилизации и войны. Первым шагом в этой области должно быть изыскание средств для возмещения средней ежегодной убыли военного имущества вследствие потребления, износа и устаревания. Как показывает опыт, потребность в ежегодном возмещении убыли по этим причинам составляет около десяти процентов наличного имущества. Поскольку общая стоимость военного имущества армии составляет около 14 миллиардов долларов, для ежегодного возмещения потребуется около 1,4 миллиарда долларов.

Вторым требованием является постепенное увеличение стоимости военного имущества с 14 миллиардов до 20 миллиардов долларов. Наша система снабжения должна обладать таким количеством имущества для обеспечения первоначальных потребностей мобилизации и ведения боевых действий. Этот уровень составляет нашу цель в обеспечении армии материальной частью, которой мы стремимся достигнуть в течение пятилетнего периода. Таким образом, в дополнение к 1,4 миллиарда долларов для возмещения убыли армия добивается еще 1,2 миллиарда долларов, предназначенных для ежегодного прироста количества материальной части по пятилетнему плану в соответствии с упомянутой выше целью, и около 200 миллионов долларов для промышленной мобилизации и перевозок. Поэтому для выполнения этой поэтапной программы полного обеспечения армии современным вооружением требуется в течение пятилетнего периода отпускать на приобретение вооружения по 2,8 миллиарда долларов в год (не считая системы «Найк-Зевс»). Вместо требующихся 2,8 миллиарда бюджет на 1960 финансовый год позволит израсходовать лишь 1,19 миллиарда долларов на приобретение вооружения и 176 миллионов долларов на промышленную мобилизацию и перевозки. Сумма в 1,19 миллиарда долларов почти на 200 миллионов меньше суммы, необходимой для возмещения ежегодной убыли военного имущества вследствие потребления, износа и устаревания, и не оставляет ничего для увеличения стоимости нашего военного имущества с 14 до 20 миллиардов долларов.

Моя оговорка в отношении этой программы порождена беспокойством по поводу невозможности в рамках бюджета на 1960 финансовый год добиться желаемого прогресса в области модернизации современного вооружения армии и приобретения необходимого дополнительного количества материальной части.

Противоракетная система («Найк-Зевс»)

Бюджет на 1960 финансовый год обеспечивает достаточные ассигнования для продолжения оптимальным темпом научно-иссле-

довательских работ в области системы «Найк-Зевс». Это единственная разрабатываемая в настоящее время система, которая будет способна обеспечить оборону наших сил возмездия и наших жизненных центров против межконтинентальных и запускаемых с подводных лодок баллистических снарядов. Но для производства боевого оборудования и управляемых снарядов никаких средств не отпускается.

Моя оговорка в этой области проистекает из неотразимой угрозы межконтинентальных баллистических снарядов и моего убеждения в том, что необходимость в как можно более короткий срок добиться обладания этим уникальным противоракетным оружием перевешивает возможный финансовый риск, связанный с началом выборочного производства уже в настоящее время.

Численность личного состава

Во время разработки бюджетов как на 1959, так и на 1960 финансовый год я предлагал содержать регулярную армию численностью в 925 тысяч человек и в составе 15 дивизий и резерв, проходящий оплачиваемые учебные сборы, численностью в 700 тысяч человек. Бюджет на 1960 финансовый год предусматривает численность постоянной армии в 870 тысяч человек в составе 14 дивизий и оплачиваемый резерв в 630 тысяч человек.

Моя оговорка, касающаяся личного состава регулярной армии, основывается на донесениях высших армейских командиров за границей и в Соединенных Штатах и моих личных беседах с ними. Все они единодушно признают, что имеющегося в их распоряжении личного состава недостаточно для полного удовлетворения требований поставленных перед ними задач. Чтобы возместить недостаток американского персонала, армейские командиры в Европе и в Корее вынуждены включать большое количество иностранных поданных в состав боевых и обслуживающих частей, тем самым ставя армию в сильную зависимость от иностранного персонала, что может иметь серьезные последствия в критической обстановке.

Что касается сокращения численности оплачиваемого резерва, то меня тревожит отрицательное воздействие, которое окажет это решение на реорганизацию структуры Национальной гвардии¹, по поводу которой в настоящее время ведутся переговоры с губернаторами штатов, и на готовность многих частей Национальной гвардии и армейского резерва к выполнению мобилизационного плана в установленные сроки.

Управляемые снаряды класса «земля — воздух».

Требования армии в отношении количества частей управляемых снарядов класса «земля — воздух» для противовоздушной обороны континента и заокеанских театров военных действий определены комитетом начальников штабов после рассмотрения рекомендаций командующего противовоздушной обороной континента и командующих объединенными командованиями. Средства, ассигнуемые по

¹ Национальная гвардия представляет собой милиционную армию, части которой расположены в каждом штате и находятся в распоряжении губернатора данного штата. Организована по принципу регулярной армии. — *Прим. ред.*

бюджету на 1960 финансовый год на армейские управляемые снаряды класса «земля — воздух», совершенно недостаточны для достижения целей, рекомендованных комитетом начальников штабов.

Моя оговорка в этой области заключается в том, что новый бюджет не обеспечивает достаточных мер для развития оружия противовоздушной обороны, которое в течение неопределенно долгого времени сохранит свое значение как средство борьбы против пилотируемых бомбардировщиков, летающих на больших и малых высотах, и против управляемых снарядов класса «воздух — земля».

Публичные показания начальников штабов перед подкомиссией Джонсона вместе с показаниями, данными на закрытых заседаниях других комиссий конгресса, впервые обнаружили всю глубину раскола внутри комитета начальников штабов и расхождения во взглядах членов комитета на концепцию массированного ответного удара и связанные с ней вопросы стратегии. Это открытие получило отклик по всей стране, оно глубоко встревожило многих членов конгресса, как и вообще всех мыслящих граждан. Справедливая тревога сыграла положительную роль, создав благоприятную обстановку для требования переоценки стратегических нужд, ставшей столь настоятельно необходимой. Дискуссия вокруг бюджета на 1960 год ясно показала, что министерство обороны намерено сохранить такую же застывшую структуру бюджета и на 1961 финансовый год. Не предстояло никаких изменений и в директиве «Основная политика в области национальной безопасности». Нарушить статус-кво могло только вступление на арену новых сил. Перемена атмосферы, охватившая всю страну, обещала затруднить дальнейшее сопротивление пересмотру стратегии и программ прошлого.

Стратегия массированного ответного удара в 1959 и 1960 годах зашла в тупик, пришло время принять неизбежные решения. Это требует от руководства США мужества и прозорливости.

Чтобы понять, в чем состоит проблема осуществления требуемого пересмотра стратегии, необходимо иметь представление о процессе разработки стратегии правительством в теории и на практике, и, в частности, о работе комитета начальников штабов.

ГЛАВА V

РАЗРАБОТКА ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Я не имею намерения дать в этой главе детальный анализ организации и деятельности учреждений, связанных с разработкой стратегии. Однако необходимо сделать краткое отступление, чтобы понять сильные и слабые стороны существующей системы.

Общая ответственность за утверждение и проведение в жизнь политики в области национальной безопасности возлагается на президента. Ему помогают два совещательных органа — совет национальной безопасности и комитет начальников штабов. Постоянными членами совета национальной безопасности являются: президент, вице-президент, государственный секретарь, министры обороны и финансов, начальник управления гражданской мобилизации для обороны и начальник бюджетного управления. Председатель комитета начальников штабов, присутствующий на заседаниях как лицо, входящее в ближайшее окружение министра обороны, обычно является единственным представителем вооруженных сил. Впрочем, когда обсуждаются вопросы, касающиеся вооруженных сил, на заседания обычно приглашаются министры армии, военно-морских и военно-воздушных сил и их начальники штабов.

Структура совета такова, что позволяет использовать обобщенные знания и опыт в политической, экономической, психологической и военной областях, необходимые для общего определения национальных целей и политики государства. Члены совета представляют свои рекомендации президенту, скорее, как лица, действующие от своего имени, чем как представители соответствующих

министерств и учреждений. Их опыт дает основания предполагать, что они будут добиваться ясных, достойных государственного деятеля решений проблем безопасности, а не искать лишь компромисса между ведомственными точками зрения.

Совет имеет два важных вспомогательных органа — плановый комитет и координационный комитет. Плановый комитет обычно готовит политические документы, которые выносятся на повестку для совета. После утверждения советом эти документы направляются в координационный комитет для согласования, дальнейшей разработки и проведения в жизнь тех аспектов утвержденных политических курсов и программ, которые касаются наших войск расположенных за границей.

Пожалуй, самой важной функцией, выполняемой советом национальной безопасности в течение года, является ежегодный пересмотр директивы «Основная политика в области национальной безопасности». Этот документ, упоминавшийся в предыдущих главах, дает общую политическую директиву всем правительственным учреждениям, связанным с национальной обороной. Пересмотр или изменение ориентации военной стратегии США находит выражение прежде всего в нем. Объем этого документа, несмотря на его чрезвычайно важный характер, обычно не превышает каких-нибудь двенадцати пяти страниц, написанных на машинке. Текст его часто переходит из года в год лишь с незначительными изменениями. Он содержит общий обзор целей национальной стратегии США и более детально рассматривает военные, внешнеполитические, экономические и внутриполитические факторы, обеспечивающие проведение общей национальной стратегии. Директива не включает расчета денежных средств, необходимых для осуществления рекомендованного политического курса и, таким образом, не имеет прямой связи с разработкой федерального бюджета.

Первый проект этого ежегодно пересматриваемого документа разрабатывается плановым комитетом без прямого участия военного ведомства. Впрочем, в ходе подготовки документа проект его направляется в министерство обороны, министерства отдельных видов вооруженных сил и в комитет начальников штабов. Таким образом, при подготовке директивы до представления ее

совету национальной безопасности учитываются точки зрения военных ведомств. Основные дебаты по вопросам военной стратегии, о которых говорилось в предшествующих главах, обычно разыгрываются во время окончательного обсуждения этого документа советом национальной безопасности. В окончательно утвержденном виде директива «Основная политика в области национальной безопасности» должна служить руководством для всех правительственных учреждений, разрабатывающих программы обеспечения безопасности, и обеспечить комитету начальников штабов твердую исходную базу для стратегического планирования.

К сожалению, фактически дело обстоит не так. Конечным продуктом описанных процедур до сих пор являлся документ, имеющий столь широкий характер и составленный в столь общих выражениях, что при практическом применении служил лишь ограниченным руководством. В ходе его разработки на заседаниях и при переговорах острые вопросы, касающиеся национальной обороны, смазываются. Окончательный текст допускает поэтому множество различных толкований. Поборники массивного ответного удара и приверженцы гибкого реагирования, сторонники развития воздушной мощи и сторонники ограниченной войны, равно как и представители других направлений военной мысли, могут найти в этом документе выражения, поддерживающие одновременно и их точку зрения, и противоположную. Документ «Основная политика в области национальной безопасности» означает все для всех и не решает ничего.

Для осуществления действенного управления в любой области необходимы разумные советы, ясные и своевременные решения и дополнительные указания о проведении этих решений в жизнь. Такие указания со стороны совета национальной безопасности часто бывают недостаточными. Хотя координационный комитет несет некоторую ответственность за разработку дополнительных директив, касающихся действий заокеанских группировок, он не дает указаний о проведении в жизнь «Основной политики в области национальной безопасности». В то время как министерство обороны периодически представляет донесения о ходе дел в совет национальной безопасности, совет никогда внимательно не рассматривает действительные условия и возможности наших

вооруженных сил в данный момент. Он не принимает во внимание характер и количество вооруженных сил, которые мы можем привлечь в случае, если нам придется выполнять свои обязательства в разных частях света. Ни один орган государственного аппарата не занимается сопоставлением военных возможностей с политическими обязательствами или наших наличных вооруженных сил с требованиями, вытекающими из принятой директивы «Основная политика в области национальной безопасности». Точно так же никто не занимается проверкой того, в какой степени федеральный бюджет обеспечивает в финансовом отношении требования директивы, касающиеся содержания вооруженных сил.

Обратимся теперь к другому учреждению, играющему важную роль в разработке стратегии, — к комитету начальников штабов. Он представляет собой корпоративный орган, которому законом определена роль военного советника министра обороны, совета национальной безопасности и президента. Практически взаимоотношения комитета начальников штабов с министром обороны носят характер подчинения. Начальники штабов имеют доступ к президенту обычно через министра и не имеют иной регулярной связи с советом национальной безопасности, кроме присутствия председателя комитета на заседаниях совета национальной безопасности.

Комитет начальников штабов в целом не осуществляет командных функций, а является чисто штабным и консультативным органом. В качестве штаба он занимает промежуточное положение между министром обороны, с одной стороны, и объединенными и специальными командованиями, действующими как на территории США, так и за границей, с другой¹. В помощь начальникам штабов создан объединенный штаб, выполняющий функции военного командного пункта, действующего круглосуточно. Объединенный штаб возглавляется начальником в чине генерал-лейтенанта и имеет в своем

¹ Объединенные командования: командование Аляски, атлантическое командование, европейское командование США, тихоокеанское командование и командование континентальной противовоздушной обороны.

Специальные командования: военно-морские силы США в восточной части Атлантического океана и на Средиземном море и командование стратегической авиацией. — *Прим. автора.*

составе около четырехсот офицеров, привлеченных из всех видов вооруженных сил.

Таково учреждение, призванное осуществлять руководство военными действиями под началом верховного главнокомандующего (президента) и министра обороны. В его штабной роли комитет начальников штабов выполняет функции, обычно возлагаемые на начальника штаба командующего вооруженными силами на театре военных действий. Его эффективность в этой роли никогда не подвергалась испытанию в горниле всеобщей войны, но многие компетентные военные специалисты убеждены, что в такой войне, какую можно ожидать в будущем, комитет никогда не сможет заменить единого начальника штаба. Таково и мое мнение.

На комитет начальников штабов как на консультативный орган возлагается, среди прочих задач, разработка стратегических планов и обеспечение общего военного руководства на длительный период, которым должны пользоваться военные ведомства при подготовке своих частных планов. Для разработки этих планов и обеспечения такого руководства необходимо, чтобы совет национальной безопасности дал комитету ясный тон. Иначе его музыка будет звучать не в той тональности, что общенациональная стратегия. Отсюда вытекает огромное значение такого документа, как «Основная политика в области национальной безопасности», для комитета начальников штабов.

Документ, разрабатываемый комитетом начальников штабов, который можно сравнить с документом совета национальной безопасности «Основная политика в области национальной безопасности», называется «Объединенный план стратегических целей». Задачей его является обеспечение планового руководства для развития вооруженных сил на четыре года вперед. Он содержит расчет потребности вооруженных сил для ведения холодной, ограниченной или всеобщей войны и включает определение численности вооруженных сил, их дислокации и применения в соответствии с требованиями военной стратегии, вытекающими из «Основной политики в области национальной безопасности». Этот документ служит также руководством для составления мобилизационных планов отдельных видов вооруженных сил и основой для ежегодного доклада министру обороны о

потребностях вооруженных сил, помогая ему в разработке указаний по составлению бюджета на очередной финансовый год. Таким образом, если «Объединенный план стратегических целей» выполнит стоящие перед ним задачи, он позволит осуществлять своевременное планирование на четыре года вперед и тем самым обеспечит включение в ближайший военный бюджет ассигнований, которые положат начало регулярному развитию необходимых вооруженных сил. Он даст четкую команду всем видам вооруженных сил, и тогда они будут знать, как им следует выполнять свои частные роли в деле создания требующихся нам совокупных вооруженных сил.

В своей обычной форме «Объединенный план стратегических целей» содержит оценку военной угрозы на рассматриваемый период, сформулированную на основе разведывательных данных: стратегическую концепцию для ведения холодной, ограниченной и всеобщей войны; приложение, касающееся материально-технического обеспечения, и расписание вооруженных сил, требующихся для обеспечения данной стратегической концепции. Именно последний пункт, так называемые таблицы вооруженных сил, порождает наибольшие расхождения во взглядах среди членов комитета начальников штабов.

Очевидно, по идее «Объединенный план стратегических целей» должен являться важнейшим документом, определяющим методичное развитие военных программ. К сожалению, он, подобно «Основной политике в области национальной безопасности», в своем практическом применении встречает много трудностей и не достигает своей высокой цели. Ни один из трех последних планов не был составлен в той форме, в какой он мог бы служить подлинным документом четырехлетнего планирования. Главной причиной неудачи является неспособность начальников штабов при разработке планов прийти к соглашению относительно оптимального состава вооруженных сил в пределах финансовых издержек, установленных министром обороны. «Объединенный план стратегических целей» первоначально мыслился как документ, который позволял бы начальникам штабов производить расчеты военных потребностей без предварительного учета бюджетных ограничений. В этом случае требования «Объединенного плана стратегических целей» составили бы около 48 миллиардов долларов на 1960 год

и 55—58 миллиардов на последующие годы. Такие прогнозы никак не удовлетворяли министра обороны, который либо отвергал эти расчеты, либо устанавливал финансовый предел, чтобы ограничить такое, как он выражался, «планирование с потолка». В результате «Объединенный план стратегических целей» все более и более становился предвестником последующих схваток по бюджетному вопросу и все менее — документом стратегического планирования «средней дальности».

Таким образом, несмотря на кажущуюся логичность процесса разработки национальной стратегии в совете национальной безопасности и военной стратегии в комитете начальников штабов, эта система потерпела фиаско по нескольким основным причинам. Совет национальной безопасности не сумел охватить основные проблемы обороны и дать ясно сформулированную директиву вооруженным силам. Комитету начальников штабов не удалось достигнуть согласия по вопросу о вооруженных силах, необходимых для обеспечения согласованной стратегической концепции, а потому он не смог обеспечить военного руководства, в котором нуждаются все виды вооруженных сил. Министр обороны вклинил в стратегическое планирование «средней дальности» финансовые соображения, и, таким образом, оно стало лишено в значительной части своей потенциальной ценности. Но все это лишь одна сторона вопроса. Чтобы понять смысл проблемы в целом, необходимо заглянуть в недра Пентагона и посмотреть, насколько практика разработки стратегии отличается от теории. Прежде всего посетим комитет начальников штабов за работой.

ГЛАВА VI

КОМИТЕТ НАЧАЛЬНИКОВ ШТАБОВ ЗА РАБОТОЙ

Регулярно каждую неделю, по средам и пятницам, в десять часов утра начальники штабов собираются в своих служебных помещениях в Пентагоне на втором этаже, со стороны, выходящей на реку. Их главные помощники по делам комитета начальников штабов, так называемые заместители по оперативной части, встречаются на полчаса раньше, чтобы решить как можно больше второстепенных вопросов, а затем присоединиться к начальникам штабов для участия в последующем пленарном заседании. Заместители по оперативной части, имеющие чин генерал-лейтенанта или вице-адмирала, занимают, кроме того, руководящие должности в штабах соответствующих видов вооруженных сил. С течением времени они приобретают все большее значение в системе комитета начальников штабов, освобождая членов комитета от множества второстепенных дел и выполняя кропотливую предварительную работу по важнейшим вопросам, прежде чем они будут вынесены на обсуждение начальников штабов.

Зал заседаний комитета начальников штабов имеет около 8,5 м в длину и 6,5 м в ширину. Стены его окрашены в удивительно неприятный горчичный цвет — результат неудачного выбора краски, сделанного начальниками штабов в дождливый день при плохом освещении. Члены комитета рассаживаются вокруг стола овальной формы, концы которого срезаны: с одной стороны — председатель комитета, начальник объединенного штаба и представители военно-воздушных сил; с другой стороны, напротив, — представители армии и военно-морских

сил; на одном конце срезанной части стола — представители морской пехоты и на противоположном — два военных секретаря, в обязанность которых входит ведение протокола заседания. Таким образом, за столом обычно присутствует двенадцать человек, представляющих официальный состав комитета. По приглашению могут присутствовать и другие лица — эксперты из объединенного штаба или из других учреждений для помощи в решении вопросов, входящих в сферу их профессиональной компетенции.

Повестка дня обычно раздается за два дня до начала заседания комитета. Она охватывает широкий круг проблем, связанных с многочисленными обязанностями начальников штабов по отношению к министру обороны, объединенным и специальным командованиям: долгосрочные планы развития вооруженных сил, расчеты потребности личного состава и материально-технического обеспечения, вытекающие из этих планов, роль новых систем вооружения и включение их в состав вооруженных сил, программы военной помощи дружественным странам, оперативные вопросы, касающиеся заокеанских командований, рекомендации министерству обороны относительно нашей позиции по вопросам разоружения, ограничению испытаний ядерного оружия и по другим международным проблемам, входящим в компетенцию министерства.

За несколько часов до открытия заседания офицеры каждого из штабов информируют своего начальника по вопросам, стоящим на повестке дня. Эти ведомственные информаторы, именуемые «индейцами», оказывают значительное влияние на окончательную позицию, занимаемую их начальниками. Каждый начальник штаба должен остерегаться опасности стать пленником своих «индейцев», в роли которых обычно выступают способные и полные энтузиазма молодые офицеры, обученные бесстрашно отстаивать свои взгляды перед старшими начальниками. Я вспоминаю, как несколько лет тому назад на одном из таких совещаний у начальника штаба армии заместителю начальника штаба, генерал-лейтенанту, передали клочок бумажки. Он со смехом прочитал ее присутствующим: «Если начальник штаба попытается изменить вторую строчку на четвертой странице, воспрелятствуйте этому любой ценой. Майоры Миллер и Мок».

Я был «индейцем» у генерала Маршалла, который учил меня иметь собственное мнение по любому военному вопросу. В сравнительно спокойные дни перед нападением на Пёрл-Харбор я, тогда еще майор, вновь назначенный в ведомство начальника штаба, представил ему для информации свой первый документ, касающийся проблемы мирового значения — разрешить ли Национальной гвардии Аляски иметь еще две роты. Я вручил генералу Маршаллу рекомендацию штаба и откинулся на спинку стула в ожидании его решения. «Что вы думаете об этом, Тейлор?» — спросил он. Я чуть не свалился со стула, потому что мне никогда не приходило в голову, что я имею право высказывать свое мнение. Больше я никогда не повторял этой ошибки. «Индейцы» должны иметь свои идеи и смело их выдвигать, и все же нельзя позволять им брать в плен своего начальника.

По большинству документов, рассматриваемых начальниками штабов, решение принимается быстро. Некоторые же из них могут по неделям не сходить с повестки дня. Обычно так бывает с документами, связанными с долгосрочными планами видов вооруженных сил.

Объем работы комитета начальников штабов очень велик и продолжает возрастать. С 6 октября 1955 года по 31 марта 1959 года комитет рассмотрел 2977 документов. Вопреки распространенному мнению о том, что разногласия в комитете начальников штабов обычное явление, мои данные показывают, что по 2954 документам было принято единодушное решение, и только 23 из них остались несогласованными. Последние, впрочем, были связаны с очень важными проблемами, такими, как:

Следует ли разрешить армии иметь баллистические снаряды средней дальности?

Какой состав запасов атомного оружия по типам и мощности является наиболее выгодным?

Какие права следует предоставить командующему объединенным командованием ПВО северо-американского континента?

Как должно быть организовано и укомплектовано тихоокеанское командование?

Следует ли отдать высший приоритет развитию тактического атомного оружия малой мощности?

Как должны использоваться зенитные управляемые снаряды «Найк-Геркулес» и «Бомарк»?

Обладаем ли мы достаточными для ведения ограниченных войн средствами воздушной перевозки войск?

Следует ли изменить «Основную политику в области национальной безопасности» в сторону усиления упора на возможность ограниченной войны?

Остановливаясь на проблемах, разрешение которых входит в компетенцию начальников штабов, небезынтересно отметить также некоторые вопросы, которые, казалось бы, должны подлежать рассмотрению членов комитета, но на самом деле не подлежат. Так, начальники штабов, хотя в их обязанности входит подготовка и представление министру обороны документов, формулирующих требования вооруженных сил, которые должны учитываться при подготовке военного бюджета, не несут за него солидарной ответственности, и комитет как единое целое не принимает участия в его практическом составлении. Впрочем, передача Макэлроем бюджета на 1960 год на рассмотрение комитета говорит о том, что министр обороны все более и более ощущает потребность в одобрении окончательно сформулированного военного бюджета комитетом начальников штабов. Поскольку в прошлом недостаточное знакомство начальников штабов с общим военным бюджетом не позволяло им высказывать свое компетентное мнение, можно ожидать пересмотра прежней системы с тем, чтобы предоставить начальникам штабов более активную роль в подготовке бюджета. Без этого трудно себе представить, каким образом может быть установлено соответствие между военными потребностями, военным бюджетом и программами вооруженных сил, обеспечиваемыми этим бюджетом.

Комитет начальников штабов не занимается также разработкой или исполнением оперативных военных планов. Эти функции обычно возлагаются на заокеанские объединенные или специальные командования. Так было, например, при высадке наших войск в Ливане в июле 1958 года. Планирование и выполнение этой операции осуществлял адмирал Джеймс Холлоуэй, бывший командиром оперативного соединения, подчиненного комитету начальников штабов. Комитет начальников штабов утвердил планы Холлоуэя и следил за тем, чтобы он имел достаточно войск и предметов снабжения для выполнения своих планов. Комитет дал указания генералу Ло-

рису Норстэду, главнокомандующему европейским командованием, штаб которого находился вблизи Парижа, оказать поддержку адмиралу Холлоуэю и обеспечить его специальными войсками, входящими в состав командования генерала Норстэда. Комитет направлял Холлоуэю воинские части и предметы снабжения из Соединенных Штатов. Затем, убедившись в том, что адмирал Холлоуэй имеет хороший план и средства для его выполнения, комитет начальников штабов, по существу, отошел в сторону и лишь следил за его действиями, готовый в любое время оказать помощь, если таковая потребуется. Вспыхни сегодня война в любом месте за пределами Соединенных Штатов, комитет начальников штабов играл бы, по существу, ту же роль, что и во время событий в Ливане. Впрочем, в случае событий более крупного масштаба его деятельность внутри страны могла бы значительно расшириться. Он проводил бы мобилизацию и руководил приведением в готовность резервных частей для усиления войск заокеанского командования, ответственного за проведение операции.

Организация комитета начальников штабов имеет как сильные, так и слабые стороны, присущие всякой коллегиальной системе. Наличие в составе комитета глав всех видов вооруженных сил позволяет использовать богатый опыт ответственных военных руководителей страны, и планирование важнейших военных вопросов отражает, таким образом, взгляды людей, знающих свой вид вооруженных сил, его возможности и недостатки. Их советы министру обороны проникнуты чувством ответственности и гарантируют реалистичность планов, которые разработаны людьми, непосредственно отвечающими за их выполнение.

С другой стороны, комитет начальников штабов имеет все недостатки, присущие любому комитету, которому приходится решать важные спорные вопросы. Прежде чем приступить к работе, комитету приходится обсуждать и примирять множество противоречивых точек зрения. Он вынужден тратить много времени в поисках единогласия. Так например, мы не один месяц вели споры, пока не достигли соглашения о распределении между видами вооруженных сил важных постов в комитете начальников штабов после его реорганизации, утвержденной конгрессом в 1958 году. Когда не удается

достигнуть компромисса, требуется дополнительное время, чтобы представить министру обороны формулировки позиций сторон. Я часто чувствовал, что мы чрезмерно затягиваем решение повседневных вопросов, стоящих на повестке дня, вероятно, оттого, что редкий комитет обладает тем чувством личной ответственности за быстроту исполнения, которое испытывает каждый отдельный командир или начальник в отношении работы своего штаба. Вместе с тем нередко бывает очень трудно добиться обсуждения документов, которые приходится не по вкусу представителям одного или нескольких видов вооруженных сил, поскольку любой из начальников штабов, имеющий отличное от других мнение, может в течение долгого времени препятствовать его обсуждению. Даже если министр обороны распорядится провести обсуждение, то решение может оказаться двусмысленным и не дающим полного ответа на основной вопрос.

Неудовлетворительный опыт принятия решений по спорным документам в прошлом — дополнительный фактор, вызывающий задержку в разрешении важных вопросов. Так как гражданские начальники часто выражают резкое недовольство, получая несогласованные документы, по которым им приходится потом самим принимать решение, начальники штабов имеют обыкновение не только тратить лишнее время в поисках компромисса, но даже класть спорные вопросы под сукно, где они лежат без движения неопределенно долгое время. Такие щекотливые вопросы, как определение необходимой численности стратегической авиации и других ядерных сил устрашения, могут откладываться и фактически откладывались на годы. Наиболее целесообразная организация военного командования на Среднем Востоке — еще одна извечная проблема, стоявшая перед комитетом начальников штабов, когда я вошел в его состав, и не разрешенная по сей день. Частичным оправданием для начальников штабов может служить плохой пример вышестоящих учреждений, который отбивает охоту прямолинейно и до конца вскрывать противоречия и настаивать на вынесении окончательных решений. В этой связи всегда следует помнить, что комитет начальников штабов только дает советы; он не может решать спорные вопросы. Принятие решений входит в обязанности гражданского руководства.

Поскольку методы решения спорных вопросов — главное препятствие к эффективной деятельности комитета начальников штабов, целесообразно рассмотреть причины возникновения разногласий более подробно. Общее мнение сводится к тому, что расхождения во взглядах между членами комитета происходят главным образом вследствие узко пристрастной защиты ведомственных интересов: Однако во многих случаях причины расхождений гораздо более глубоки и не связаны с ведомственными интересами.

Опыт показывает, что разногласия между начальниками штабов можно разделить на три общие категории. Во-первых, разногласия философского характера, вытекающие из постоянного противоречия между стратегическими концепциями массивованного ответного удара и гибкого реагирования. Эти вопросы должны быть решены советом национальной безопасности в его документе «Основная политика в области национальной безопасности».

Во-вторых, разногласия, связанные с вопросами ведения будущей войны и способами и средствами подготовки к ней. В эту группу входят также такие вопросы, как определение потребностей различных функциональных сил, роль новых систем вооружения в будущей войне, противоречивые толкования роли и задач отдельных видов вооруженных сил, надлежащая степень опоры на применение ядерного оружия и оптимальный состав запасов ядерного оружия.

Ниже этого второго яруса противоречий лежит большая группа профессиональных и технических разногласий, вытекающих из более широких спорных вопросов, упомянутых выше. Третья группа может включать, например, такие вопросы, как организация и управление объединенными и специальными командованиями, специфические вопросы, связанные с разграничением ролей и задач армии и морской пехоты, армии и военно-воздушных сил, военно-воздушных и военно-морских сил. Кроме того, сюда входят и такие вопросы, как состав и численность армейской авиации, установление ответственности отдельных видов вооруженных сил за континентальную противовоздушную оборону, взаимоотношения командования в совместных операциях военно-воздушных сил

и сухопутных войск и недавно возникшие вопросы, связанные с действиями в космосе.

Из одного лишь перечня этих проблем видно, что они не всегда касаются только одного вида вооруженных сил, но в них часто переплетаются интересы всех видов. Тем не менее по большинству наиболее важных спорных вопросов каждый вид вооруженных сил занимает вполне определенную позицию, которая ясно проявляется в ходе дискуссий и дебатов в комитете начальников штабов. Рискую допустить чрезмерно упрощенное и неполное освещение разногласий внутри комитета, я составил сводку, характеризующую позиции (так, как я их понимаю), которые занимали представители отдельных видов вооруженных сил по некоторым из основных спорных вопросов в течение последних четырех лет. Относительное количество места, уделяемого изложению каждой из позиций, указывает лишь на то, что я чувствую под собой более твердую почву, когда пишу об армии, чем когда касаюсь других видов вооруженных сил.

Позиция армии

Армия стоит за принятие всеобъемлющей стратегии «гибкого реагирования», вытекающей из полной переоценки стратегических потребностей США в свете изменений в международной обстановке, происшедших после 1953 года. Армия настаивает на том, чтобы в качестве отправного пункта этой переоценки комитет начальников штабов установил согласованный уровень потребностей для стратегических сил возмездия, континентальной противовоздушной обороны, заокеанских группировок, стратегических резервов для ограниченной и всеобщей войн, сил противолодочной обороны и других аналогичных функциональных сил. Установив уровень потребностей, комитет строил бы военный бюджет в соответствии с нуждами этих функциональных сил.

Армия считает важной частью наших ядерных сил устрашения — определенное количество средств противовоздушной обороны. Средства доставки ядерного оружия и континентальная противовоздушная оборона представляют две составные части стратегических сил устрашения — наступательную и оборонительную, которые должны быть сбалансированы, чтобы обеспечить максималь-

ное сдерживающее действие. Ввиду возрастающей угрозы баллистических ракет главный упор в противовоздушной обороне следует перенести с бомбардировщиков на ракеты, осуществить это более быстрым темпом, чем намечалось ранее. Противоракетный снаряд «Найк-Зевс» должен быть введен в действие как можно скорее. Слишком много денег тратится на самолеты-перехватчики и ракеты «Бомарк». Первые уже устаревают, а вторые слишком запаздывают в связи с уменьшающейся угрозой бомбардировочных ударов и слишком сомнительны с точки зрения их технической и финансовой осуществимости.

Выступая против концепции «американской крепости»¹, армия склонна подчеркивать важность заокеанских группировок и необходимость усиления сухопутных сил наших главных союзников посредством осуществления программы соответствующей военной помощи. Чтобы сократить время, необходимое для ответных действий в случае возникновения военной ситуации далеко от наших теперешних группировок в Европе и на Дальнем Востоке, армия высказывается за создание запасов на передовых складах в заокеанских районах.

Аргументируя необходимость стратегии «гибкого реагирования», армия выступает в качестве главного ходатая за увеличение способности США вести ограниченную войну. Она категорически отрицает всякую возможность осуществления этой миссии флотом и морской пехотой, поскольку ограниченная война требует упорных действий на суше, являющихся специфической задачей армии. В то же время ведение ограниченной войны не рассматривается как монополия армии; все виды вооруженных сил могут и должны принять в ней участие. Для улучшения объединенного планирования и совместной боевой подготовки для ограниченной войны армия считает необходимым сосредоточить руководство в одном ответственном органе управления, возможно, в объединенном командовании, включающем все виды вооруженных сил.

¹ Имеется в виду концепция, которая исходит из ложной предпосылки о неуязвимости Соединенных Штатов в связи с удаленностью их территории от возможного театра военных действий. При современных средствах вооружения эта концепция не выдерживает серьезной критики. — *Прим. ред.*

Забота о способности к быстрой переброске сил для противодействия ограниченной агрессии за рубежом вынуждает армию упорно настаивать на заблаговременном выделении соответствующих средств воздушного и морского транспорта для стратегических перевозок. Поскольку комитет начальников штабов никогда не достиг соглашения по вопросу о количестве транспортных средств, необходимых для обеспечения потребностей ограниченной войны, армия считает необходимым установить размер этих потребностей, основываясь на изучении на картах возможной обстановки ограниченных войн. Она также высказывается за своевременное назначение определенных частей транспортной авиации для переброски наземных войск первого эшелона, полагая, что такая мера облегчит совместное планирование, не сковывая действия назначенных авиачастей. Вместе с тем необходимо модернизировать предназначенный для этой цели стратегический воздушный и морской транспорт посредством постепенной замены устаревающих типов самолетов и судов, находящихся на вооружении.

Что касается других видов вооруженных сил, армия считает, что военно-воздушные силы по-прежнему делают слишком сильный упор на пилотируемые самолеты как бомбардировщики, так и истребители-перехватчики. Ввиду огромного роста разрушительной мощи мегатонного (водородного) оружия авиация и ракеты, входящие в стратегические силы устрашения, обеспечивают сегодня избыточное количество средств его доставки. Эти силы, однако, нуждаются в модернизации посредством более быстрой замены бомбардировщиков ракетами и в более надежном прикрытии за счет улучшения системы противовоздушной обороны, раннего обнаружения и других соответствующих мер. Суть вопроса в том, что модернизированные, хорошо прикрытые, сбалансированные силы возмездия, пусть даже относительно небольшие, были бы значительно эффективнее, чем теперешний конгломерат из самолетов ВВС, флота, союзной авиации, авианосцев и разнородных ракет.

В отношении позиции ВМС армия признает очевидные достоинства сочетания подводной лодки с ракетой «Поларис», но сомневается в возможности быстрого решения этой проблемы. Армия считает программу строительства авианосцев неоправданно большой и предпочи-

тает сосредоточить внимание на программе противолодочной обороны. Армия признает, что морская пехота может внести вклад в решение задач ограниченной войны, возникшей на морском побережье или поблизости от него, но решительно возражает против утверждения, что морская пехота может хотя бы частично заменить армию при ведении длительных упорных боевых действий на суше.

Наконец, армия выступает против концепции быстротечной войны (согласно которой будущая война завершится в течение нескольких часов или дней), концепции, являющейся частью доктрины массированного ответного удара. Армия не может допустить, чтобы подобная концепция оказывала влияние на мобилизационную готовность. Предсказать, сколько времени будет длиться будущая война, невозможно, и пренебрегать послемобилизационными потребностями — значило бы уподобляться боксеру, который, зная, что ему предстоит борьба за приз до решительного результата, тренируется только на один раунд.

Позиция ВМС и морской пехоты

Представители ВМС и морской пехоты в комитете начальников штабов в поддержке концепции гибкого реагирования против защитников стратегии массированного ответного удара присоединились к армии с некоторым запозданием. Однако они восприняли без энтузиазма идею распределения военного бюджета по оперативному назначению¹, а не по видам вооруженных сил. При этом представители ВМС утверждают, что морские силы не могут дробиться между функциональными командованиями. Они указывают, что один и тот же корабль может быть последовательно использован для стратегических бомбардировок, противолодочной обороны и противовоздушной обороны. Но они склонны согласиться с тем, что теперешние силы возмездия, возможно, слишком велики в сравнении со стоящими перед ними задачами и должны быть модернизированы и сокращены.

¹ Речь идет о распределении бюджетных ассигнований по группе средств, которые могут быть объединены планом единого оперативного использования, например, «Стратегические средства ядерного нападения», которые могут включать и стратегическую авиацию, и ВМФ, и т. п. — *Прим. ред.*

Признавая это, представители ВМС полагают, что ракетные подводные лодки, при их мобильности и относительной неуязвимости, должны взять на себя большую часть наступательных задач стратегических сил возмездия. Они решительно воспротивились бы любому объединению ракетных подводных сил со стратегическим авиационным командованием. Континентальная противовоздушная оборона встречает мало поддержки со стороны ВМС. Представители ВМС пытаются чинить препятствия большим ассигнованиям на ПВО и поэтому занимают отрицательную позицию в отношении программы противоракетного снаряда «Найк-Зевс».

Как и армия, ВМС выступают против концепции «американской крепости». Хотя ВМС и признают необходимость быстро реагировать на ограниченные войны, они противятся заблаговременному планированию мероприятий на случай возникновения таких войн в настолько широком масштабе, чтобы оправдывалось существенное расширение сухопутных сил. Предпринимаются всецельные усилия для изображения комбинированного использования флота и морской пехоты как лучшего решения проблемы ведения ограниченной войны. В связи с этим ВМС не проявляют интереса к потребностям армии в воздушном и морском транспорте для стратегических перебросок.

ВМС настойчиво выпячивают роль своих теперешних крупных авианосных сил и пытаются оправдать их численность потребностями как всеобщей, так и ограниченной войны. Хотя другие виды вооруженных сил хотели бы, чтобы флот сосредоточил свое внимание на подводной войне, командование ВМС предпочитает действовать по параллельным линиям: оно стремится повысить роль флота в стратегических бомбардировках и в ограниченной войне на суше и в то же время сохранить за собой ответственность за ведение подводной войны.

ВМС разделяют точку зрения армии, что концепция быстротечной войны представляет опасность и что должны быть предприняты разумные меры по обеспечению мобилизации после начала войны.

В общем, представители ВМС и морской пехоты удовлетворены существующим положением и противятся любым важным изменениям в определении роли и задач видов вооруженных сил.

Позиция военно-воздушных сил

ВВС — вид вооруженных сил, предназначенный для претворения в жизнь стратегической концепции массированного ответного удара, которую они считают единственно правильной концепцией, основой нашей национальной безопасности. Представители ВВС выдвигают следующую аргументацию.

Стратегия массированного ответного удара «реально» учитывает тот факт, что мы никогда не сможем соперничать с коммунистическим блоком в отношении людских ресурсов для наземных операций, а потому должны исходить из своего превосходства в воздухе. Это единственная эффективная стратегия, соответствующая нашим финансовым возможностям. Она вынуждает СССР признать, что всеобщая война — война, в которой Соединенные Штаты и Советский Союз примут прямое участие, будет настолько опустошительной, что связанный с нею риск не может быть оправдан. Это, как полагают авиаторы, защитит Соединенные Штаты не только от всеобщей, но и от ограниченной войны, поскольку Советский Союз будет опасаться, что любая ограниченная война может перерасти во всеобщую войну.

Следовательно, говорят они, чтобы противодействовать угрозе ограниченной войны, нет необходимости в специальных подготовительных мерах, поскольку они берутся в расчет при подготовке ко всеобщей войне. Более того, такие меры могут, по их мнению, нанести ущерб эффективности нашей системы устрашения, так как вызовут сомнение в нашей решимости прибегнуть к использованию сил возмездия в случае кризиса. Подобные сомнения могут ободрить наших потенциальных противников и ввергнуть в уныние наших союзников. Мы должны противиться любым действиям, которые подрывают веру в стратегию массированного ответного удара.

Главную опасность военно-воздушные силы видят в росте стратегической авиации и ракетных войск Советского Союза. Чтобы избежать этой опасности, Соединенные Штаты должны всегда быть намного впереди СССР в способности нанести стратегический удар. Для этого нам нужно больше стратегических ракет и бомбардировщиков. Бомбардировщиков следует иметь значительное количество до тех пор, пока ракеты не будут полностью

проверены. Мы хотели бы, говорят авиаторы, обеспечить стратегические ударные силы США от внезапных ударов противника, но в стратегической воздушной войне мощное наступление является лучшим видом обороны. Поэтому дальнейшему росту стратегической авиации должно быть отдано предпочтение перед континентальной противовоздушной обороной, особенно перед так называемой локальной обороной, обеспечиваемой сухопутными силами. Мы не должны так же дать себя втянуть в большие расходы на противоракетные снаряды «Найк-Зевс», успешная разработка которых сомнительна. Научно-исследовательские работы в области противоракетных снарядов следует продолжать, но серийное их производство мы должны отложить до той поры, пока эта система не оправдает себя на практике.

Позиция военно-воздушных сил по конкретным вопросам вытекает из приведенной выше аргументации. Если эта аргументация обоснована, то отсюда следует, что упор в распределении бюджета должен быть сделан на силы, предназначенные для всеобщей войны, и особенно на стратегическое авиационное командование. Заокеанские группировки должны быть уменьшены до минимума, а стратегические мобильные резервы в Соединенных Штатах ограничены до сравнительно небольших сил. Тогда не будет необходимости в увеличении количества авиационных и морских транспортных средств для переброски резервов. Поскольку готовиться нужно только к всеобщей войне и поскольку всеобщая война будет кратковременной, нет необходимости создавать в Соединенных Штатах большие мобилизационные запасы. Мобилизационная база всех вооруженных сил должна быть уменьшена, и сэкономленные на этом деньги — потрачены на содержащиеся в мирное время войска, предпочтительно на военно-воздушные силы.

Уменьшение значения пилотируемой авиации поставило ВВС перед серьезной проблемой — укрепить свое ведущее положение среди других видов вооруженных сил в бюджетных ассигнованиях. С этой целью ВВС ведут кампанию за передачу им той роли, какую выполняют сухопутные силы в континентальной противовоздушной обороне и всячески стремятся не допустить вторжение ракетных подводных сил флота в сферу задач ВВС по осуществлению стратегических бомбардировок.

По непонятным причинам представители ВВС до сих пор не соглашались придать мобильность своим межконтинентальным и среднего радиуса действия баллистическим ракетам. Тем самым они отдают значительное предпочтение мобильной ракете «Поларис». Можно ожидать запоздалого изменения точки зрения в этом вопросе.

Полагаю, что изложенное выше достаточно точно отражает позиции видов вооруженных сил, выявившиеся в ходе дискуссии в комитете начальников штабов. Расхождения в позициях говорят о масштабе и характере проблем, которые ждут своего решения гражданскими властями. Они говорят также о том влиянии, какое оказывает бюджет на позиции видов вооруженных сил.

Дело в том, что многие разногласия между видами вооруженных сил решались компромиссно только потому, что был известен установленный размер военного бюджета. Тот факт, что военный бюджет имеет потолок в пределах сорока миллиардов долларов, напоминает каждому начальнику штаба, что все военные программы, как бы они ни различались по своему характеру, на деле конкурируют между собой ради получения определенного количества долларов. Это соображение определяет отношение каждого начальника штаба к программам других видов вооруженных сил. Оно ведет к тому, что высказывать беспристрастные суждения становится труднее, когда на них влияют бюджетные соображения. Определение заранее суммы военного бюджета обостряет борьбу между видами вооруженных сил за ассигнования и является главной причиной их соперничества, которое подрывает доверие нации к нашим военным программам.

В этой главе уже отмечалось, что за три с половиной года в комитете начальников штабов лишь по 23 документам не было принято формального решения из-за расхождения во взглядах. Интересно посмотреть, как в таких случаях поступали те или иные члены комитета и чья точка зрения в результате брала верх.

Когда комитет начальников штабов заходит по какому-либо вопросу в тупик и становится ясно, что все попытки примирить разные точки зрения тщетны, начальнику объединенного штаба поручают составить документ с изложением позиций сторон для представле-

ния министру обороны. Этот документ содержит согласованный текст сути разногласий и позволяет министру легко сопоставить позиции сторон.

Надо сказать, что положение председателя комитета несколько иное, чем положение начальников штабов. До реорганизации министерства обороны в 1958 году¹ председатель не имел права голоса на заседаниях комитета. Однако на практике начальники штабов формального голосования и не проводили; при отсутствии единогласия они обычно представляли свои точки зрения министру обороны. Председатель комитета всегда имел возможность сообщить министру свою точку зрения и делал это либо устно, либо в личной памятной записке, прилагаемой к докладу о разногласиях. Такую практику ввел адмирал Рэдфорд, и она была узаконена актом 1958 года о реорганизации министерства обороны, который дал председателю комитета равное с начальниками штабов право голоса. В конгрессе и среди широких кругов общественности создалось впечатление, что это мероприятие повышает роль председателя. В действительности оно существенных изменений не вносило. И без формального права голоса председатель уже достиг особого положения, оставив в тени начальников штабов, каждого в отдельности и всех в совокупности.

Первенствующее положение председателя отчетливо видно из следующего подсчета, показывающего, какие решения принял министр обороны по упомянутым выше 23 случаям разногласий. Подсчет показывает, сколько раз министр поддержал или отверг точки зрения видов вооруженных сил и председателя комитета в течение почти всего периода с 1955 по 1959 год.

¹ В 1958 году правительство США произвело реорганизацию органов высшего военного управления. В результате реорганизации значительно возросли власть и контроль министерства обороны над армией, военно-воздушными и военно-морскими силами. Министерству обороны были предоставлены большие, чем раньше, права в области оперативного руководства войсками. За министерствами армии, военно-воздушных сил и военно-морских сил остались главным образом функции административного руководства и материально-технического обеспечения. Повысилась также роль председателя комитета начальников штабов, и комитет из совещательного органа превратился в орган оперативно-стратегического руководства. — *Прим. ред.*

Чья точка зрения	Поддержал	Отверг
Армии	3	20
Военно-морских сил	13	10
Корпуса морской пехоты (участвовал в 11 случаях из 23)	4	7
Военно-воздушных сил	17	6
Председателя комитета (участвовал в 21 случае из 23)	18	3

Чтобы уяснить отношения, лежащие в основе этой таблицы, следует подчеркнуть некоторые дополнительные факты. Армия, обычно остававшаяся в меньшинстве, встретила поддержку председателя комитета только в одном случае из 23. ВВС поддержали армию четыре раза, ВМС — десять раз, а морская пехота из одиннадцати случаев была на стороне армии шесть раз. Наибольшее количество случаев поддержки армии ВМС и морской пехотой падает на период после ухода адмирала Рэдфорда с поста председателя комитета.

Эти данные показывают, что в рассматриваемый период председатель комитета обычно становился на сторону того вида вооруженных сил, к какому принадлежал сам. Адмирал Рэдфорд был на стороне ВМС десять раз из тринадцати. Генерал Туайнинг из восьми случаев разногласий, в которых он участвовал, все восемь раз поддерживал военно-воздушные силы. Эти данные указывают также, что присутствие представителя морской пехоты за столом заседаний обычно давало ВМС два голоса. Из одиннадцати случаев разногласий морская пехота девять раз была на стороне ВМС.

Часто говорят, что начальники штабов обязаны добиваться единогласия в комитете, чтобы освободить министра обороны от принятия трудных военных решений. Я с этим не согласен. Факты показывают, что в четырех случаях министр выносил решение наперекор единогласной рекомендации комитета начальников штабов. По-видимому, единогласие в комитете — это еще не все.

Из приведенной выше таблицы можно сделать следующие выводы. Во-первых, за последние четыре года армия в комитете начальников штабов находилась в изоляции, в меньшинстве. Этот период «вавилонского плена»

следует распространить и на те два года, когда пост начальника штаба занимал генерал Риджуэй.

В первое время председательства адмирала Рэдфорда представитель армии вел борьбу против председателя комитета и, как правило, против других начальников штабов. Изоляция армии несколько ослабла, когда представители ВМС и морской пехоты начали склоняться к поддержке стратегии «гибкого реагирования» и к признанию важности ограниченных войн. Все же следует признать, что в последние четыре года то ли потому, что начальник штаба армии был одарен необычайной способностью прибегать к неубедительной аргументации, то ли потому, что в комитете оказывалось сильное давление на инакомыслящих, достойное лучших традиций Таммани холла¹, но так или иначе, армия, как правило, оставалась в меньшинстве.

Во-вторых. Точка зрения председателя комитета почти всегда одерживает верх. В этом факте нет ничего неожиданного, поскольку председатель является избранником министра обороны, с которым находится в постоянном контакте. Председатель комитета сопровождает министра на многие важные совещания в США и за рубежом в качестве его главного военного советника. В представлении министра и других лиц внутри и вне правительства голос председателя комитета без колебаний отождествляется с голосом всего военного командования. Нередко взгляды председателя смешиваются со взглядами комитета начальников штабов и личную точку зрения председателя ошибочно принимают за точку зрения начальников штабов. Подобные обстоятельства объясняют первенствующую роль председателя комитета и, возможно, делают ее неизбежной.

Конечно, для министра обороны важно, чтобы председатель сохранил свое господствующее положение. Министру нужен сильный председатель, который направлял бы работу начальников штабов, заставлял их работать лучше и временами требовал бы от них советов и рекомендаций. Причем желательно, чтобы советы на-

¹ Таммани холл — здание, где располагается штаб демократической партии в Нью-Йорке. Это название в настоящее время олицетворяет все худшее, что связано с деятельностью политических партий США, — взяточничеством, моральным разложением, подкупом, шантажом и т. п. — *Прим. ред.*

чальников штабов можно было принимать и одобрять, без затруднений. Рекомендация может прийтись не по вкусу и быть встречена неодобрительно, особенно если она идет вразрез с политическими или экономическими соображениями, являющимися для правительства определяющими. Министр рассчитывает, что председатель не допустит вынесения таких рекомендаций и что по надлежащим вопросам, которые могут быть использованы для обеспечения планов министерства, он будет добиваться согласованных решений. В свою очередь министр оказывает ему поддержку при возникновении разногласий в комитете. Данные показывают, что за последние четыре года министр редко подводил председателя комитета.

Таким образом, председатель комитета стал чем-то вроде партийного организатора, которому вменено в обязанность доводить до комитета начальников штабов официальную линию правительства в надежде, что комитет в своих действиях будет ею руководствоваться. При генерале Брэдли такого положения не было. Он, как председатель комитета, в дискуссии начальников штабов сохранял строжайший нейтралитет. Адмирал Рэдфорд был способным и непоколебимым проводником партийной линии и делал все возможное, чтобы навязать свои взгляды начальникам штабов. За два года, в течение которых я находился в комитете, руководимом им, у меня редко возникали серьезные споры с моими коллегами по комитету — начальниками штабов. Дебаты обычно превращались в горячий спор между председателем комитета и мною, в котором один не мог убедить другого. Однако, несмотря на наши разногласия, я невольно восхищался целеустремленностью адмирала Рэдфорда и той неоспоримой эффективностью, с какой он протаскивал программу «нового курса».

Позиция генерала Туайнинга, как председателя комитета, представляла собой нечто среднее между позициями Брэдли и Рэдфорда. Он в значительно меньшей степени, чем Рэдфорд, был сторонником официальной линии правительства, но вместе с тем, будучи долгое время защитником стратегии массированного ответного удара, высказывал свое решающее слово в пользу военно-воздушных сил и выступал против полного пересмотра стратегии.

Итак, не будет преувеличением сказать, что председатель комитета начальников штабов стал присваивать себе значительную долю прерогатив единовластного начальника штаба, который в представлении конгресса и некоторых кругов общественности был жупелом во время недавнего обсуждения вопросов организации обороны. Такое сосредоточение власти в руках председателя комитета начальников штабов само по себе неплохое явление, но плохо то, что это скрытая власть, не связанная ответственностью перед общественным мнением. Она не обеспечивает также тех преимуществ, которыми обладает централизованная власть в быстром принятии решений и срочном осуществлении мероприятий. Председателю комитета все же придется соблюдать процедуру консультаций и обсуждений с другими членами комитета, хотя, в конце концов, он может навязать им свое мнение. Этот замаскированный статут председателя комитета следует учитывать всякий раз, когда рассматриваются изменения в структуре и организации министерства обороны.

Роль комитета начальников штабов не может быть полностью вскрыта без рассмотрения его взаимоотношений с конгрессом. В отличие от большинства стран с парламентской формой правления в Соединенных Штатах требуется, чтобы начальники штабов в качестве руководителей видов вооруженных сил или членов комитета присутствовали бы время от времени в комиссиях конгресса и давали там показания. Минимум один раз в год начальникам штабов приходится выступать в четырех комиссиях: в комиссиях по делам вооруженных сил палаты представителей и сената и в комиссиях по ассигнованиям обеих палат. Обычно приходится выступать также и по таким специальным вопросам, как атомная энергия, управляемые снаряды, людские ресурсы для вооруженных сил, резервные компоненты вооруженных сил¹, программа военной помощи другим государствам. Обсуждение в конгрессе военного бюджета является, как правило, наиболее трудным моментом для начальников штабов, ибо там неизбежно встает вопрос об их двойной ответственности — перед исполнительной и законодательной властью.

¹ К резервным компонентам относятся резервы первой очереди и национальная гвардия. — *Прим. ред.*

При выступлении в комиссии конгресса перед начальником штаба стоит проблема: каким образом «сказать правду и посрамить дьявола» и в то же время сохранить верность решениям президента и министра обороны. Это не просто вопрос этики. Я придерживаюсь той точки зрения, что внутри министерства обороны в процессе разработки бюджета или обсуждения других важных мероприятий начальник штаба данного вида вооруженных сил должен энергично отстаивать свои взгляды. Предприняв максимум усилий, чтобы склонить своего гражданского начальника к правильному решению, начальник штаба должен воспринять решения своего министра, министра обороны и президента как окончательные и затем отстаивать их перед конгрессом. В противном случае ему придется уйти в отставку. Такая позиция находится в полном соответствии с военными традициями, в духе которых воспитывается офицер. В армии, как и в других видах вооруженных сил, штабному офицеру дано право смело и до конца защищать свою точку зрения, пока командир не принял решения. После этого он обязан поддерживать решение командира и обеспечить его выполнение.

Но положение начальника штаба в Вашингтоне не так просто. В войсках офицера не вызывают к посторонним властям и не заставляют докладывать, какой совет он подавал своему командиру и почему. А положение начальника штаба перед комиссией конгресса именно таково. Не успеет он зачитать заранее подготовленное заявление, защищающее позицию министерства обороны, как ему приходится предстать перед целым сонмом дознавателей, которые требуют от него изложения своей первоначальной точки зрения, чтобы противопоставить ее позиции министра обороны и президента. И в результате начальнику штаба приходится либо выступать против своих гражданских руководителей, либо утаивать факты от конгресса. Лично я не находил иного выхода, кроме откровенного ответа на вопросы, и не заботился о том, кто будет платить за разбитые горшки.

Трудно найти разумный выход из этого неприятного всякому военному положения. Можно не разрешить офицерам выступать перед конгрессом и отставание интересов военного ведомства возложить на гражданских министров. Так решается вопрос в Великобритании и во

многих других европейских странах. Вряд ли такой порядок когда-либо будет принят в Соединенных Штатах, где конгресс предпочитает получать информацию от военных, которых считают стоящими вне политики.

Рекомендации, вынесенные комитетом начальников штабов для гражданских руководителей военного ведомства, можно сохранить в тайне и не оглашать перед конгрессом. До сих пор исполнительная власть не рисковала вызвать возмущение, которое последовало бы за таким решением.

Оба эти выхода лишают конгресс ответственных военных рекомендаций, необходимых для осуществления им своих конституционных функций в отношении вооруженных сил. С каждым годом вопросы национальной безопасности становятся все более запутанными и технически сложными, и все же члены конгресса должны разумно осуществлять законодательство с учетом этих вопросов. К кому, как не к начальникам штабов, ответственным за нашу национальную оборону, могут они обратиться? Лишить их совета начальников штабов — значит толкнуть на поиски рекомендаций из безответственных источников, возможно, в ущерб законодательной деятельности. Нельзя ли найти ответ на эту проблему и узаконить взаимоотношения между комитетом начальников штабов и конгрессом, сделав комитет военным советником конгресса в такой же мере, в какой он теперь является советником министра обороны, совета национальной безопасности и президента? В действительности именно такие взаимоотношения установились в теперешней практике.

ГЛАВА VII

НЕДОСТАТКИ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ. КАК В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВЫРАБАТЫВАЕТСЯ СТРАТЕГИЯ

Министр обороны разделяет с комитетом начальников штабов ответственность за существующие методы разработки стратегии. Правда, руководство министерством обороны со стороны совета национальной безопасности часто было неконкретным, но этот недостаток нельзя считать непреодолимым препятствием. Как я отмечал выше, в директиве «Основная политика в области национальной безопасности» можно найти формулировки, пригодные для защиты почти любой военной программы. Эта директива достаточно пространна, чтобы позволить министерству обороны разработать свою собственную «национальную военную программу» (аналогичную той, которая была разработана армией в 1955 году), способную дать ясные и недвусмысленные указания комитету начальников штабов и видам вооруженных сил. Однако для разработки такого документа прежде всего необходимо решить некоторые узловые вопросы, которые министерство обороны не может решить вот уже несколько лет.

Расхождения во взглядах в комитете начальников штабов обычно служат главной мишенью для критики, направленной против нашей порочной системы разработки стратегии. В действительности эти расхождения в основном являются лишь симптомом недуга, а не самим недугом. Чаще всего это специфические случаи, возникающие из более важных вопросов, лежащих в основе коренных разногласий в комитете начальников штабов. Пока министр обороны не потребует, чтобы начальники

штабов выявили эти основные спорные вопросы и доложили ему для решения, нельзя избежать разногласий и подняться выше полумера в наведении порядка в Пентагоне. Я позволю себе привести некоторые примеры основных вопросов, требующих особого рассмотрения, прежде чем можно будет достигнуть значительного успеха в разработке действенной «национальной военной программы».

Узловым пунктом всех споров о стратегии является конфликт между стратегией массированного ответного удара и стратегией гибкого реагирования. Поскольку стратегия массированного ответного удара была принята в 1953 году в качестве ортодоксальной официальной линии и безоговорочно клалась в основу всех военных бюджетов вплоть до настоящего времени, мы уверенно тратили доллары в соответствии с этой стратегией, хотя в директиве совета национальной безопасности «Основная политика в области национальной безопасности» допущены формулировки, поощрявшие противников этой стратегии на борьбу против нее. Пока еще ни один министр обороны не был склонен осудить стратегию «гибкого реагирования» как ересь и «отлучить от церкви» ее сторонников. Им разрешали выступать с оппозиционными призывами. В результате этот главный уклон продолжал вносить раскол в ряды начальников штабов и явился причиной конфликтов в комитете.

С основным вопросом расхождений тесно связан вопрос о применении ядерного оружия. Если в недвусмысленных выражениях заверить военных, что это оружие применят, то ясно, что размер, организация и оснащение необходимых вооруженных сил будут иными, чем в том случае, если вопрос о применении атомного оружия останется нерешенным. Представителям видов вооруженных сил никогда не давали ясных указаний, которые позволили бы им осуществлять планирование в полной уверенности, что ядерное оружие будет применяться, или что, наоборот, применение его будет ограничено. Это сомнение возникает, в частности, при планировании на случай ограниченной войны, когда руководители видов вооруженных сил должны гадать, решат ли их политические руководители, что применение ядерного оружия выгодно для национальных интересов США. В результате отсутствия ясных указаний ВВС и в меньшей степени ВМС

фактически утратили способность к ведению продолжительных боевых действий с применением обычного оружия, в то время как армия пытается сохранить способность действовать как ядерным, так и обычным оружием.

Мы уже упоминали о дебатах по вопросу об определении всеобщей и ограниченной войн. За этими семантическими упражнениями кроется весьма определенный смысл: будут ли Соединенные Штаты когда-либо вести большую войну исключительно обычным оружием? В частности, если мы вступим в вооруженный конфликт с СССР, будем ли мы применять ядерное оружие с самого начала и без ограничений или же попытаемся, хотя бы вначале, достигнуть своих целей, не прибегая к нему. Хотя комитет начальников штабов не может решать вопросы, которые идут дальше чисто военных соображений, он может и должен дать свои рекомендации, чтобы стимулировать процесс принятия решения, завершаемый президентом.

Другая группа важных вопросов, ожидающих своего решения, связана с размером и составом так называемых функциональных сил: ядерных сил возмездия, континентальной противоздушной обороны, заокеанских группировок, сил для ограниченной войны и т. п. Какое количество этих сил можно считать достаточным? Еще в 1955 году я убеждал Вильсона потребовать, чтобы комитет начальников штабов выработал и представил критерий для определения необходимого количества таких оперативных сил. Адмирал Рэдфорд, Куорлз и другие воспротивились этому на том основании, будто подобные военные вопросы не поддаются научному или техническому анализу, ибо здесь слишком много неизвестных. Эти возражения сочли правильными, и до сегодняшнего дня нет решения относительно необходимого нам размера и состава функциональных сил. Таким образом, министерство строит оборону страны без плана, без согласованных критериев безопасности. Комитету никогда не удастся выработать согласованный расчет сил, необходимых для нашей безопасности, если он не решит основной вопрос: какое количество сил достаточно для различных оперативных категорий. Этот критерий необходимого минимума сил является тем строительным материалом, который необходим для создания прочного фундамента в планировании обороны.

Есть специальная группа вопросов, которые являются предметом беспокойства комитета начальников штабов. Они касаются осуществимости новых систем вооружения. От комитета часто требуют, чтобы он за несколько лет давал рекомендации министру обороны в отношении количества и типов новых видов оружия, которое должно разрабатываться различными видами вооруженных сил. Поскольку изыскания в области нового вида вооружения и его испытание обычно являются делом одного какого-либо ведомства, это ведомство становится покровителем и защитником данного оружия в дискуссиях о его будущем использовании. Начальники штабов других видов вооруженных сил, как правило, занимают скептическую позицию по отношению к новому оружию и предвзято смотрят на его возможное использование для нужд обороны. Так, армия и ВМС обладают холодным духом идею военно-воздушных сил о беспилотном самолете-перехватчике «Бомарк», а ВВС и ВМС в равной мере не проявляют энтузиазма к судьбе армейского противоракетного снаряда «Найк-Зевс».

Эти точки зрения не просто результат ведомственного предубеждения или авторского тщеславия. Трудно разобраться в превеличенных оценках, какие новые виды оружия получают от своих производителей, и установить, как действительно обстоит дело. Ни один начальник штаба не имеет ни времени, ни возможности проверить все оценки, которые даются защитниками нового оружия. Тем не менее он должен придерживаться какой-либо определенной точки зрения в отношении перспективности этого оружия, часто еще до того, как оно появилось, и всегда задолго до того, как оно готово к производству и применению.

Министр обороны должен иметь больше возможностей определять технические достоинства оружия, чем начальники штабов. Вопросы научного или технического характера с большим успехом могут подвергнуться рассмотрению гражданскими экспертами за пределами заинтересованных ведомств. Министр обороны оказал бы неоценимую помощь, взяв на себя решение вопроса, насколько новая система вооружения технически осуществима. Начальникам штабов оставалось бы только оценить ее с точки зрения военной. Например, если бы министр обороны в результате консультации с беспри-

растными экспертами заявил, что ракета «Бомарк» или противоракетный снаряд «Найк-Зевс» технически осуществимы, и определил бы срок завершения работ над ними, комитету начальников штабов не трудно было бы решить, есть ли необходимость в этом оружии и, если есть, в каких количествах оно понадобится к определенному сроку.

Министр обороны имеет возможность сделать так, чтобы существующий аппарат работал лучше, чем до сих пор. Министр может наладить более тесный контакт с начальниками штабов, чем был у Вильсона и Макэлроя. Вильсон единственный раз в моей практике решился засесть на продолжительное время с начальниками штабов, чтобы попытаться уяснить их затруднения. Это было во время встречи начальников штабов в Пуэрто-Рико в марте 1956 года. После вступления Макэлроя на пост министра обороны я предлагал провести с ним неофициальное совещание, но он никогда не представлял комитету начальников штабов как организации реальной возможности серьезно обсудить с ним важнейшие проблемы. Оба министра, очевидно, предпочитали узнавать точки зрения начальников штабов окольным путем — через официальные документы или устно от заместителя министра обороны Куорлза, а также от председателей комитета начальников штабов адмирала Рэдфорда и генерала Туайнинга. Между тем президент держался в стороне от внутренних вопросов комитета начальников штабов, рассчитывая, по-видимому, что разрешением противоречий в комитете будет заниматься министр обороны. Вопрос о желательности неофициальной встречи с начальниками штабов ставился перед президентом несколько раз. В июле 1957 года президент после беседы со мной дал указание своему аппарату договориться с комитетом о проведении таких встреч каждые два месяца. По неизвестным мне причинам этот порядок не был введен в действие.

Если основные вопросы не могут быть решены менее формальными методами, министр обороны всегда может дать указание начальникам штабов сформулировать заявление по этим вопросам в такой форме, которая бы облегчила ему принятие решения. Определив собственную позицию по основным вопросам, министр затем может изложить ее письменно в беспристрастном и ясном

виде и тем самым покончить с неопределенностью руководства. Такой акт восстановит желаемую процедуру выработки стратегии и даст комитету начальников штабов твердую базу для осуществления своих функций. Однако не похоже, что руководство подвергнется такой перестройке. Выработка стратегии Соединенных Штатов превратилась в более или менее случайный побочный продукт административного процесса разработки военного бюджета.

Из рассмотрения в третьей и четвертой главах превратностей «нового курса» должно быть ясно, что министр обороны, руководствуясь при определении военной стратегии чисто бюджетными соображениями, уподобляется ремесленнику, который не видит конечного продукта своего труда. Установление этой руководящей линии не является с его стороны произвольным актом. К этому министра обороны побуждает необходимость действовать в соответствии с политикой органов исполнительной власти, особенно с указаниями бюджетного управления. С ослаблением роли органов, вырабатывающих стратегию, министру обороны пришлось взять это дело на себя, для чего он устанавливает основные принципы распределения бюджета в соответствии с ассигнованиями на военные расходы. Эти основные принципы оказали определяющее влияние на военное положение Соединенных Штатов, каким оно является теперь и останется на будущие годы.

Принятая руководящая линия обычно лимитировала людские ресурсы для вооруженных сил и общую сумму военных расходов. Она часто влияла и на внутреннее распределение расходов между видами вооруженных сил. Временами лимитировались также размеры запасов снаряжения, предметов снабжения и боеприпасов, которые разрешалось накапливать видам вооруженных сил для обеспечения нужд войны. С каждым годом усиливалась тенденция урезать размер запасов и, следовательно, сокращать продолжительность времени, в течение которого наши войска смогут снабжаться на театрах, прежде чем к ним начнут поступать предметы развивающегося военного производства.

С получением руководящих указаний по бюджету командование видов вооруженных сил приступает к разработке в соответствии с ними своих бюджетов. В про-

цессе этой работы министров и начальников штабов видов вооруженных сил часто вызывают на совещания к министру обороны и начальнику финансового управления. Я видел, что и Вильсон, и Макэлрой были заинтересованы в том, чтобы получить от начальников штабов полный отчет об исполнении ими руководящих указаний при разработке бюджета. И хотя эти совещания превращались в продолжительные дискуссии, у меня складывалось впечатление, что они не оказывают существенного влияния на конечные результаты. Независимо от того, насколько красноречивыми были представители видов вооруженных сил, фиксированный процент бюджета, как мы видели, годами оставался неизменным: армии — 23 процента, ВМС и морской пехоте — 28 процентов, военно-воздушным силам — 46 процентов.

У этого метода разработки бюджета видами вооруженных сил есть серьезный недостаток: он затушевывает влияние бюджета на функциональные силы. Иными словами, каждый из трех видов вооруженных сил развивается более или менее изолированно, так что функциональные силы, например стратегические силы возмездия, состоящие из флота и авиации, никогда не рассматриваются в комплексе. То же самое относится и к средствам континентальной противовоздушной обороны, поскольку и в данном случае мы имеем дело с комплексом вооруженных сил. То есть, имея в виду боевые функции, мы рассматриваем наши силы в одной плоскости, скажем, в горизонтальной, а разрабатывая бюджет, — в другой, вертикальной. Правильно сказал президент Эйзенхауэр: «Минули времена, когда войны велись отдельно наземными, морскими и воздушными силами». Для меня это заявление означает, что мы должны организовать наши боевые силы по принципу оперативных групп, обеспечить командующих на театрах военных действий сбалансированными сухопутными, морскими и воздушными силами в соответствии с задачами, которые им надлежит выполнять. Нельзя считать нормальным, что мыслим мы в таких категориях, как объединенные силы, сбалансированные для ведения боевых действий, а строим свои вооруженные силы все еще в расчете на армию, флот, воздушные силы в отдельности. В результате никто не знает, что Соединенные Штаты получают за свои деньги, какая боевая мощь приобретается за каж-

дый финансовый год или в течение ряда лет в совокупности.

Чтобы показать недостатки нынешнего «вертикального» порядка разработки бюджета, я придумал «притчу о незадачливом сержанте — начальнике столовой» и рассказал ее 25 июня 1959 года в национальном клубе печати. Может быть, стоит повторить притчу здесь для иллюстрации этого в общем-то технического вопроса.

Жил-был ротный командир, у которого было много хлопот со столовой. Солдаты жаловались на питание, самовольно отлучались из части, словом, моральное состояние в роте было низкое. И вот решил командир лично выяснить вопрос со столовой.

Надо заметить, что он не стал приглашать специалистов со стороны. Ему не нужен был диетолог или директор ресторана. Он считал, что безответственные советы со стороны не принесут пользы. Это был старомодный, уже не часто встречающийся тип человека, который все хочет делать сам.

Капитан довольно быстро выяснил, в чем тут дело. А беда заключалась в том, что сержант, который руководил работой кухни, совсем недавно был назначен на эту должность, причем благодаря способностям, которые он проявил как финансовый работник.

И вот, образцовый служака, не специалист в новом деле, сержант попал под влияние четырех поваров, и в этом заключалось его несчастье. Повара, этикие независимые парни, были себе на уме. Так как каждый из них хотел приглядывать за остальными тремя, они настояли, чтобы им разрешили работать в одну смену. И хотя один из них был несколько старше других, они друг другу не подчинялись.

Дело осложнялось тем, что каждый из этих поваров был мастером в одной определенной области. Двое из них (они учились вместе) любили готовить почти одинаковые блюда, в особенности воздушное суфле. Третий был специалистом по морской кухне или, как говорят французские повара, по «продуктам моря». Четвертый, настоящий увалень, любил готовить картофель с мясом. Каждый был по-своему хорош, но они не умели составлять единое меню, и каждый составлял свое собственное.

Утром, когда сержант отправлялся за продуктами, четыре повара приносили ему четыре меню на день, и каждый отставал перед взволнованным сержантом свое. Сержанту ничего не оставалось, кроме как поспешить на рынок с этими меню. Он, однако, видел, что каждое из них стоит столько, сколько он должен затратить на весь день.

На рынке сержанту всегда приходилось туго. Продавцы наперебой предлагали ему свои товары, и он невольно покупал у более энергичных. Нужно сказать, что прежде он убеждался, нужен ли этот продукт хотя бы одному из поваров. Истратив все деньги, сержант возвращался в роту и отдавал продукты поварам, а те вечно были недовольны его покупками и зло подшучивали над ним. И они были правы, так как даже самый искусный повар не смог бы приготовить из таких продуктов сколько-нибудь хорошие блюда, которые бы пришлись по вкусу солдатам роты.

Итак, капитан вызвал сержанта и поваров и завел с ними чистосердечный разговор. «Ребята, — сказал он, — я намерен все это изменить. Сержант, сначала вы должны потребовать от поваров, чтобы они составили контрольное меню по меньшей мере на неделю, а затем согласовать его со мной. Если повара не смогут работать вместе, поручите дело лучшему из них, а остальных увольте. Далее. Важно уложиться в продовольственный лимит, но главное — это стараться, чтобы пища была разнообразной, калорийной. Смотрите, чтобы на рынке вам не всучили ненужный товар: покупайте только то, что требуется контрольными меню, и смотрите, чтобы повара готовили пищу в соответствии с ними. Если для улучшения питания вам нужна помощь, создайте совет столовой из нескольких старейших сержантов и время от времени обращайтесь к ним за советом, как вести дела в столовой лучше».

Сержант так и сделал. Работа столовой наладилась, и самовольные отлучки прекратились. Никто больше не жаловался, что в рацион входит слишком много компота, но мало хлеба и мяса. Завтрак давали утром, а не в полдень или вечером. Моральное состояние солдат повысилось. Сержант остался на этой работе, а капитан получил повышение.

Почему все это удалось уладить? Потому что капитан оценил обстановку в свете изменившихся условий и подсказал сержанту, как сделать, чтобы рацион представлял собой разнообразное уравновешенное сочетание блюд, в приготовление которых каждый повар вкладывал бы свое мастерство с учетом запросов солдат. Составление меню стало единым процессом, а не разрозненными действиями поваров-соперников.

Вот и вся «притча о незадачливом сержанте — начальнике столовой».

Если рассматривать президента — как капитана, министра обороны — как незадачливого сержанта, а председателя комитета и трех начальников штабов — как поваров, станут ясны предлагаемые реформы высших органов обороны США.

При теперешней практике после того как все три вида вооруженных сил согласовали с министром обороны свои бюджеты, он суммирует эти три бюджета и прибавляет процент, резервируемый для аппарата министерства обороны. Хотя члены комитета в качестве начальников штабов видов вооруженных сил участвуют в разработке бюджета своего ведомства, до сих пор комитет начальников штабов, как единая организация, не принимает участия в разработке всего военного бюджета в целом.

Именно в связи с этим министр обороны в 1959 году неожиданно «швырнул» начальникам штабов бюджет на 1960 год и спросил их мнение о его пригодности. (Я уже упоминал об этом случае в четвертой главе.) По-види-

тому, министр вдруг понял, что бюджет, прежде чем пошлют его в конгресс, должен быть утвержден комитетом. Возбуждение общественности, вызванное впоследствии этим случаем, способствовало изменению взгляда на роль, которую следует отвести комитету начальников штабов в разработке бюджета. До тех пор пока эта роль не будет повышена, в теперешней процедуре останется серьезный изъян, не дающий официальной возможности установить связь между военными потребностями, программами и бюджетом. Взаимосвязь этих трех элементов внутри каждого военного министерства обеспечивается с учетом бюджета данного ведомства, но в масштабе министерства обороны соответствующий порядок обеспечения взаимосвязи не установлен. Вследствие этого на сегодняшний день наша стратегия является, скорее, продуктом административной и бюджетной импровизации, чем аналитической оценкой наших военных потребностей и научной разработкой, направленной на обеспечение этих потребностей всеми ресурсами, доступными для национальной обороны. Каждый год наши действующие военные программы рассчитываются на будущее посредством очередного увеличения бюджета с сохранением того же направления, какое им было дано бюджетными мероприятиями прошлых лет. Если говорить языком ракетчиков, руководство программами осуществляется «самоцаведением», не прибегая к «командному управлению» или прибегая к нему лишь в незначительной мере, чтобы переориентировать их применительно к изменению международной обстановки. Эти военные программы громоздки и, следовательно, трудно поддаются изменению: в вооруженных силах и в экономике имеются мощные силы, стремящиеся укрепить статус-кво. Я уверен, что постоянный упор на массивированный ответный удар и на нужды всеобщей войны вытекает в такой же мере из трудности преодоления этих внутренних и внешних сил, как и из действительной уверенности в правильности принятой у нас стратегии. Сохранение с 1953 года неизменного процентного соотношения в распределении бюджета между видами вооруженных сил является ясным доказательством отсутствия гибкости в наших военных приготовлениях. Такой мертвый шаблон мог бы быть оправдан, если бы мир оставался неизменным с 1953 года. Однако вряд ли кто-нибудь считает, что это так.

ГЛАВА VIII

ГИБКОЕ РЕАГИРОВАНИЕ — НОВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ПРОГРАММА

Теперь, когда мы выяснили некоторые основные недостатки процедуры выработки нашей стратегии и применения военных ресурсов, надо серьезно, по-деловому, решить, что следует предпринять. Прежде всего я хотел бы вернуться к высказанной ранее мысли о появлении новых факторов, требующих полного пересмотра наших военных потребностей. Каковы же эти факторы и в чем выразилось их влияние на безопасность США?

Первый фактор — это утрата Соединенными Штатами технического превосходства над СССР во многих областях военной техники. Конечно, на основании ограниченного количества фактов опасно делать обобщения, тем не менее нельзя отрицать, что Советский Союз на сегодняшний день опередил Соединенные Штаты в таких важных областях, как ракеты дальнего действия и освоение космического пространства. Скептически относясь ко всякого рода информации, преувеличивающей силы противника, я не торопился признать факт и определить значение так называемого ракетного отставания. И все-таки я, сам того не желая, убедился, что такое отставание есть. В сочетании с другими факторами оно оказывает самое серьезное влияние на нашу военную безопасность.

У нас достаточно данных, свидетельствующих о том, что Советский Союз значительно раньше Соединенных Штатов добился ускоренных темпов развития ракет среднего и дальнего радиуса действия. СССР сэкономил деньги на бомбардировочной авиации и тратил их на ракеты. Мы должны признать также, что он успешно осу-

ществляет свою программу по ракетам, несмотря на отдельные неудачи, хорошо знакомые теперь всем создателям этого нового вида оружия. Мое личное заключение таково, что примерно до 1964 года Соединенные Штаты, по-видимому, будут значительно уступать русским в количестве и эффективности ракет дальнего действия, *если мы теперь же не предпримем героических мер.*

Второй фактор — отсутствие у Соединенных Штатов эффективной противоракетной обороны, в результате чего преобладание ракетной мощи русских будет иметь все возрастающее значение. Как я уже упоминал, вскоре после второй мировой войны армия предвидела необходимость в противоракетном снаряде, и в 1955 году, после ряда предварительных исследований, приступила к серьезной работе над противоракетным снарядом «Найк-Зевс».

Этот снаряд является единственным разрабатываемым теперь оружием, дающим надежды на успешную борьбу с баллистическими ракетами противника. В 1957 году я, как и некоторые другие представители армии, настаивал на осуществлении в ударном порядке программы стоимостью в шесть миллиардов долларов с тем, чтобы к 1961 году получить на вооружение противоракетный снаряд «Найк-Зевс». Министр обороны и мои коллеги по комитету начальников штабов решительно воспротивились этой программе, ссылаясь на отсутствие уверенности в ее успехе. В результате такого противодействия больших ассигнований на «Найк-Зевс» не делали, а ограничились лишь выделением определенной суммы на научно-исследовательскую работу. Таким образом, *если не предпринять теперь героических мер,* будет невозможно обеспечить активную противоракетную оборону Соединенных Штатов в течение ряда лет.

Эти два фактора — превосходство советских ракетных сил и отсутствие у Соединенных Штатов средств обороны против баллистических ракет — ставят нашу страну на ближайшие годы в очень опасное положение. Наша теперешняя возможность предотвратить всеобщую ядерную войну базируется на превосходстве Соединенных Штатов в пилотируемых бомбардировщиках, дополняемых в некоторой степени управляемыми снарядами. Количество средств доставки ядерного оружия, которое мы и наши союзники сегодня можем выставить против Советского

Союза, является преобладающим, я бы даже сказал — избыточным. Однако наше превосходство в пилотируемой авиации все более теряет свое значение. Мы располагаем данными, свидетельствующими о том, что Советский Союз уже имеет в важнейших пунктах сильную ракетную противовоздушную оборону. Если его зенитные ракеты так же хороши, как наши, и количество их будет расти, нашим бомбардировщикам очень скоро придется платить непопозволительно высокую цену за попытку нанести удар.

К 1961 году СССР должен иметь очень большие ракетные силы, которые обеспечат ему серьезные преимущества для нападения и серьезно затруднят наши ответные удары. Можно полагать, что советские ракеты будет очень трудно, а может, и невозможно найти. Аэродромы легко обнаруживаются посредством фотографирования, и они представляют отличные цели для заблаговременно планируемых ударов. Но ракетные стартовые позиции обнаружить далеко не так легко. Судя по тому, что нам известно о советских методах, мы можем сделать вывод, что они полностью используют преимущества маскировки, рассредоточения и мобильности для своих ракет¹. Следовательно, в течение долгого времени выбор системы целей, рассчитанной на удары по советским ракетным силам, даст нам мало преимуществ. Наша безопасность в случае всеобщей ядерной войны может базироваться только на сдерживании. Чисто военными средствами устранить опасность невозможно.

Вместе с тем выдержать неожиданный удар со стороны СССР также становится все более трудно. Оповещение о приближающихся ракетах будет делом минут, а не часов. Аэродромы легко обнаруживаются, и пилотируемые бомбардировщики, от которых в большой степени зависит наша мощь, будут весьма уязвимы. За внезапным ударом баллистических ракет может последовать удар пилотируемых бомбардировщиков, возможно на небольших высотах. Наше гражданское население понесло бы катастрофические потери, особенно от радиоактивных осадков, против которых в масштабе всей страны защиты нет.

¹ Таким образом, автор признал, что Пентагон предусматривает осуществление так называемого «упреждающего удара» и фактически внезапного нападения на Советский Союз. — *Прим. ред.*

В общем, следует сказать, что до 1961 года, ввиду нашего превосходства в пилотируемых бомбардировщиках, которые все же имеют некоторый шанс выйти на цель, Соединенные Штаты будут, по-видимому, иметь значительное преимущество, если их не застигнут врасплох. Если же Советскому Союзу удастся нанести внезапный удар, шансы выстоять у обеих сторон окажутся примерно одинаковыми, так как количественное превосходство американских средств доставки ядерного оружия над советскими будет значительно компенсировано недостаточной защищенностью военных и гражданских объектов на территории США.

В период после 1961 года состав американских сил возмездия будет смешанным: баллистические ракеты и бомбардировщики, применяемые с выявленных противником стационарных баз на территории США. В качестве частичной компенсации за такое открытое расположение сил возмездия мы можем рассчитывать на некоторые меры по укреплению и рассредоточению объектов и, если все пойдет хорошо, — на получение некоторого количества подводных лодок, вооруженных ракетой «Поларис». Но в течение еще нескольких лет мы не сможем иметь противоракетной обороны (включая раннее оповещение). Оборона против бомбардировочных ударов может быть несколько улучшена, но оборона против воздушных ударов с небольших высот, как и эффективные меры укрытия гражданского населения от радиоактивных осадков, вряд ли будут осуществимы.

Можно ожидать, что в этот период СССР будет иметь заметное превосходство в межконтинентальных ракетах, в разведке стратегических объектов, в прикрытии и укрытии своих стратегических ударных сил. У него, возможно, будет хорошая оборона против бомбардировочных ударов и перспективная программа местной противовоздушной обороны. В этих условиях Соединенные Штаты окажутся в весьма невыгодном положении для ведения всеобщей ядерной войны, независимо от того, как будет нанесен первый удар. Есть, однако, возможность смягчить это положение — *тотчас же принять героические меры.*

Конечным результатом влияния этих двух факторов в настоящее время и последующий после 1961 года период

явится резкое снижение наших возможностей предотвратить всеобщую ядерную войну.

До сих пор мы были правы, считая, что возможность преднамеренного развязывания всеобщей ядерной войны любым из блоков держав весьма маловероятна. Часто мы говорили, что с момента изобретения ядерного оружия мощностью в миллионы тонн, наиболее вероятной формой военных действий будет ограниченная война. До сих пор история подтверждала эту точку зрения. Однако на последующие годы мы предвидим тенденцию к падению нашей обороноспособности против преднамеренно развязанной всеобщей ядерной войны. В условиях изменяющейся обстановки СССР может испытывать значительно бóльший соблазн прибегнуть к неожиданному удару. В конце концов, он может не устоять перед таким соблазном¹.

В то же время существенно возрастает возможность всеобщей войны в результате ошибки или просчета. С каждым годом количество ядерного вооружения и ядерных боеголовок, находящихся в распоряжении противостоящих держав, возрастает. Тем самым повышается математическая вероятность несчастных случаев, которые могут быть ошибочно приняты за враждебные акты. Отсюда третий фактор, вытекающий из первых двух; мы не можем далее с полной уверенностью рассчитывать на нашу способность предотвратить всеобщую войну и должны провести необходимую подготовку, чтобы выжить в ядерной войне, преднамеренно развязанной Советским Союзом или возникшей вследствие ошибки или случайности.

Этот упадок сдерживающей способности имеет серьезное значение не только с точки зрения возможности нашего поражения во всеобщей войне, но и потому, что увеличивается наша уязвимость.

Со времени губительной демобилизации армии США в 1945 году советское превосходство в сухопутных силах

¹ Очередное клеветническое утверждение, цель которого извратить перед американским читателем действительную позицию Советского Союза и добиться больших ассигнований на военные нужды. Миротлюбивая политика СССР находит признание у народов всего мира. Поэтому говорить о том, что Советский Союз может прибегнуть к неожиданному нападению, — значит, сознательно исказить факты и клеветать на СССР. — *Прим. ред.*

постоянно увеличивалось, кроме, может быть, непродолжительного периода корейских событий. За последние годы Советский Союз создал армию в два с половиной миллиона человек, перевооружив ее со времени второй мировой войны наиболее современным обычным и ядерным оружием¹. Армия эта в большей мере, чем советские баллистические ракеты, символизирует безжалостную коммунистическую мощь и является политическим оружием, имеющим для СССР огромную ценность. С переходом к политике «нового курса» Соединенные Штаты стремились убедить мир, что могут противопоставить обычным сухопутным силам угрозу стереть их с лица земли атомными бомбардировками, если будет предпринята агрессия против США или их друзей. Теперь наша все возрастающая относительная слабость в эффективном оружии всеобщей войны сводит к нулю ту ценность, какой эта угроза массированного ответного удара когда-либо обладала. И все же, несмотря на это обстоятельство, до сих пор раздаются голоса о невозможности ограниченных войн в зоне НАТО. Такое предположение означает, что любое столкновение дозоров в районе, скажем, Берлина, автоматически приведет к всеобщей ядерной войне. Такие пророчества не оставляют иного выхода, кроме обоюдного самоубийства или отступления перед лицом превосходящих советских обычных сил и мало способствуют укреплению уверенности у наших союзников в Европе. Более того, эти утверждения бессмысленны. Если люди обладают здравым смыслом и решимостью сохранить руководство народами, они прежде всего предпримут все меры, исключая всеобщую войну, для противодействия агрессии, независимо от того, кто ее совершил.

Почему Соединенные Штаты не предприняли решительных усилий для развития обычных сил, подобных тем, какие имеются в СССР? Отвечая на этот вопрос, мы привыкли ссылаться на одну и ту же причину, в которую мы, возможно, уверовали: наша страна якобы безнадежно слабее коммунистического блока в людских ресурсах. Такое утверждение не соответствует истине.

¹ Советское правительство, проводя неоднократные односторонние сокращения своих вооруженных сил, конкретно доказало, что оно стояло и стоит за действительное разоружение и сокращение вооруженных сил и их полную ликвидацию. — *Прим. ред.*

Следующая таблица показывает последние данные о численности мужского населения военных возрастов в странах коммунистического блока и свободного мира¹.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О РЕСУРСАХ ДЕЕСПОСОБНОГО
МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЕННЫХ ВОЗРАСТОВ
(В МИЛЛИОНАХ)**

Страны свободного мира		Страны коммунистического блока	
Соединенные Штаты . . .	31,0	Советский Союз	41,0
Страны НАТО (без США)	54,4	Европейские страны коммунистического блока	17,4
<hr/>		<hr/>	
Всего в зоне Европы	85,4	Всего в зоне Европы	58,4
Страны СЕАТО (без США, Англии и Франции) . . .	20,4	Коммунистический Китай	84,5
Американские страны (без США)	24,0	Северная Корея	0,9
Иран	2,2	Северный Вьетнам	1,6
Южная Корея	2,8		
Япония	18,3		
Националистический Китай	2,4		
Южный Вьетнам	1,4		
<hr/>			
Итого	156,9	Итого	145,4

Таким образом, мы видим в людских ресурсах свободный мир превосходит коммунистический блок во всех стратегических районах, кроме Дальнего Востока, к тому же значительная часть людских ресурсов коммунистического Китая не может быть использована из-за

¹ Нет необходимости вступать в полемику с автором по поводу проводимых им статистических данных, ибо не одной численностью мужского населения определяется соотношение сил двух лагерей на международной арене. Н. С. Хрущев указывает: «При определении соотношения сил надо учитывать многие факторы — экономический и военный потенциал, население и другие факторы материального и морального характера. Тут простая арифметика может серьезно подвести». Если учитывать эти факторы, то любой объективный исследователь придет к выводу, что соотношение сил на международной арене в современных условиях сложилось явно не в пользу стран так называемого «свободного мира», к которым автор относит страны, входящие в агрессивные империалистические блоки. Характерно, что автор к странам «свободного мира» отнес и Южную Корею и Тайвань, и такие страны, где господствуют жестокий террор и диктатура, а свобода выражается главным образом в том, что эксплуататоры «свободню» грабят трудящихся. — *Прим. ред.*

ограниченности средств снабжения и транспорта. Свободный мир может обороняться силой обычного оружия, если его руководители намерены увеличить его производство. К счастью, время, необходимое для ликвидации теперешнего неблагоприятного для нас соотношения обычных сил обоих блоков, не превышает двух — трех лет. Следовательно, мы могли бы предпринять кое-какие действия в этом направлении значительно раньше, чем удастся изменить соотношение сил в области ракет дальнего действия и противоракетной обороны, что потребует длительного времени на научно-исследовательскую работу и организацию серийного производства. *Но решать этот вопрос надо теперь.*

Итак, Соединенные Штаты в течение нескольких лет будут уступать Советскому Союзу как в средствах ведения всеобщей войны, так и в обычных силах, предназначенных для противодействия войне на истощение. Это период, на протяжении которого нашим руководителям трудно будет укрепить положение США в мире перед лицом возможного усиления давления со стороны Советского Союза. Эти неблагоприятные условия будут способствовать ослаблению уз в наших блоках и усилению тенденций к нейтрализму и к компромиссам. Навязчивая боязнь всеобщей ядерной войны в результате внезапного удара Советов или вследствие просчета тяжело скажется на наших руководителях, от которых в условиях относительной слабости США потребуются решительные действия. Это опасное бессилие нашей страны и всего свободного мира может быть преодолено и ликвидировано, если мы немедленно примем некоторые срочные меры, которые займут у нас сравнительно мало времени и будут стоить относительно небольших денег. В то же самое время мы должны направить свои усилия на выработку национальной стратегии гибкого реагирования.

Этих срочных мер всего четыре:

1. Улучшение планирования и боевой подготовки в интересах ограниченной войны.

2. Разработка мобильных ракет среднего радиуса действия.

3. Обеспечение лучшего прикрытия для стратегического авиационного командования.

4. Осуществление ограниченной программы строительства укрытий от радиоактивных осадков.

Последние два пункта не нуждаются в пространных комментариях. Наши пилотируемые бомбардировщики, базирующиеся на известные противнику аэродромы, становятся все более уязвимыми в случае внезапного удара. Поскольку в течение еще нескольких лет нам придется зависеть от них и поскольку «укрепление» авиационных баз (то есть строительство бетонных укрытий или подземных сооружений) обходится очень дорого, самое лучшее, что мы можем сделать, — это рассредоточить бомбардировщики на большем количестве аэродромов и держать максимально возможное число их в состоянии готовности к вылету по тревоге.

Полное прикрытие центров правительственного руководства и гражданского населения от атомных ударов — это гигантское мероприятие огромной стоимости. Однако исследования возможных потерь среди населения при обмене атомными ударами указывают на значительные преимущества очень простых убежищ, защищающих только от радиоактивных осадков. Осуществление программы строительства таких убежищ в масштабе всей страны обошлось бы не особенно дорого, а достигнутая эффективность ее дает полное основание включить ее в число «срочных мер».

Необходимость разработки мобильных ракет среднего радиуса действия требует некоторых пояснений. Армия всегда считала, что мобильные баллистические ракеты среднего радиуса действия обладают большими возможностями по усилению наших ядерных сил устрашения. Учитывая это, армия с ноября 1955 года стала форсировать испытания ракеты «Юпитер» под умелым руководством генерал-майора Медериса, доктора Брауна и его группы германо-американских ученых. Однако эта программа в ноябре 1956 года получила серьезный отпор, когда министр обороны Вильсон принял роковое решение передать оперативное руководство проектом «Юпитер» военно-воздушным силам. Решение министра обороны фактически убило проект армии, потому что военно-воздушные силы никогда им не интересовались.

Штаб ВВС в ноябре 1958 года потребовал, в частности, от армии лишить баллистические ракеты среднего радиуса действия мобильности, словно в ней заключалась какая-то ересь. А ведь «Юпитер» был специально рассчитан на использование в полевых условиях. При-

чину этого требования понять трудно. Возможно, она кроется в том, что ВВС привыкли мыслить такими категориями, как аэродромы с акрами бетона и сооружениями постоянного типа. Возможно, что мобильная ракета для ее передвижения, установки, прикрытия и запуска нуждается в войсках обслуживания. Такие войска включают транспортные части для обеспечения передвижения по дорогам и вне дорог, инженерные части для строительства дорог и пусковых площадок, части связи для организации полевой связи, пехоту для непосредственной обороны и ремонтно-технические части для ремонта и обслуживания. Все это было бы необходимо, если бы «Юпитер» применялся в мобильном варианте. Таким образом, решение организовать части мобильных баллистических ракет логически привело бы к передаче оперативного использования этого оружия обратно в руки армии, где оно должно оставаться все время.

В чем бы ни заключалась причина создавшегося положения, баллистические ракеты среднего радиуса действия не оправдывают тех огромных сумм, какие Соединенные Штаты затратили на них. Поскольку ВВС не проявили интереса к использованию этих ракет в войсках США, правительство пыталось заинтересовать ими наших союзников, что вызвало серьезные политические затруднения. В результате только Англия согласилась взять на вооружение ракету «Тор». Хотя в основе отрицательного отношения к ним со стороны некоторых государств лежат и другие причины, тот факт, что эти ракеты требуют стационарных пусковых площадок и лишены мобильности, напоминает для принимающей их стране, что эти стационарные установки в случае всеобщей войны явятся своего рода магнитами и навлекут на себя ядерные удары противника. Следует сказать, что ракета «Юпитер» была всесторонне испытана, она действовала как оружие большой точности и высокой потенциальной ценности. Ее мобильность может быть восстановлена. И, несмотря на это, она остается в стерильной неприкосновенности в такое время, когда Соединенные Штаты стоят перед лицом тягостных последствий отставания в области межконтинентальных баллистических ракет.

Следовательно, по моему мнению, одной из «срочных мер», которые мы должны незамедлительно принять,

является восстановление программы ракеты «Юпитер», передача ракеты в распоряжение армии и срочное размещение ее в заокеанских районах в пределах досягаемости важных советских объектов. Я не вижу препятствий к размещению ракет «Юпитер» на территориях, контролируемых Соединенными Штатами, и многие трудности, связанные с получением согласия от иностранных государств принять их, исчезнут, если ракеты можно будет разместить в горах, долинах и пустынях. Для обеспечения их мобильности могут быть использованы железнодорожные платформы, автомашины и баржи.

Первая из перечисленных выше «срочных мер» направлена на то, чтобы извлечь максимальную пользу из имеющихся у нас сил, предназначенных для ведения ограниченной войны. Они находятся главным образом в континентальной части США и состоят из частей армии, флота, морской пехоты и ВВС, совершенно не связанных между собой процессом планирования и боевой подготовки.

У комитета начальников штабов нет единых утвержденных планов по сбору, обучению и быстрой переброске этих разнородных сил, образующих главный резерв для усиления наших заокеанских группировок и для ведения ограниченной войны. Нет единого штаба, который руководил бы планированием перебросок за океан или устанавливал бы сроки готовности к переброскам. Хотя совместные учения с привлечением некоторых из этих частей время от времени и практикуются, но проводятся они нерегулярно и ограниченными средствами. Я предпочел бы создание объединенного штаба, вроде штаба стратегических ВВС, который осуществлял бы руководство планированием, боевой подготовкой и перевозкой сил, выделенных из всех видов вооруженных сил для возможного применения в ограниченной войне. Такой штаб предназначался бы специально для обеспечения готовности к ограниченной войне, как штаб стратегических ВВС предназначается для всеобщей войны. Расходы были бы невелики, а достигнутые преимущества — очень значительны.

Для разработки планов быстрой переброски сил этот штаб ограниченной войны должен иметь некоторое представление о том, на какое количество авиационных и морских транспортных средств он может рассчитывать.

Этот вопрос имеет особенно важное значение для сухопутных войск, поскольку армия по характеру своей организации находится в зависимости от транспортных средств ВВС и флота и вынуждена обращаться к ним за получением лимита на средства для стратегических перебросок. До сих пор выделение авиационных и морских транспортных средств, необходимых для переброски армейских частей, планировалось заблаговременно. Когда армия запрашивала, кто же конкретно будет осуществлять перевозку, ей отвечали, что в случае возникновения военной опасности комитет начальников штабов решит этот вопрос. Таким образом, совместное предварительное планирование перевозок армией, ВВС и ВМС с целью сокращения времени подготовки частей первого эшелона для отправки за океан оказалось невозможным.

Поскольку было бы просто неэкономно приковывать авиацию к аэродромам в ожидании возможного использования ее для переброски сухопутных войск, ни я, ни какой-либо другой ответственный представитель армии никогда не предлагали подобной меры. Однако было бы полезнее, если бы ВВС предназначили определенные эскадрильи стратегической транспортной авиации для ведения совместного планирования с армейским командованием. Самолеты этих частей по-прежнему занимались бы своим делом на территории США, не будучи связаны задачей транспортировки сухопутных сил, но их командиры знали бы, что в случае чрезвычайной обстановки, они немедленно получают приказ перейти на определенные аэродромы для перевозки определенных сухопутных частей. Таким образом, армейские и авиационные командиры могли бы разработать подробные единые планы и обеспечить заокеанские переброски с максимальной быстротой и эффективностью. Штаб ограниченной войны мог бы проводить мероприятия, направленные на поддержание готовности этих частей. Перечисленные выше меры в совокупности оказались бы дешевыми, но важными «срочными мерами» по ликвидации нашей неподготовленности к ограниченной войне.

После того как мы приступим к осуществлению «срочных мер», перед нами встанет более широкая задача: пересмотреть свою национальную стратегию и пе-

реориентировать ее в сторону гибкого реагирования. При этом будет необходимо учесть новые факторы, вызывающие необходимость перехода к другой стратегии, оценить влияние и эффект «срочных мер» и определить конкретные цели новой программы. Эти цели должны состоять в предотвращении ядерного нападения на Соединенные Штаты, предотвращении ограниченной войны или одержании победы в ней везде, где бы она ни возникла (включая коммунистическую агрессию против НАТО с применением обычного оружия), а также в принятии мер к тому, чтобы выстоять в случае, если всеобщую войну предотвратить не удастся или если она разразится в результате рокового просчета.

Приступая к пересмотру стратегии, мы должны в первую очередь признать, что наши ядерные силы устрашения имеют ограниченное применение. В обстановке, которая предвидится на ближайшие годы, нам, нашим союзникам, равно как и противникам, представляется невероятным, что мы применим эти силы для какой-либо иной цели, кроме обеспечения национального существования. При каких обстоятельствах наше существование окажется под угрозой? Прежде всего в следующих двух бесспорных случаях: когда континентальная часть территории США подвергнется ядерному нападению или когда будут обнаружены неоспоримые признаки того, что такое нападение должно вскоре произойти. Также возможен третий случай — когда Западная Европа подвергнется нападению крупными силами. Включение этого района в зону коммунизма, в конце концов, создаст угрозу нашему национальному существованию. Следовательно, наши ядерные силы возмездия могут быть преднамеренно применены только при перечисленных выше обстоятельствах.

Уяснив ограниченное действие наших ядерных сил устрашения, мы должны соответственно изменить определение всеобщей войны так, чтобы оно было равнозначно обмену ядерными ударами между Соединенными Штатами и СССР. К понятию «ограниченная война» в таком случае будут относиться все прочие формы вооруженной борьбы. Решая вопрос о применении ядерного оружия в ограниченных войнах, следует принять во внимание, что в таких войнах будет применено главным образом обычное оружие. В то же время мы должны

быть готовы применить тактическое атомное оружие в тех сравнительно редких случаях, когда этого потребуют национальные интересы США.

Национальная военная программа гибкого реагирования прежде всего должна содержать безоговорочный отказ от стратегии массированного ответного удара. Нужно недвусмысленно заявить, что Соединенные Штаты будут готовы дать отпор противнику в любое время и в любом месте такими средствами и силами, какие будут соответствовать данной обстановке. Таким образом, мы вернем войне ее историческое оправдание, как средству обеспечения лучшего устройства мира после успешного завершения военных действий.

Эти общие, основные решения относительно целей и характера нашей стратегии, применения ядерного оружия и указания, к какой войне мы должны готовиться, должны быть приняты президентом по рекомендации совета национальной безопасности. После утверждения этих решений они послужат комитету начальников штабов основой для определения типа, объема и очередности создания вооруженных сил, необходимых для осуществления принятой стратегии.

Так как развитие некоторых видов вооруженных сил связано с чрезвычайно большими затратами, необходимо, чтобы в нашей новой военной программе на первое место выдвигалось важнейшее и чтобы такая очередность была оправдана. По-моему, наша военная программа должна предусмотреть в качестве первоочередной задачи осуществление «срочных мер» в двух областях — в модернизации ядерных сил устрашения и их прикрытии и в создании специальных сил для ограниченной войны, необходимых для преодоления превосходства советской сухопутной армии. Вслед за этим я провел бы тщательные выборочные подготовительные меры по усовершенствованию континентальной противовоздушной обороны, удовлетворению потребностей развернутой мобилизации и сохранению жизни населения, чтобы обезопасить себя на случай, если сдерживание не увенчается успехом. Осуществление мероприятий во всех этих областях потребует больших денежных затрат. Пока не будет определена в деталях стоимость всей программы, нельзя будет ясно представить темпы ее осуществления.

Допустим, министр обороны одобрил в принципе очередность мероприятий. Тогда комитет начальников штабов был бы готов определить характер и размеры необходимых специальных сил и методы их использования, или, говоря языком Пентагона, определить критерий достаточности сил, расписание сил и стратегическую концепцию.

Формулирование стратегической концепции в нашей военной программе должно предусмотреть, каким образом вооруженные силы США будут применены в условиях холодной, ограниченной и всеобщей ядерной войны. Оно должно дать общие указания, куда будут направлены наши главные усилия, и определить общие задачи сил на территории США и за границей применительно к различным условиям военной обстановки.

Перечень сил, необходимых для осуществления этой стратегической концепции, безотносительно к их удельному весу будет включать: первое — ядерные силы устрашения как наступательные, так и оборонительные; второе — силы континентальной противовоздушной обороны; третье — заокеанские группировки; четвертое — силы стратегического резерва; пятое — воздушные и морские силы, необходимые для придания американским резервам стратегической мобильности и обеспечения воздушных и морских коммуникаций. Нетрудно будет добиться согласия начальников штабов о необходимости иметь все эти типы вооруженных сил. Гораздо труднее будет разрешить вопрос об объеме каждого из них. Однако и здесь может быть достигнуто единое мнение хотя бы относительно качественного состава сил, если предварительно удастся добиться общего согласия с предложенной выше последовательностью усилий.

Нет двух мнений по вопросу о необходимости выдвинуть на первый план задачу модернизации и прикрытия ядерных сил устрашения. Мы должны обеспечить создание ударных сил, способных противостоять внезапному нападению, и причинить Советскому Союзу такие потери, какие он не сможет восполнить. То есть эти силы должны иметь в своем составе наступательные и оборонительные средства. Размер наступательного компонента может быть определен весьма точно, если взять за исходное то количество объектов, уничтожение которых приведет к утрате противником способности вести

войну. Такие объекты исчисляются несколькими десятками, максимум — несколькими сотнями. Если учесть возможности неудачного применения сил, ответные действия противника и невыполнение задач по вине личного состава или в результате технических неполадок, количество ядерных боеприпасов, необходимых для разгрома этих объектов, может быть определено при помощи простой арифметики. Если даже прибавить сюда значительный резерв сил на непредвиденные нужды, размер необходимых ядерных сил возмездия окажется значительно меньше ныне существующих бомбардировочных и ракетных сил.

Однако вопрос о численности — это только часть проблемы. Еще более важное значение имеет вопрос о качестве необходимых ядерных сил возмездия. Наша военная программа должна вдохнуть жизнь в ракеты большой дальности действия, не в «Атлас», «Титан» и «Регулус», а в те ракеты, которые придут им на смену: «Минитмэн» — в ВВС, «Першинг»¹ — в армии и «Поларис» — в ВМС. Для их защиты важное значение будет иметь мобильность, рассредоточение, укрытие и раннее оповещение о воздушной опасности.

В дополнение к этим пассивным оборонительным мерам силы устрашения должны обладать активным оборонительным компонентом, опирающимся главным образом на противоракетный снаряд «Найк-Зевс». Нам нужна ударная программа, чтобы наверстать время, утраченное из-за нерешительности. «Найк-Зевс» — единственное известное нам оружие, пригодное для этой цели, и мы не можем позволить себе пренебрегать им. Нам по-прежнему понадобится некоторое количество средств обороны против бомбовых ударов авиации с больших и малых высот. Ракета типа «Найк-Зевс», рассчитанная для при-

¹ «Атлас» и «Титан» см. сноску на стр. 92. «Регулус» — самолет-снаряд, находящийся на вооружении кораблей ВМС США, дальность стрельбы 400 км. Имеется модификация этого снаряда «Регулус II» с дальностью стрельбы 1600 км. «Минитмэн» — межконтинентальный баллистический снаряд, работающий на твердом топливе с дальностью стрельбы 8—10 тыс. км. Может запускаться и с меньшим числом ступеней, превращаясь в ракету средней и даже ближней дальности действия.

«Першинг» — управляемый реактивный баллистический снаряд, разрабатывается для замены состоящего на вооружении снаряда «Редстоун». — *Прим. ред.*

менения против приближающихся управляемых снарядов, не приспособлена для поражения самолетов. Эту роль в течение ближайших лет будут выполнять ракеты типа «Найк-Геркулес» и «Хок»¹.

Так обстоит дело с численностью, составом и модернизацией ядерных сил устрашения. Столь же важно усовершенствовать силы ограниченной войны, или, как мы их называем, силы противодействия войне на истощение. Пожалуй, неверно будет приклеивать на эти силы ярлык ограниченной войны, так как все они займут важное место и во всеобщей войне. Эти силы противодействия войне на истощение могут быть использованы и в ограниченной, и во всеобщей войне, в то время как силы, предназначенные для всеобщей войны, такой гибкостью не обладают. Бомбардировщик «В-52»², межконтинентальная баллистическая ракета и подводная лодка с ракетами «Поларис» пригодны почти исключительно для использования во всеобщей войне. Армейская же дивизия и эскадрилья тактической авиации могут использоваться во всех видах войн.

Приняв стратегию гибкого реагирования, комитет начальников штабов должен будет уделить значительно больше внимания, чем до сих пор, силам противодействия войне на истощение. Объем этих сил может быть определен в результате исследований и военных игр применительно к обстановке, которая может создаться в различных угрожаемых районах. Эти исследования покажут, каким темпом должны перебрасываться войска, сколько потребуется сил и времени для восстановления мира. На основании этих данных будет определена затем численность необходимых регулярных и резервных сил и объем запасов, требуемых на случай войны. Я полагаю, эти исследования укажут на необходимость развернутой программы улучшения наших возможностей в области ведения ограниченной войны.

Подчеркивая необходимость расширения сил ограниченной войны, я вовсе не имею в виду, что у нас в активе ничего нет для этой цели. Достаточно вникнуть в структуру трех видов вооруженных сил США, чтобы понять,

¹ Снаряд «Хок» предназначен для перехвата низколетящих воздушных целей. — *Прим. ред.*

² «В-52» — основной тип тяжелого бомбардировщика, находящегося на вооружении стратегической авиации США. — *Прим. ред.*

что почти вся армия и морская пехота, значительная часть тактической авиации, некоторые из авианосцев флота и большая часть нашего стратегического авиационного и морского транспорта могут рассматриваться как силы ограниченной войны, которые можно использовать в случае чрезвычайной обстановки. Но для оптимального использования этих средств мы должны изжить недостатки в планировании и организации. В связи с этим я, как начальник штаба армии, предложил программу из пяти пунктов для повышения возможностей всех видов вооруженных сил в случае ограниченной войны. Эта программа выдвигала меры по улучшению планирования, боевой подготовки и воздушных перебросок, упомянутые выше, как «срочные меры». Кроме того, программа предусматривала модернизацию организации и вооружения сил ограниченной войны, касающуюся всех видов вооруженных сил. Модернизация учитывала бы, согласно этой программе, особенности географических районов, где вероятно возникновение ограниченных войн, а также вооружение вероятных противников и военные возможности местных союзников. Принимая во внимание, что ограниченные войны не обязательно войны малые или непродолжительные, модернизация учитывала бы потребности — наши и вероятных союзников — в первые шесть месяцев войны. Что касается ядерного вооружения, то модернизация предусматривала бы оснащение наших войск тактическим атомным оружием малой мощности. Однако, согласно этой программе и в противоположность теперешней установке, войска должны были бы быть готовы вести боевые действия и без атомного оружия. Такое изменение общей ориентации оказало бы важное влияние на конструкцию будущих тактических бомбардировщиков и авианосцев, а также на планирование системы тылового обеспечения в наземных операциях. В разработке тактического атомного оружия упор следует делать на оружие самой малой мощности: оно не представляет угрозы поражения радиоактивными осадками и серьезной опасности для своих войск и населения дружественных стран.

Другой вопрос программы связан с повышением стратегической мобильности сил ограниченной войны. При изучении вероятной обстановки ограниченной войны

в штабах и на военных играх всегда выявляются недостатки в организации службы тыла, которые неблагоприятно отражаются на передвижении наших войск. Количество войск США, высадившихся в Ливане в июле 1958 года, лимитировалось емкостью единственного аэродрома и порта в Бейруте. Аналогичным образом военные перевозки в другие районы мира неизбежно встретят ограничения, которые можно устранить, если выявить их заблаговременно. Быстрое развертывание морских сил в различных районах мира в настоящее время возможно только благодаря тому, что английский и американский флоты давно уже определили потребности в портах, портовом оборудовании и в снабжении топливом в стратегических пунктах и заблаговременно приняли меры к обеспечению этих потребностей. Объединенные штабы США и их союзников должны провести аналогичное исследование и решить, что потребуется нашим войскам для обеспечения мобильности в ограниченной войне. Программа модернизации предусматривает повышение мобильности посредством улучшения конструкции судов и самолетов, используемых для стратегических перебросок. Армии очень понравились суда типа «Рол-он-рол-офф»¹, которые испытывались ВМС. Новые реактивные грузовые сухопутные и морские самолеты представляют большие преимущества для быстрых воздушных перевозок. Наша национальная военная программа должна предусматривать ежегодное ассигнование средств на меры по повышению мобильности.

Если эти два долгосрочных проекта (модернизация сил, предназначенных для ограниченной войны, и повышение их мобильности) будут осуществляться наряду с запланированными «срочными мерами», мы сможем не только говорить об успехе в ограниченной войне, но и добиться его. В этих условиях важно еще в мирное время продемонстрировать нашу готовность отправить силы ограниченной войны в любой пункт земного шара. Подобные периодические демонстрации были бы очень эффективны с политической точки зрения. Наши друзья увидели бы, что мы способны оказать вооруженное сопротивление агрессии, не прибегая к тяжелому ядерному

¹ Транспортные суда, допускающие непосредственный въезд машин на борт и выход их на причал. — *Прим. ред.*

оружию, а противники убедились бы в нашей готовности дать быстрый и эффективный отпор их стратегии истощения. Наряду с ядерными силами устрашения мы имели бы силы противодействия войне на истощение, способные дать вооруженный отпор любому вызову в соответствии со стратегией гибкого реагирования.

Две категории сил, связанных с этими первоочередными задачами, заслуживают особого внимания. Первая — наши группировки в Европе и на Дальнем Востоке. Им принадлежит важная роль как в предотвращении, так и в ведении всеобщей и ограниченной войны. Во всеобщей войне эти группировки должны прикрыть жизненно важные районы территории, на которой они расположены, и держать противника на почтительном расстоянии, пока мы подвергаем его воздействию тяжелого оружия большой разрушительной силы. Они должны сохранить силы для последующего занятия территории противника и провозглашения победы. В ограниченных войнах эти группировки должны обладать достаточной силой, чтобы не допустить скрытого проникновения, рейдов и пограничных набегов противника и выиграть время, необходимое для установления его намерений. Если понадобится, они должны суметь выбросить силы в соседние районы подобно тому, как наши войска в Европе выделили части для высадки в Ливане.

Кроме своего узко военного предназначения, эти океанские группировки сыграют очень важную психологическую роль, продемонстрировав нашим союзникам готовность США разделить с ними риск пребывания под огнем коммунистических орудий.

Таким образом, национальная военная программа должна обеспечивать содержание за рубежом группировок ни в коем случае не меньшей силы, чем теперь. Больше того, за последние годы мы так часто урезывали личный состав этих группировок, что теперь их необходимо несколько увеличить, только так можно будет сбалансировать внутренний состав этих войск.

Второй вопрос, нуждающийся в особых пояснениях, касается поддержания военной мощи в форме стратегических резервов, находящихся на территории США. Этот вопрос необходимо выдвинуть в качестве первоочередной задачи. Я уже говорил об этом и хочу повторить снова: мы должны иметь большую группировку мобильных

сил, готовых к быстрой переброске для ведения местных боевых действий, для усиления наших заокеанских группировок, либо для срочного укрепления нашего общего военного положения в случае возникновения напряженности в том или ином районе. Для выполнения срочных задач в первые несколько месяцев войны необходимо иметь регулярные кадровые силы. Затем можно будет мобилизовать некоторые избранные части резерва, которым еще в мирное время следует уделять особое внимание. У войск должно быть необходимое вооружение, снаряжение и запас всех видов довольствия на шесть месяцев войны. Только после этого снабжение вооруженных сил начнет осуществляться за счет развертывания военного производства. Заблаговременное обеспечение войск имеет настолько важное значение, что должно быть отнесено к первостепенным задачам.

Переходя к мероприятиям второй очереди, мы должны рассмотреть объем задач континентальной противовоздушной обороны, помимо указанной выше задачи прикрытия сил возмездия. Этот вопрос и при новой стратегии будет, по-видимому, столь же трудно разрешить, как и в прошлом. Нелегко быть уверенным в правильности проводимых в этой области мероприятий, так как стоимость оружия и сооружений ПВО высока, а эффективность их в условиях войны не проверена. К тому же мы знаем, что если нам удастся предотвратить всеобщую войну, они никогда не будут использованы. Тем не менее ясно, что в какой-то мере противовоздушная оборона необходима, хотя бы для того, чтобы поддержать моральный дух нашего населения и внушить советскому генеральному штабу как можно больше сомнений в осуществимости его военных планов. В противовоздушной обороне главное внимание должно быть уделено борьбе против баллистических ракет, хотя на ближайшее время нельзя игнорировать опасность бомбардировочных ударов с больших и малых высот. Количество необходимых средств противовоздушной обороны поддается математическому расчету, который является в общем процессом, обратным определению размера наших ядерных сил устрашения. Допустим, для сохранения нации в случае всеобщей ядерной войны нужно укрыть определенный процент населения и промышленности. Затем так расположить средства ПВО, чтобы они обеспечивали доста-

точно надежное прикрытие. Однако результат едва ли превысит первоначальные расчеты, являющиеся весьма приближенными, так как невозможно предвидеть результаты массированного ядерного удара по современному государству. Тем не менее лучшего пути выработки научной основы для определения количества необходимых средств ПВО не существует. Высокая стоимость любой программы ПВО, по-видимому, не даст возможности рассчитывать на максимальную степень прикрытия страны с воздуха. Поэтому задача распадется на две части: прикрытие ограниченного количества жизненно важных районов и полное прикрытие всей континентальной части территории США. Средства для осуществления первой части задачи должны быть обеспечены после создания сил устрашения и сил ограниченной войны; средства для осуществления второй части задачи — в последнюю очередь, в числе прочих оградительных мер на случай, если предотвратить всеобщую войну не удастся.

После того как будут определены численность и состав ядерных сил устрашения, сил противодействия войне на истощение и наиболее важные компоненты континентальной противовоздушной обороны, творцы новой военной программы подойдут к вопросу о составе сил, необходимых для ограждения страны на случай, если не удастся предотвратить всеобщую ядерную войну или продолжительную неядерную. Это будет соревнование за ресурсы между потребностями тотальной мобилизации, повышения уровня континентальной ПВО, увеличения сил противолодочной обороны, потребностями местной ПВО (сверх программы строительства убежищ против радиоактивных осадков, предусмотренной «срочными мерами»), создания запасов для восстановительных работ и других дорогостоящих мер. При разработке планов придется руководствоваться только финансовыми возможностями и здравым смыслом. Однако утешением послужит сознание того, что наши подготовительные меры строятся на разумной основе и что есть основание верить в их общую способность удержать противника от развязывания войны. При наличии такой уверенности не будет необходимости сильно беспокоиться о мерах перестраховки на случай, если предотвратить войну не удастся.

До сих пор, обсуждая очередность мероприятий и состав сил, мы мало касались сил противолодочной обороны и их использования. Эти силы всегда было трудно классифицировать окончательно, так как многие суда и самолеты, используемые для противолодочной обороны, могут выполнять и другие задачи. Например, авианосец противолодочной обороны может обеспечивать авиационную поддержку наземных войск в ограниченной войне, как это часто было в Корее.

Однако необходимо решить, какое место следует отнести силам противолодочной обороны в системе очередности, установленной национальной военной программой гибкого реагирования. Морские силы, занятые наблюдением за подводным флотом СССР и прикрытием побережья США от вражеских подводных лодок-ракетоносцев, по-видимому, будут отнесены к первой очереди, как и силы, необходимые для обеспечения свободы морских коммуникаций, используемых для переброски войск в случае ограниченной войны. Прочие силы противолодочной обороны будут отнесены к третьей очереди, как резервные силы, предназначенные на случай, если не удастся предотвратить всеобщую войну. Только в последнем случае советские подводные лодки вырвутся на морские просторы и создадут серьезную угрозу морским коммуникациям. Кстати, по размерам советского подводного флота можно судить о том, что руководители СССР не рассчитывают на кратковременный характер будущей войны.

Далее, наши силы противолодочной обороны вряд ли встретят такие же серьезные препятствия в применении ядерного оружия, какие встречают наши наземные и воздушные войска, поскольку объекты действий сил противолодочной обороны легко опознаваемы и расположены в районах, удаленных от населенных мест, где, следовательно, опасность радиоактивного заражения минимальна. Уверенность в этом увеличивается еще и потому, что действия против подводного флота противника, по-видимому, будут иметь место только в ходе всеобщей войны с Советским Союзом.

В заключение я позволю себе привести таблицу, где показано, какое место в новой стратегии отводится соответствующим силам и средствам.

Первая очередь

1. Ядерные силы устрания:

а) наступательные силы возмездия

б) активные средства ПВО

2. Силы противодействия войне на истощение

3. Заокеанские группировки

4. Силы мобильного резерва и предметы снабжения

5. Средства воздушного и морского транспорта для переброски и поддержки перечисленных выше видов сил

6. Силы противолодочной обороны

Несколько сотен надежных и точных ракет и все уменьшающееся количество бомбардировщиков, которые могут разрушить достаточное число важных советских объектов и обеспечить ликвидацию способности противника вести войну. Эти средства должны быть мобильными, укрытыми и рассредоточенными.

Достаточное количество батарей ЗУРС типа „Найк-Зевс“, „Найк-Геркулес“ и „Хок“, способных прикрыть наступательные средства возмездия. Усовершенствованная служба раннего оповещения, обеспечивающая своевременное предупреждение о приближающихся ракетах.

Численность их должна основываться на изучении вероятных условий ограниченных войн. Модернизированное вооружение, снаряжение, воздушные и морские транспортные средства. Наличие ядерного оружия самой малой мощности и готовность вести боевые действия только обычным оружием.

В общем тот же состав войск, что и теперь, но модернизированный и несколько усиленный численно для обеспечения лучшего внутреннего равновесия.

Частичная мобилизация для обеспечения действующих войск подготовленными специалистами, предметами снабжения и вооружением из расчета, по меньшей мере, на первые шесть месяцев войны.

Последовательная модернизация посредством внедрения реактивных наземных и морских самолетов и судов типа „Рол-он-рол-офф“.

Силы, необходимые для наблюдения за советским подводным флотом и для защиты ядерных сил возмездия от подводных лодок-ракетоносцев.

Вторая очередь

1. Континентальная противовоздушная оборона

Упор на оборону против ракет. Средства включают преимущественно ракеты „Найк-Зевс“, „Найк-Геркулес“ и „Хок“. Размер сил — достаточный для обеспечения процентов вероятности прикрыть процентов населения и промышленности. (Процент должен быть установлен комитетом начальников штабов после специального изучения) вопроса.)

2. Силы противолодочной обороны

Силы необходимы для прикрытия объектов, указанных в предыдущем пункте, от ударов с подводных лодок-ракетоносцев, особенно гражданских объектов (если требуются силы сверх сил, указанных в пункте б первой очереди).

Третья очередь

1. Меры на случай неудачи стратегии сдерживания:

- а) потребности общей мобилизации;
- б) прочие нужды ПВО;
- в) местная ПВО;
- г) прочие нужды противолодочной обороны;
- д) запасы для восстановительных работ

Объем и характер этих мер остаются неопределенными и зависят главным образом от оставшихся средств после удовлетворения потребностей первой и второй очереди.

Теперь мы достаточно полно осветили вопрос о характере и количестве сил, необходимых для осуществления национальной программы гибкого реагирования. Пришло время остановиться на том, как строить бюджет, чтобы быть уверенным, что ассигнования на оборону тратятся в соответствии с указанной выше очередностью. Вот шаги, которые, на мой взгляд, должны быть предприняты для построения бюджета, обеспечивающего нужды указанных выше функциональных категорий сил.

Допустим, что руководствуясь вышеизложенной программой, комитет начальников штабов выработал стратегическую концепцию, основанную на «гибком реагировании», и достиг согласия по вопросу об очередности военных мероприятий, указанной в таблице. Эту предварительную работу он представил министру обороны, который одобрил ее. Тогда комитет начальников штабов должен будет определить, какие именно силы выделит армия, ВМС, морская пехота и ВВС в соответствии с принятой очередностью. Для этого комитет прежде всего обратится к командующим заокеанских объединенных командований с требованием представить данные о характере и количестве сил, необходимых для осуществления стоящих перед ними задач. Общий итог представленных заокеанскими командованиями требований будет, возможно, слишком велик, и комитету начальников штабов придется при суммировании внести некоторые изменения в эти данные, с учетом того, что потребности командований частично перекрываются и дублируются, о чем каждый отдельный командующий не знает. Уточненный состав сил комитет представляет на утверждение министру обороны.

Министр обороны, который должен руководствоваться правительственными директивами, исходящими от бюджетного управления, всегда будет интересоваться стоимостью программы обороны. Поэтому он передаст рекомендованный комитетом начальников штабов план новой структуры вооруженных сил начальнику финансового управления и министрам видов вооруженных сил для ориентировочного подсчета его стоимости. Начальник финансового управления возглавит эту работу и сообщит комитету ее результаты. К этому времени комитет получит от министра обороны указания об ориентировочной общей сумме военного бюджета.

Тогда комитет приступит к трудной задаче сокращения запланированного размера вооруженных сил до пределов, обеспечиваемых бюджетными ассигнованиями, которые, как я надеюсь, окажутся приемлемыми и будут соответствовать масштабу военной угрозы. Чтобы произвести такое сокращение, комитет будет консультироваться с заокеанскими командованиями и с министерствами видов вооруженных сил. Было бы весьма полезно, если бы комитет представил министру

обороны два или более варианта плана построения вооруженных сил соответственно возможным вариантам бюджетных ассигнований. Такой порядок позволил бы министру обороны ясно видеть, какое влияние на вооруженные силы оказывают финансовые ограничения.

И, наконец, министр обороны с полной ответственностью, должен принять окончательное решение, предварительно обсудив его с президентом. В этом решении будет определена структура вооруженных сил Соединенных Штатов на последующие три — четыре года. Никто другой не может сделать это за него. Но каким бы ни было решение министра обороны, если принять предложенный выше порядок, министр достиг бы того, чего никогда еще не удавалось достигнуть: успешно связал бы воедино военные задачи, структуру вооруженных сил и бюджет.

ГЛАВА IX

НОВАЯ И НАДЕЖНАЯ СТРАТЕГИЯ

Теперь уместно поставить вопрос о реальной осуществимости национальной военной программы гибкого реагирования. Эту программу можно осуществить, если мы будем действовать без промедления. Изменения необходимы как внутри министерства обороны, так и в политике и в образе действий США.

Начнем с министерства обороны. Его руководство нуждается в генеральной чистке, которая поможет отказаться от многих устаревших концепций и установок, от иллюзий и заблуждений.

Генеральная чистка должна быть начата с пересмотра роли и задач трех видов вооруженных сил, провозглашенных еще на знаменитой Ки-Уэстской конференции в 1947 году¹ и с тех пор не подвергавшихся сколько-нибудь серьезным изменениям. В своем первоначальном виде декларация конференции была не чем иным, как констатацией возможностей видов вооруженных сил в момент провозглашения Ки-Уэстского соглашения. С тех пор вооружение, тактика и стратегия изменились, а с ними — и возможности видов вооруженных сил.

Возник новый взгляд на их роль, и им руководствовались при реорганизации министерства обороны в 1958 году. Эта реорганизация отстранила министерства видов вооруженных сил от оперативного руководства

¹ В 1947 году в Ки-Уэсте состоялось совещание руководящих военных деятелей США, где обсуждались вопросы реорганизации вооруженных сил. В результате обсуждения было принято так называемое Ки-Уэстское соглашение о распределении функций и задач между видами вооруженных сил. — *Прим ред.*

войсками, ограничив их функции главным образом организацией, вооружением и боевой подготовкой войск, сохраняющих отличительные характеристики сухопутных, морских или воздушных сил. Для участия в боевых действиях эти войска после завершения боевой подготовки переходят под руководство командующих на театре, которые под контролем комитета начальников штабов координируют их действия. Но вопрос о том, что мы теперь понимаем под определениями армия, ВМС, ВВС, остается открытым.

Каковы те свойства, с помощью которых мы отличаем их друг от друга? Каковы специфические возможности данного вида вооруженных сил, оправдывающие его самостоятельное существование?

Чтобы выработать новое определение ролей и задач основных видов вооруженных сил, необходимо тесное сотрудничество лучших умов всех военных ведомств. Я ограничусь лишь тем, что намечу направление, в каком, на мой взгляд, должны быть предприняты эти усилия. Первое, что необходимо, — это заново, в ясных простых словах определить сущность каждого из трех видов вооруженных сил, чего от них можно ждать, а чего нельзя. Я определил бы армию, ВМС и ВВС как виды вооруженных сил, предназначенные для успешного ведения длительных боевых действий на суше, море и в воздухе соответственно (я не рассматриваю здесь операции в космосе, в которых все виды вооруженных сил потенциально заинтересованы). Что касается армии, то она ведёт боевые действия не только на суше, но и в прилегающем воздушном и морском пространстве, если это необходимо для наземных операций. То же самое можно сказать и о ВВС и ВМС. Для такого функционального определения роли видов вооруженных сил особенно важно право каждого вида иметь в своем полном распоряжении все типы оружия и техники, необходимые для осуществления их действий. Таким образом, разные виды вооруженных сил могут обладать одним и тем же видом оружия, если оно постоянно необходимо для ведения боевых действий в отведенной данному виду вооруженных сил сфере.

В ноябре 1956 года, когда решался вопрос об оперативном использовании баллистических ракет среднего радиуса действия, я убеждал министра Вильсона принять в

отношении новых ракет так называемую концепцию национального арсенала. Эта концепция предусматривала разрешение каждому виду вооруженных сил разрабатывать, а затем и производить любые ракеты, которые по решению министерства обороны необходимы для национальной обороны и технически доступны для производства данным видом вооруженных сил. После того как ракета будет создана, она станет принадлежностью национального арсенала, откуда ее может взять любой вид вооруженных сил, который нуждается в ней для осуществления своих задач. Теперь я бы предложил возродить эту концепцию и распространить ее на все виды оружия и техники, необходимые видам вооруженных сил для осуществления их функций в своей сфере деятельности.

Предлагаемый мною пересмотр роли и задач видов вооруженных сил скажется главным образом на армии и ВВС, но мало затронет военно-морские силы. Флот теперь организован и оснащен для длительных боевых действий на морских пространствах. На протяжении всей дискуссии по унификации вооруженных сил, происходившей в 1946—1947 годах, ВМС с успехом отстаивали концепцию сбалансированных морских сил, имеющих в своем составе все необходимые компоненты — морские, воздушные и сухопутные. Таким образом, в последующие годы ВМС были удовлетворены существующим положением и являлись последовательным сторонником статус-кво во взаимоотношениях между видами вооруженных сил. Руководители ВМС с усмешкой взирали на неудачи, которые, как я убежден, терпела армия в своих взаимоотношениях с ВВС. Когда руководители армии вели тяжелую борьбу за унификацию в обстановке полного упадка роли армии, руководители ВМС поговаривали: «Вам же было сказано...»

Для армии и ВВС новое определение роли видов вооруженных сил имело бы очень большие последствия. Начиная с 1947 года армия находилась в зависимости от ВВС в тактической авиационной поддержке, в тактических воздушных перевозках и в воздушных перевозках на дальние расстояния. В течение всего этого периода армия являлась неудовлетворенным потребителем, сознающим, что ВВС не полностью выполняют свои обязательства, взятые при унификации. Военно-воздушные силы, обладая тем, в чем армия нуждалась, имели возможность диктовать цену сотрудничества с армией и настаивать на ее покорном под-

чинении взглядам ВВС в таких спорных вопросах, как порядок авиационной поддержки наземных войск, снабжение по воздуху и контроль воздушного пространства над полем боя. Когда в результате технических усовершенствований в оружии и снаряжении армия получила возможность быть независимой от ВВС, последние решительно воспротивились этому и сумели заручиться поддержкой министра обороны в установлении ограничений размеров и веса самолетов, производимых армией, дальности действия армейских ракет и радиуса применения армейских средств перед линией фронта.

В конце концов, армия и ВВС серьезно поссорились, так и не достигнув согласия в вопросе о принципах взаимодействия в бою. Они расходятся в определении масштабов и средств авиационной поддержки наземных войск. Самолеты ВВС имеют высокие качественные характеристики, рассчитанные главным образом на обеспечение нужд воздушного боя, но к выполнению задач поддержки наземных войск в бою они не приспособлены. Более десяти лет я был свидетелем такого неблагоприятного положения дел и убежден, что армия должна быть избавлена от опеки ВВС и получить в свое распоряжение все штатные средства, обычно необходимые для быстрого развертывания и продолжительного ведения боевых действий на суше. Она должна иметь свою собственную тактическую авиацию поддержки, тактический воздушный транспорт или, вернее, те новые виды оружия и снаряжения, которые будут выполнять функции, ныне подразумеваемые под этими двумя терминами.

Специальные ограничения в отношении размера, веса, а когда дело касается оружия, то и дальности стрельбы должны быть аннулированы навсегда. Армия должна получить возможность максимально использовать достижения техники для усовершенствования своего оружия и снаряжения, необходимого для ведения наземных боевых действий. Нужно покончить с дроблением функций наземных сил, особенно сейчас, когда стратегия гибкого реагирования требует повышения их роли.

Было бы неправильно, по-новому определяя функции армии, не замечать, как отразится это определение на ВВС. Вначале я был склонен дать определение военно-воздушных сил как вида вооруженных сил, предназначенного для ведения продолжительных боевых действий

в воздушном пространстве. Однако если поглубже вникнуть в суть вопроса, легко убедиться, что это нельзя считать основной задачей в условиях, когда пилотируемая авиация сходит со сцены, а с ней — и те воздушные операции, которые оправдывали создание воздушных сил как отдельного рода оружия. Кроме того, в данном определении нет признания того фактического положения, какое ВВС занимают в области ракет дальнего действия. Поэтому я поставил бы перед военно-воздушными силами дополнительную задачу: создать на наземных базах силы для дальних действий по объектам, расположенным за пределами зоны наземных операций.

Как отразятся эти изменения на применении ракет, вызывающие столько споров? ВМС они не заденут. Но вопрос о противоречиях между армией и ВВС все еще останется открытым, поскольку обе стороны хотят применять ракеты класса «земля — земля» и «земля — воздух». Как разграничить сферы их деятельности?

Я сделал бы отличительной характеристикой армейского оружия всех видов, включая боевую авиацию и ракеты, мобильность и способность находиться и действовать с сухопутными войсками на поле боя. ВВС имели бы войска и боевую технику, нуждающиеся в постоянных базах и стационарных сооружениях. Армия предназначалась бы главным образом для размещения и ведения боевых действий на заокеанских сухопутных театрах; ВВС — для дислокации на территории США и периодических действий по стратегическим объектам, расположенным на большом удалении. Армия имела бы, в частности, мобильные ракеты класса «земля — земля» любой необходимой дальности действия (кроме межконтинентальных баллистических ракет) и все зенитные ракеты, необходимые для прикрытия войск на поле боя и территории, на которой они действуют. ВВС имели бы межконтинентальные баллистические ракеты и немобильные зенитные ракеты для прикрытия своих сооружений и баз. Такое разграничение означало бы, что ВВС, по существу, приняли бы на себя целиком функции континентальной противовоздушной обороны.

В широком смысле предлагаемые мною изменения означают, что армия стала бы целостным мобильным организмом для действий на суше, подобно тому, чем ВМС являются на море. Такая армия взяла бы на себя боль-

шинство задач по противодействию войне на истощение, которые теперь раздроблены между многими частями нашей военной организации. Это упростило бы функциональное распределение бюджета. Движущей силой армии стала бы концепция применения мощных, мобильных ударных соединений, готовых к переброске и боевым действиям на суше в любом пункте земного шара.

Аналогичным образом ВВС получили бы полный контроль над всеми ядерными силами устрашения, находящимися на континентальной части территории США, включая наступательные и оборонительные компоненты и службу раннего оповещения. Такое объединение руководства значительно упростило бы научно-исследовательскую работу в области военной техники, оперативное руководство и составление бюджета. Трудно даже определить, сколько межведомственной вражды было бы ликвидировано! Правда, основные проблемы остались бы, но ответственность за них была бы централизована, и это облегчило бы принятие решений. Движущей силой ВВС стала бы концепция предотвращения всеобщей ядерной войны путем демонстрации своей готовности к ответному удару и оборона территории США от внезапных ударов.

Мне кажется, что пока я не сказал ничего конкретного о стратегическом авиатранспорте. Думаю, что армия, по примеру других видов вооруженных сил, должна иметь свою собственную авиацию для внутренних административно-снабженческих надобностей, хотя принцип объединения стратегического авиатранспорта общего назначения в составе военной авиатранспортной службы считаю правильным и необходимым. Я продолжаю настаивать на осуществлении программы модернизации парка грузовых самолетов военной авиатранспортной службы и сокращении количества самолетов авиации дальнего действия, используемой видами вооруженных сил для административно-снабженческих нужд и не включенной ныне в общий резерв.

Следует подчеркнуть, что предложенные мною изменения для армии и ВВС должны проводиться последовательно по этапам на протяжении значительного периода времени. Для армии не имеет смысла, будь это даже возможно, принимать от ВВС устаревшее оружие и боевую технику, используемые теперь для тактической авиационной поддержки и тактических перевозок. В национальном

арсенале нет также и ракет среднего радиуса действия класса «земля — земля», кроме «Юпитера», которые могли бы представить интерес для армии. Под руководством министра обороны следует выработать порядок постепенного перехода на новые роли и задачи.

После того как министерство обороны установит основные роли и задачи видов вооруженных сил, оно должно рассеять туман, окутывающий процесс нашего руководства в верхах. Одна из причин этого тумана кроется в заблуждениях, которые на практике показали свою несостоятельность, хотя в прошлом, возможно, и представляли до некоторой степени ценные идеи. Главная задача этой книги заключается в том, чтобы вскрыть великое заблуждение, будто стратегия массированного ответного удара — универсальная стратегия, пригодная против любой военной угрозы. С этим заблуждением связано другое — будто подготовка ко всеобщей войне является задачей первой важности, поскольку ограниченные войны по своему характеру якобы войны малые и подготовка к ним достигается в ходе подготовки ко всеобщей войне. Это опасное заблуждение! Если мы станем исходить из предположения, что ограниченная война всегда будет малой войной, и соответственно сократим нашу подготовку к войне, то с нашей стороны ограниченные войны действительно будут малыми, поскольку мы не сможем вести большие ограниченные войны для выполнения своих многочисленных военных обязательств. Остается, однако, невыясненным вопрос, как же мы ответим на угрозу, если противник готов к ограниченной войне более широкого масштаба, чем мы. Нам, по-видимому, придется либо капитулировать, либо решиться на всеобщую ядерную войну, в которой реальной победы быть не может.

Выше мы высказывались по поводу заблуждения, будто мы не можем противостоять коммунистам в численности вооруженных сил и поэтому должны рассчитывать на оружие массового поражения. Статистика мирового народонаселения, повторяю, не подтверждает это утверждение. Мы сами себе внушили, что уступаем в возможностях ведения наземных боевых действий.

В министерстве обороны считают также, что современное ядерное оружие сокращает потребности в людских ресурсах, поэтому численный состав вооруженных сил

может быть урезан без опасений. Из опыта я знаю, что это утверждение, в той мере, в какой оно касается армии, является заблуждением. Хотя возможность применения ядерного оружия приводит к сокращению количества войск в передовых районах боевых действий, сложность современного оружия для обеспечения его использования требует повышенного количества обученного персонала в более глубоких районах театра. Рассредоточение военных объектов, вызываемое угрозой ядерных ударов, создает новую потребность в людских ресурсах. Большие потери в людях, возможные в ядерной войне, оправдывают почти неограниченное увеличение обученных резервов личного состава для восполнения потерь. Будет правильным сказать, что обладание ядерным оружием требует географического перераспределения людских ресурсов и, скорее, увеличения, а не уменьшения размера общей потребности.

И еще одно заблуждение. Принято считать, что хорошее наступление — лучшая оборона. К этому утверждению обычно прибегают, чтобы оправдать дополнительные ассигнования на стратегическую авиацию за счет континентальной противовоздушной обороны. А между тем любому спортсмену известно, что в игре сильнейшая команда — та, которая имеет равноценные наступательные и оборонительные силы. Соединенные Штаты не могут позволить себе оказаться на втором месте в том военном соревновании, в котором они теперь участвуют.

Приведенные выше примеры показывают, что мы должны избавиться при нашем планировании национальной обороны от легковесности мышления. Ниже мы коснемся ряда важных изменений, которые необходимо внести в деятельность министерства обороны, чтобы облегчить осуществление новой военной программы. Эти изменения могут казаться несвоевременными, поскольку министерство обороны в 1958 году поверглось полной реорганизации. Однако в действительности проведенные тогда изменения носили поверхностный характер и не затронули главных слабостей, присущих этой организации.

В шестой главе, говоря о системе работы комитета начальников штабов, я отмечал, что комитет в решении стоящих перед ним вопросов облегчен правами и обязанностями, присущими любому комитету. Он может заниматься и занимается полезным обсуждением вопросов

политики, когда время не ограничено и единогласие не имеет важного значения. Но он не пригоден для рассмотрения оперативных вопросов, требующих немедленного решения, не ожидая исхода дебатов, характерных для военного совета.

Самое важное организационное изменение, какое я предложил бы, заключается в том, чтобы отделить функции комитета, могущие быть осуществленными коллегиальными методами, от функций, требующих единоличной ответственности. Такое разделение привело бы к роспуску комитета начальников штабов как такового, и к замене его единым начальником штаба вооруженных сил, принимающим решения единолично, и новой консультативной организацией, которую условно назовем высшим военным советом. Начальники штабов утратят права членов комитета и возвратятся к исполнению обязанностей начальников штабов соответствующих видов вооруженных сил. Новый начальник штаба вооруженных сил возглавил бы теперешний объединенный штаб и имел бы двух заместителей — начальников штабов других видов вооруженных сил. Он носил бы четыре или пять звезд¹ и являлся высшим военным должностным лицом правительства США с правом непосредственного доклада министру обороны и президенту. Он законно и открытолицетворял бы единовластного начальника штаба, несущего перед страной ответственность, соответствующую его огромной власти.

Высший военный совет, состоящий из трех лиц в чине полного генерала — представителей армии, ВМС и ВВС, являлся бы консультативным органом министра обороны, президента и конгресса. Члены совета были бы либо генералами в отставке, либо состоящими на действительной службе — на заключительном ее этапе. Они не занимали бы никакой должности в своем виде вооруженных сил.

Высший военный совет не имел бы постоянного председателя. Эта функция выполнялась бы каждым членом совета ежемесячно. Совет рассматривал бы вопросы, переданные ему министром обороны, президентом или конгрессом, вынося решения в зависимости от характера

¹ Так в США условно называют высшие генеральские звания: «четыре звезды» — (полный) генерал, «пять звезд» — генерал армии. — *Прим. ред.*

вопроса либо корпоративно, либо индивидуально. Совет, как организация, или каждый его член в отдельности мог бы по своей инициативе поставить на обсуждение любой военный вопрос, включая вопрос о действиях начальника штаба вооруженных сил. Совет мог бы вызвать для дачи информации или показаний любое военное должностное лицо. Он имел бы небольшой секретариат и обслуживался бы главным образом существующими органами высшего военного управления.

Как отмечалось, высший военный совет юридически был бы консультативным органом конгресса. Это предложение выдвинуто с учетом того, что конгресс нуждается в получении ответственной военной консультации. Такое юридическое положение совета привело бы к тому, что он был бы устранен из сферы административной и поставлен где-то между исполнительными и законодательными органами власти. Такой необычный статут совета может вызвать возражения законников, тем не менее проект этот открывает многообещающие возможности в областях, не обеспечиваемых существующей системой комитета начальников штабов.

Разделив функции комитета начальников штабов на два типа — коллегиально-консультативный и оперативный — и ясно разграничив ответственность за их осуществление, мы сможем преодолеть большинство недостатков в системе работы комитета. Тем самым мы одновременно признаем, что в век баллистических ракет комитет не может осуществлять функции военного штаба. Большое достоинство предложенных изменений заключается в установлении системы руководства, у которой есть достаточно шансов сохраниться и на случай войны. Нынешняя система оперативного руководства в современных условиях рухнет в первые же часы или дни войны.

Так обстоит дело с изменениями, касающимися комитета начальников штабов, необходимыми для того, чтобы облегчить проведение в жизнь программы гибкого реагирования. Понадобятся и другие изменения, чтобы ввести в практику разработку бюджета по функциональному признаку и обеспечить за начальником штаба вооруженных сил и высшим военным советом соответствующее положение в системе министерства обороны. Но в данной книге нет необходимости подробно разбирать эти изменения.

Следует уяснить и другую важную предпосылку принятия новой стратегии: необходимость коренного изменения нашей национальной политики в вопросе о требованиях нашей безопасности. Народ должен понять, что, начиная примерно с 1961 года, нация будет стоять перед серьезным кризисом. Если мы не предпримем теперь решительных мер, то в последующие годы соотношение военной мощи будет в опасной степени меняться в пользу коммунистического блока. Некоторые из необходимых шагов предложены мною при обсуждении «срочных мер»; к ним следует приступить сразу же. За этими предварительными мерами должна последовать ускоренная программа, рассчитанная на период средней продолжительности. О ней мы также говорили.

Все предложенные меры потребуют от каждого из нас жертв. Но мы должны пойти на жертвы, если хотим прожить этот тяжелый период без опасного риска. Простейшей формой этих жертв будет уплата более высоких налогов для обеспечения высокого военного бюджета. Трудно сказать, сколько денег потребуются, чтобы ликвидировать наше отставание в максимально короткий срок, но я предложил бы исходить из ежегодного бюджета порядка 50—55 миллиардов долларов в течение последующих пяти лет. После того как отставание будет ликвидировано, отпадет необходимость в таком высоком бюджете. Эта необходимость будет существовать вне зависимости от временных изменений в позиции и в образе действий Советского Союза. Невозможно жить с коммунистами, уступая им в силе.

В этот период нам придется отдать военной профессии многих наших наиболее способных сыновей. Ближайшая цель армии — увеличить свой состав до 925 тысяч человек против теперешних 870 тысяч. Вслед за этим численность армии должна быть увеличена до миллиона, как в 1955 году. Общая потребность в людских ресурсах для всех видов вооруженных сил составит по меньшей мере 2,6 миллиона. Эта мощная сила должна быть модернизирована так, чтобы в первую очередь удовлетворить потребности ядерных сил устрашения и сил противодействия войне на истощение. Соединенные Штаты не могут требовать от своих сыновей, чтобы они были готовы к бою, если не дадут им самое лучшее оружие, какое только может дать современная наука и техника.

Все указанные выше меры должны служить выражением надежной стратегии, ясно показывающей как друзьям, так и врагам, наши цели и мотивы. Военные мероприятия США надо согласовать с мероприятиями в области политики, экономики и интеллектуальной жизни. Перестройку нашей стратегии не следует понимать как новое усиление гонки вооружений в соперничестве с СССР. Любое серьезное нарушение равновесия военной мощи между Востоком и Западом, если оно идет на пользу коммунистической диктатуре, усиливает опасность войны. Меры, направленные к восстановлению нарушенного равновесия сил и к замене концепции массированного ответного удара концепцией гибкого реагирования, — это меры, способствующие не войне, а миру во всем мире. Таков мотив, который должен прозвучать из уст уверенных в себе руководителей, знающих, что они делают и почему. Тогда мы сможем спокойно готовиться к бою, памятуя, что, чем лучше мы подготовимся, тем больше будет шансов на сохранение мира.

Статья, написанная автором книги весной 1956 года для журнала «Форин Эфферс», но не опубликованная по причинам, которые видны из сделанных в соответствующих местах замечаний госдепартамента и министерства обороны.

Генерал МАКСУЭЛЛ Д. ТЕЙЛОР,
начальник штаба армии США

БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСРЕДСТВОМ СДЕРЖИВАНИЯ

Замечания министерства обороны:

«Министерство обороны придерживается точки зрения, что эта статья не должна быть допущена к опубликованию, если она не подвергнется коренной переработке. Ниже излагаются некоторые из причин, по которым она не должна быть опубликована как статья или изложена в устном выступлении начальника штаба армии.

1. Многие общие вопросы темы носят в высшей степени спорный характер и противоречат линии комитета начальников штабов и министра обороны.

2. Статья предлагает изменения в планировании национальной политики, которые надлежит представить в комитет начальников штабов и отстаивать их там, а затем включить в рекомендации комитета, проходящие по обычным каналам.

3. Открытое выступление начальника штаба армии с некоторыми взглядами, высказанными в предложенной статье, может подвергнуть серьезной опасности наши международные отношения.

4. Ниже излагается меморандум государственного департамента, в котором высказываются возражения против предложенной статьи и замечания на нее.

Если в переработанном варианте сохранятся та же тема и тон изложения, меморандум рекомендуется представить на личное рассмотрение министра армии, а также в министерство обороны».

Замечания государственного департамента:

«Государственный департамент придерживается точки зрения, что этот материал после его окончательной подготовки для журнала или устного выступления должен

быть тщательно проверен. В нем чувствуется определенный подтекст, который требует обсуждения статьи военными работниками на конфиденциальной основе и не допускает использования его для публичных выступлений».

Все правительства западного мира заняты очень сложными проблемами, связанными с национальной обороной. Они стремятся найти тот тип вооруженных сил, который наиболее приемлем для их разнородных потребностей и который в то же время доступен их экономическим средствам.

Потребности национальной обороны мы рассматриваем в неблагоприятной общей обстановке. За последние годы успехи военной техники сделали возможным разработку и производство оружия большой разрушительной силы. Однако оснащение вооруженных сил этим оружием и его последующее содержание обходится очень дорого. Более того, разрушительная сила некоторых видов этого оружия ограничивает его применение и создает неуверенность в отношении условий его использования. Обстановка не становится легче от того, что решение затратить большие суммы на закупку этого оружия принимается в условиях ослабления международной напряженности в связи с возобновлением переговоров о возможном разоружении. В таких условиях нет ничего неожиданного в том, что большинство правительств не склонно получать это оружие посредством прямого увеличения и без того уже высокого военного бюджета. Правительства предпочитают либо отложить закупку нового оружия, либо сэкономить средства на его закупку путем сокращения личного состава вооруженных сил.

Другая трудность в решении вопроса о вооружениях и структуре вооруженных сил связана с отсутствием ясности в том, какую форму примет будущая война. Будет ли она всеобщей или локальной? Будет ли ядерное оружие применяться без ограничений при соблюдении некоторых основных правил или вовсе не будет применяться? Явится ли собственная территория государств противостоящих блоков главным объектом ядерных ударов или относительное равенство ударной мощи обеих сторон приведет к взаимному воздержанию от таких ударов? Возможно ли ограничить применение ядерного оружия пределами поля сражения, так чтобы это не привело ко всеобщей ядерной войне? Трудность получить категориче-

ский ответ на подобные вопросы усложняет работу тех, кто должен планировать программу, и частично объясняет, почему им не удастся достигнуть единства взглядов.

Кроме того, планирующим органам мешает чрезмерная боязнь большой ядерной войны. Об ужасах ядерной войны столько писали, что беспристрастный анализ потребностей национальной обороны становится трудным. Постоянное подчеркивание всеобъемлющего характера большой войны, именуемое иногда концепцией «одной войны», приводит к убеждению, что все усилия должны быть направлены к подготовке ко всеобщей ядерной войне. Обычно это убеждение приводит к игнорированию вопроса о возможности других форм агрессии, хотя такая агрессия может, в конце концов, оказаться столь же опасной для нашей страны, как и большая война, и, конечно, может вызвать всеобщую войну. Это смутное представление о том, где кроется главная опасность, особенно распространено в Соединенных Штатах, которые впервые оказались в положении возможного объекта непосредственного удара противника.

Данная статья имеет целью обсудить меры по разработке национальной военной программы, основывающейся на концепции сдерживания. В этой программе сделана попытка избежать опасности, вытекающей из сосредоточения усилий на подготовку к какой-либо одной форме вооруженной борьбы. В ней учитываются военные нужды Соединенных Штатов и в некоторой степени нужды наших союзников. В качестве исходного момента эта статья берет предпосылку, что целью соответствующей национальной программы является сдерживание войны, особенно всеобщей ядерной войны, которая будет для обеих сторон настолько разрушительной, что не оставит большого различия между победой и поражением. Необходимость воспрепятствовать такого рода войне настолько очевидна, что приводит к неизбежному заключению: обеспечить в первую очередь и любой ценой нужды предотвращения всеобщей войны. Только тогда можно будет принять меры предосторожности на случай неудачи сдерживания и провести дополнительную подготовку к ведению всеобщей ядерной войны.

Избежать преднамеренной всеобщей ядерной войны будет не слишком трудно, поскольку потенциальным противникам должно быть ясно, что такая война невыгодна

для обеих сторон. Хотя действительные размеры запасов вооружения являются строго охраняемым секретом, вполне достаточно одной уверенности, что страна потенциального противника обладает каким-то мощным оружием, чтобы испытывать опасение за возможные последствия нападения на нее.

(Замечание госдепартамента: «Абзац..., касающийся вопроса об избежании всеобщей ядерной войны, особенно первую фразу, мы считаем неудачной. Непродуманная форма изложения этого жизненно важного вопроса, грубая недооценка и упрощение, заключающиеся в первых двух предложениях, требуют очень внимательного рассмотрения».) Верно то, что всегда есть возможность «вползти» в «большую войну» в результате либо ошибки, либо перерастания серии военных конфликтов небольшого масштаба во всеобщую войну. Учитывая склонность коммунистического блока к постепенному проникновению, подрывной деятельности и локальной агрессии, я считаю, что последняя возможность требует особого рассмотрения. Так как в прошлом действия коммунистов были в общем успешными, нет оснований полагать, что они изменят себе и будут избегать агрессии, как средства политики. *(Замечание госдепартамента: «В этой фразе содержится два момента, которые мы предпочли бы не подчеркивать. Первое — это какое-либо упоминание об успешных действиях коммунистов, поскольку Соединенные Штаты придерживаются точки зрения, что СССР, по меньшей мере временно, отказался от своих агрессивных методов вследствие их неуспеха. Второе — это то, что по общепризнанному мнению коммунисты в данный момент отказываются от агрессии, как средства политики. Следовательно, эта часть фразы изложена не только в нежелательном духе, но и просто неправильно».)* Теперь, когда ядерные воздушные силы враждующих блоков противостоят друг другу своей равносильной угрозой, представляется все более вероятным, что динамизм коммунистов будет проявляться как никогда раньше в поисках выхода посредством агрессии с ограниченной целью. Если такому давлению не оказывать сопротивления, свободный мир будет подвержен разгрому через частичные поражения, если же оказывать сопротивление, мы встанем перед опасностью перерастания локальных конфликтов во всеобщую войну.

Если приведенные выше доводы верны, то в дополнение к задаче предотвращения «большой войны» необходимо принять программу обеспечения средств для предотвращения ограниченной агрессии или противодействия ей, прежде чем она разрастется. Быстрое реагирование необходимо не только для того, чтобы обезопасить себя от частичных поражений, но и для того, чтобы ограничить опасность разрастания малой войны, если ей позволят разразиться в «большую войну», которой мы стремимся избежать. Таким образом, национальная военная программа должна заблаговременно предусмотреть соответствующие меры для эффективного реагирования на локальные агрессии, где бы они ни предпринимались.

Кстати, небезынтересно выяснить, как взаимное сдерживание — равенство сторон в воздушно-ядерных силах возмездия — влияет на возможный масштаб боевых действий в войне, меньшей, чем всеобщая. Можно допустить, что в обстановке, когда обе стороны имеют возможность причинить друг другу огромные потери в неограниченной ядерной войне, каждая сторона будет готова вытерпеть все большее количество провокаций, прежде чем сознательно решится на всеобщую ядерную войну. Действительно, если обоими блоками будут управлять разумные люди, справедливо предположить, что они пойдут на развязывание всеобщей ядерной войны лишь в самом крайнем случае. *(Замечание госдепартамента: «Возникает вопрос, полезно ли публиковать открыто такую фразу. Мы никогда, ни в какой форме не намекали, что развяжем ядерную войну, а всегда утверждали, что прибегнем к ней лишь в качестве ответного удара. Здесь слишком очевиден намек, что мы являемся частью одного из двух «блоков», к которым относятся эти слова».)* При таких обстоятельствах можно предвидеть, что боевые действия значительного масштаба не всегда перерастут во всеобщую войну, поскольку обе стороны будут заинтересованы в том, чтобы локализовать войну. По тем же причинам представляется вероятным, что обе стороны будут стремиться, если не предотвратить, то ограничить применение ядерного оружия в локальных конфликтах из боязни, что его применение повлечет расширение войны с непредвиденными последствиями. Эта тенденция к ограничению применения ядерного оружия может найти поддержку со стороны государства, на тер-

ритории которого разворачиваются военные действия, вероятно дружественного, которому мы оказываем военную помощь для противодействия агрессии. Ядерное оружие обладает настолько большой разрушительной силой, даже оружие малой мощности, что со стороны местного населения следует ожидать серьезных возражений против его применения на территории данной страны.

Эти предварительные замечания содержат общую характеристику так называемой концепции сдерживания и некоторых связанных с ней аспектов. Теперь попытаемся рассмотреть конкретные элементы национальной военной программы, которая ставит во главу угла сдерживание противника и сосредоточение усилий для предотвращения всеобщей ядерной войны. В частности, какие виды оружия и какие типы вооруженных сил должны пользоваться приоритетом при распределении средств в соответствии с упомянутым выше принципом сдерживания?

По нашему убеждению, основными, в порядке важности, элементами национальной военной программы являются следующие: предотвращение всеобщей войны; предотвращение или обеспечение победы в локальной войне; наконец, обеспечение потребностей ведения всеобщей ядерной войны, если ее не удастся предотвратить. Элементы здесь перечислены в порядке общей важности, но этот порядок не является незыблемым. Иными словами, он лишь показывает, на что следует прежде всего сделать упор, хотя в какой-то степени мы должны уделить внимание всем указанным компонентам программы.

Проблемой первостепенной важности является сохранение военно-технического превосходства над коммунистическим блоком. Мы не сможем надолго сохранить собственную безопасность, если не будем обладать потенциальными возможностями превзойти противника в качестве вооружения. Здесь сразу приходит на ум программа развития ракет, как типичный случай использования техники в интересах расширения тактических и стратегических возможностей наших вооруженных сил. В этой области техники наша страна никогда не может допустить ослабления своих усилий, так как мы уверены, что наши потенциальные противники делают все возможное, чтобы догнать и перегнать нас.

Вслед за решением вопроса о развитии техники нужно достигнуть общего согласия в отношении необходимых мер по развитию средств доставки ядерного оружия к цели. Эти меры дали бы возможность эффективно и быстро нанести ответный удар по любому противнику, который развяжет ядерную войну против нас. В настоящее время возможность доставки ядерного оружия опирается главным образом на средние и дальние бомбардировщики военно-воздушных и военно-морских сил; но в последующие годы средства доставки будут усилены другим оружием, прежде всего ракетами дальнего и среднего радиуса действия, которые теперь разрабатываются и совершенствуются.

Сдерживающие возможности ядерных сил возмездия зависят от двух важных факторов. Во-первых, от очевидной способности сил возмездия нанести уничтожающий ответный удар, что зависит не только от количества самолетов, но и от их качества и защищенности от внезапного удара противника. Ввиду большой разрушительной силы современного ядерного оружия количество самолетов и ракет, необходимое для нанесения катастрофического удара, практически невелико. Они должны быть настолько технически совершенными, чтобы не возникало сомнений относительно их способности выйти к объекту. Это самое важное. Мало того, они должны быть так рассредоточены и прикрыты на своих исходных базах, чтобы агрессор, стремящийся использовать выгоды внезапности, не мог рассчитывать на уничтожение значительной части этих сил.

Во-вторых, существует важный психологический фактор, без которого оружие возмездия не может стать эффективным. Агрессору должно быть ясно, что мы обладаем волей и решимостью без колебания использовать свои силы возмездия, если на нас нападут. Малейшая слабость и отсутствие решимости может вдохновить противника на внезапное нападение.

Наряду с нашей очевидной способностью к нанесению мощного и решительного ответного удара по источникам военного могущества противника, мы должны обладать столь же несомненной способностью причинить тяжелые потери бомбардировщикам противника, если они нанесут удар по территории США. Для этого необходима система континентальной обороны, включающая как актив-

ные, так и пассивные меры, достаточно сильные, чтобы отбить у противника охоту к попыткам нанести внезапный уничтожающий удар по нашим средствам доставки ядерного оружия или по источникам военного могущества США. В данное время важнейшими элементами этой системы являются зенитные ракеты армии и истребители-перехватчики ВВС. Континентальная противовоздушная оборона — это такая область, где трудно решить, сколько средств будет достаточно для удовлетворения потребностей сдерживания. Здесь легко сбиться на излишние затраты в ущерб важным наступательным элементам нашей военной программы. Континентальная противовоздушная оборона является гарантией против тяжелых потерь, но ошибкой будет пытаться достигнуть стопроцентного прикрытия против всякой угрозы. Такое прикрытие не может быть достигнуто без нарушения равновесия всей военной программы.

Другой незаменимый элемент нашей системы сдерживания составляют силы, дислоцирующиеся за рубежом, готовые к ведению продолжительных боевых действий для выполнения наших международных обязательств. Эти силы, развернутые для прикрытия жизненно важных стратегических районов в Европе и на Дальнем Востоке, — постоянное напоминание о нашей решимости держать оборону на месте. Наши силы в этих районах достаточно велики, чтобы совместно с силами союзников оказывать упорное сопротивление в случае нападения. Мы говорили об опасности, связанной с внезапным воздушным нападением на США. Такой же опасности подвержены и наши заокеанские силы. В Европе около 250 тысяч солдат-американцев и тысячи членов их семей живут в непосредственной близости от превосходящих сухопутных сил коммунистического блока, дислоцирующихся в странах-сателлитах Советского Союза. Если эти войска неожиданно, без предупреждения начнут наступление на запад, они сразу же войдут в тесное соприкосновение с войсками НАТО в обстановке, ограничивающей применение против них ядерного оружия. *(Замечание госдепартамента: «...мы серьезно сомневаемся, следует ли открыто заявлять об ограничении применения ядерного оружия в связи с действиями армий стран НАТО».)* Следовательно, очень важно иметь в Европе сильную группировку войск в полной готовности к немедленным

действиям, которая могла бы удержать противника от внезапного нападения или сковать его на значительном удалении, чтобы можно было беспрепятственно использовать наше оружие возмездия.

Символические сухопутные силы недостаточны, чтобы противостоять внезапному нападению. Это следует подчеркнуть. Мы должны иметь реальные силы для создания необходимого буфера, могущего сдержать агрессора. В Европе говорят, что сухопутные силы, выполняющие роль заслона, достаточны для обеспечения прикрытия и создания условий для нанесения ядерного удара по наземным войскам агрессора. Хотя концепция заслона несколько облегчает бремя военного бюджета, она не дает гарантии обеспечения эффективного сдерживания противника. Необходимо иметь в наличии реальные оборонительные силы, чтобы выиграть необходимое время и ответить контрударом с целью разгрома вторгшегося противника. Концепция заслона свидетельствует, что сторонники ее ради возможности в период взаимного сдерживания ограничиться небольшими силами на Западе готовы пренебречь угрозой всеобщей ядерной войны.

Если заокеанским группировкам предстоит осуществить максимально эффективное сдерживание, нужно иметь возможность усиливать и поддерживать их в ходе боевых действий. Следовательно, наша программа должна предусмотреть создание мобильных, подготовленных войск, которые можно быстро перебросить в стратегически важные заокеанские районы. Эти войска предназначены не только для усиления наших заокеанских группировок, но они составят и первый эшелон экспедиционных сил на случай непредвиденного возникновения местной агрессии в иных районах. Они должны быть вооружены как ядерным, так и обычным оружием, чтобы иметь возможность выполнять любые задачи, в том числе и требующие применения ядерного оружия. ВВС и ВМФ должны обеспечить эти войска наиболее быстрыми средствами транспорта. Предварительное планирование должно предусмотреть заблаговременное сосредоточение тяжелого снаряжения, выделение необходимого тоннажа, что существенно сократит время на подготовку этих сил к вступлению в бой.

Необходимость поддержать наши заокеанские группировки и быстро реагировать на локальную агрессию —

лишь одна из многих причин, по которым национальная военная программа должна предусмотреть соответствующие меры по усилению надводных сил флота, помимо морской авиации, входящей в состав воздушных сил Возмездия. Флот необходим для обеспечения важнейших морских коммуникаций, особенно тех, которые связывают нас с вероятными заокеанскими театрами военных действий. Масштаб и сила реакции Соединенных Штатов на агрессию будут зависеть от беспрепятственного использования морских коммуникаций. Задача обеспечения свободы морских передвижений становится для нашего флота все более трудной по мере совершенствования конструкции современных подводных лодок. Поэтому национальная военная программа должна предусмотреть создание мощных средств противолодочной обороны.

Так как для нас важно иметь союзников, обладающих достаточными силами, особенно сухопутными, мы должны включить в свои планы пункт о помощи союзникам. Эта помощь должна соответствовать вкладу в общие военные усилия, какого мы ожидаем от данной страны. Вообще говоря, мы можем рассчитывать на один из трех возможных уровней военной мощи в этих странах. Как минимум, все они должны иметь вооруженные силы, необходимые для обеспечения внутренней устойчивости и порядка. Сверх этого минимального уровня мы хотим, чтобы в некоторых случаях была обеспечена способность к самостоятельной обороне против местной военной агрессии. Наконец, в ограниченной группе стран мы стремимся получить союзников, могущих длительное время принимать участие во всеобщей войне. *(Замечание госдепартамента: «...В фразе, начинающейся словами «Наконец, в ограниченной группе стран...», мы считаем, что мотивы, по которым мы стремимся создавать союзы, трактуются слишком упрощенно. Вклад этой группы союзников в случае всеобщей войны представляет здесь лишь один из факторов, но, конечно, не мотив, который мы должны публично характеризовать, как единственный.)* В идеальном случае сочетание местных военных ресурсов с ресурсами, которые могут вложить Соединенные Штаты, должно обеспечить силы, необходимые для реализации наших стратегических целей в данном районе.

До сих пор элементы нашей военной программы мы располагали в следующем порядке (по их важности): техническое превосходство, ядерные силы возмездия, континентальная противовоздушная оборона, заокеанские группировки, морские силы для обеспечения морских коммуникаций, силы союзников, поддерживаемые в различной степени нашей военной помощью. Сочетание этих компонентов образует весьма значительную мощь, которая должна явиться для противника убедительным аргументом в поддержании мира. Будет, однако, неблагоприятно, если нам не удастся провести некоторые меры по созданию резервных сил, которые могли бы усилить наши кадровые войска в период предвоенного напряжения или после начала войны.

Некоторые высказывают сомнение относительно возможности так называемой обычной мобилизации в будущей войне. Эти сомнения основываются на предположении, что будущая война — это всеобщая ядерная война, которая начнется неожиданным ударом по США. В таком случае в самом деле сомнительно, чтобы могла иметь место какая-либо мобилизация, напоминающая мобилизацию во второй мировой войне. Однако даже во всеобщей ядерной войне невозможно предугадать размер разрушений, какие может причинить противник. К счастью, нет никаких оснований утверждать, что будущая война начнется ядерным ударом в первый же день. Возможно, обе стороны в своих интересах воздержатся от неограниченного применения ядерного оружия по причинам, изложенным выше. *(Замечание госдепартамента: «Мы считаем, что последняя фраза... должна быть изъята. В действительности сила нашей политики сдерживания состоит в том, что мы намерены применить решающее оружие против всеобщей агрессии».)*

Масштаб мобилизации, конечно, зависит от масштаба войны и обстоятельств, при которых она ведется. Война в Корее, хотя и была локальной по масштабу и ограниченной по характеру преследуемых целей, потребовала для обеспечения ее нужд обширных мобилизационных мероприятий. Любые военные действия, ведущиеся на отдаленных театрах, всегда будут трудными и дорогостоящими и вызовут серьезное истощение наших национальных ресурсов. Как упоминалось выше, в период взаимного сдерживания масштаб и продолжительность воен-

ных действий должны, вероятно, увеличиваться по мере того, как возрастает нежелание идти на риск всеобщей войны. Следовательно, необходимо предусмотреть в наших планах создание резерва сил, предметов снабжения и техники. Однако следует учесть, что руководители службы тыла, обычно склонные к консерватизму, будут, по всей вероятности, рекомендовать резерв в тех размерах, которые вряд ли удовлетворят нас.

Теперь мы могли бы подвести черту и подсчитать общую стоимость изложенной военной программы в людях, деньгах и материалах. Не следует строить иллюзий, будто мы наметили дешевую или легкую военную программу. Чтобы определить точно ее стоимость, необходима дополнительная кропотливая работа военных плановых органов, которым предстоит прежде всего определить уровень потребностей по различным компонентам программы. Если не производить специального подсчета, можно быть уверенным, что общая сумма необходимых расходов превзойдет любой бюджет мирного времени за всю историю Соединенных Штатов. С другой стороны, значительная часть средств должна быть ассигнована на обеспечение сдерживающей мощи. Не гарантируя абсолютной защиты, программа открывает большие возможности предотвратить войну как всеобщую, так и локальную и быстро одержать победу в локальной войне. В то же время программа посредством рассредоточения континентальной противовоздушной обороны предусматривает меры предосторожности для прикрытия сил возмездия и военно-промышленного потенциала страны от разгрома в результате внезапного нападения.

Против этой программы может быть высказано, по меньшей мере, одно серьезное критическое замечание. Программа рассчитана на веру в эффективность стратегии сдерживания и предусматривает не все меры на случай, если предотвратить войну не удастся и Соединенные Штаты подвергнутся уничтожающему ядерному нападению. Итак, обеспечение всех потребностей не под силу нашим национальным ресурсам. Если мы будем исходить из предположения, что уничтожающее ядерное нападение настолько вероятно, что наша страна должна принять заблаговременные меры против него, то вытекающим отсюда потребностям военной и гражданской обороны не будет конца. Логичнее всего считать, что

нам следует развернуть более крупные регулярные вооруженные силы для компенсации тех потерь в войсках, которые возможны в результате ядерной бомбардировки. Запасы предметов снабжения должны быть увеличены для возмещения предполагаемых потерь. Могут быть оправданы крупные дополнительные ассигнования на систему воздушного наблюдения с целью усиления противовоздушной обороны важнейших районов и улучшения гражданской обороны. В каждом городе и деревне должна быть проведена подготовка на случай ядерного нападения. В самом деле, если быть последовательными в наших опасениях, мы должны разрядить наиболее густо населенные центры и перестроить всю экономику.

Наши требования, которые необходимо осуществить, чтобы выстоять во всеобщей войне, могут быть использованы в качестве довода не только для перестройки жизни внутри страны, но и для перестройки нашей внешней политики и изменения характера военной помощи союзникам. Если исходить из предположения, что всеобщая ядерная война — единственный вид войны, к которой нам стоит готовиться и которая начнется сокрушительным ядерным ударом по территории США, то мы будем не в состоянии поддерживать свои войска за границей и оказывать помощь нашим союзникам. Поэтому нам следует, пока еще не поздно, вернуть наши войска домой и урегулировать вопрос о своих обязательствах перед союзниками с тем, чтобы уменьшить оказываемую помощь. Однако такие действия могут отпугнуть наших союзников, усилить их нежелание предоставлять нам свою территорию для передовых баз и способствовать тенденции к нейтрализму. Отсюда один шаг к полному отказу от нашей теперешней стратегии, базирующейся на союзе стран НАТО, и к поискам безопасности в политике изоляции в американской крепости. *(Замечание госдепартамента: «Этот абзац... привлекает особое внимание. Мы считаем, что подобно́го рода взгляды не подлежат публичному обсуждению и абзац должен быть полностью изъят. Это значит, что следующий абзац нужно серьезно пересмотреть и ослабить тезис о том, что «неверие в стратегию сдерживания» в настоящее время весьма отчетливо выражено в национальной политике».)*

Можно надеяться, что, изучив выводы, вытекающие из неверия в стратегию сдерживания и подчиняющиеся единственному требованию — выстоять во всеобщей ядерной войне, лица, занимающиеся стратегическим планированием, предпочтут поддержать гибкую программу сдерживания, изложенную в общих чертах выше. Тогда они будут настаивать на том, чтобы сначала в достаточной степени обеспечить силы, которые непосредственно участвуют в сдерживании противника, а затем уже произвести ассигнования из оставшихся средств, чтобы застраховаться на случай, если сдержать противника не удастся. Таким образом, наша жизнь будет связана с известным риском, но такая жизнь, пожалуй, лучше, чем мрачное существование в пещерах и пустынях, ожидающее нас в том случае, если мы будем действовать, исходя из предположения, что единственный вид войны, к которому стоит готовиться, — это война с внезапным ядерным нападением на Соединенные Штаты.

Рекомендуемая нами военная программа сдерживания, напротив, обладает гибкостью, необходимой для успешного ведения различных видов войны. Она не привязана к какой-либо одной системе вооружения или к одной определенной концепции будущей войны. Мы не закрываем глаза на грозную опасность всеобщей ядерной войны; наша программа в первую очередь направлена именно на то, чтобы избежать страшной катастрофы. В то же время она признает необходимость находить правильный выход при любых конфликтах, кроме всеобщей войны. Она предусматривает сохранение заокеанских группировок, предназначенных для того, чтобы вести войну как можно дальше от наших берегов. Она должна успокоить, а не оттолкнуть наших союзников. И самое важное — она предоставит руководителям нашей страны возможность широкого выбора, когда в какой-либо критический момент в будущем им придется определять форму военного противодействия, наиболее соответствующую нашим национальным интересам. (*Замечание госдепартамента: «Заключительные соображения статьи — необходимость гибкости, — конечно, вполне приемлемы, но проходящая красной нитью через все тринадцать страниц мысль, что политика сдерживания стоит под большим вопросом, — должна быть смягчена и носить более предположительный характер.»*)

Цена 59 коп.

М. ТЕЙЛОР • НЕНАДЕЖНАЯ СТРАТЕГИЯ